

СОСТАВ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

Председатель редакционного совета:

А.И. Бастрыкин, доктор юридических наук, профессор,
Председатель Следственного комитета РФ (г. Москва)

Члены редакционного совета:

И.А. Алебастрова, доктор юридических наук, доцент, заведующая кафедрой конституционного и международного права ВГУЮ (РПА Минюста России) (г. Москва);

А. Герлох, профессор Карлова университета в Праге (Чехия);

Л. Гоцян, профессор Китайского университета политических наук и права (Китай);

В.А. Гуреев, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского процесса и организации службы судебных приставов ВГУЮ (РПА Минюста России) (г. Москва);

Н.Г. Иванов, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии ВГУЮ (РПА Минюста России) (г. Москва);

М.Н. Илюшина, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой гражданского и предпринимательского права ВГУЮ (РПА Минюста России) (г. Москва);

Л. Казертано, профессор частного права Университета INSUBRIA (Италия);

И.М. Колосова, кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой уголовно-процессуального права и криминалистики ВГУЮ (РПА Минюста России) (г. Москва);

Е.Б. Козлова, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского и предпринимательского права ВГУЮ (РПА Минюста России) (г. Москва);

А.В. Морозов, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой информационного права, информатики и математики ВГУЮ (РПА Минюста России) (г. Москва);

В.В. Оксамытный, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права ИМПЭ им. А.С. Грибоедова (г. Москва);

Ю.А. Свиринов, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского процесса и организации службы судебных приставов ВГУЮ (РПА Минюста России) (г. Москва);

А.Ю. Соколов, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой административного и муниципального права СГЮА (г. Саратов);

П.С. Яни, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (г. Москва)

СОСТАВ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Главный редактор: член редакционной коллегии, кандидат юридических наук, доцент, ректор ВГУЮ (РПА Минюста России)
О.И. Александрова (г. Москва)

Заместитель главного редактора: доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского процесса, публично-правовой деятельности и организации службы судебных приставов Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) **В.А. Гуреев** (г. Москва)

Ответственный секретарь: член редакционной коллегии, кандидат юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Центра научных исследований ВГУЮ (РПА Минюста России)
Е.В. Фоменко (г. Москва)

Члены редакционной коллегии:

Д.А. Авдеев, кандидат юридических наук, доцент (г. Тюмень);

М.Б. Аверин, кандидат юридических наук, доцент (г. Москва);

Т.А. Батрова, доктор юридических наук, доцент (г. Москва);

Н.В. Бандурина, доктор юридических наук, доцент (г. Москва);

А.В. Безруков, доктор юридических наук, доцент (г. Красноярск);

Е.Г. Беликов, доктор юридических наук, доцент (г. Саратов);

Э.В. Богмацера, кандидат юридических наук, доцент (г. Москва);

С.В. Борисов, доктор юридических наук, доцент (г. Москва);

Д.Х. Валеев, доктор юридических наук, профессор (г. Казань);

О.Н. Волкова, кандидат юридических наук, доцент (г. Москва);

Р.С. Галиев, кандидат юридических наук, доцент (г. Барнаул);

А.В. Денисова, доктор юридических наук, доцент (г. Москва);

О.В. Исаенкова, доктор юридических наук, профессор (г. Саратов);

З.М. Казачкова, доктор юридических наук, профессор (г. Москва);

В.И. Красиков, доктор философских наук, профессор (г. Москва);

К.Д. Крылов, доктор юридических наук, доцент (г. Москва);

В.В. Кулыгин, доктор юридических наук, профессор (г. Хабаровск);

В.Ф. Лапшин, доктор юридических наук, доцент (г. Рязань);

А.Н. Лёвшин, доктор юридических наук, профессор (г. Москва);

С.В. Максимов, доктор юридических наук, профессор (г. Москва);

Ю.В. Малеванова, кандидат юридических наук, доцент (г. Москва);

Р.Г. Нурмагамбетов, кандидат юридических наук, доктор философии по праву PhD, доцент (ассоциированный профессор) (г. Челябинск);

Н.А. Подольный, доктор юридических наук, доцент (г. Казань);

А.Г. Репьев, доктор юридических наук, доцент (г. Москва);

З.Б. Соколов, доктор юридических наук, доцент (г. Москва);

Ю.Г. Торбин, доктор юридических наук, профессор (г. Москва);

С.Е. Чаннов, доктор юридических наук, профессор (г. Саратов);

К.В. Черкасов, доктор юридических наук, доцент (г. Москва);

А.Ю. Чупрова, доктор юридических наук, профессор (г. Москва)

Учредитель издания:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)»

© Вестник Российской правовой академии, 2022

Журнал зарегистрирован в Министерстве РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации № 77–15470 от 20 мая 2003 г.

Номер подготовлен при информационной поддержке справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

THE COMPOSITION OF THE EDITORIAL COUNCIL

Chairman of the Editorial Council:

A.I. Bastrykin, Doctor of Law, Professor, Chairman of the Investigative Committee of the Russian Federation (Moscow)

Members of the Editorial Board:

I.A. Alebastrova, Doctor of Law, Head of the Department of Constitutional and International Law of All-Russian State University of Justice (Moscow);

A. Gerloch, Professor at Charles University in Prague (Czech Republic);

L. Guoqiang, Professor at China University of Political Science and Law (China);

V.A. Gureev, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Civil Procedure and Organization of the Bailiff Service of All-Russian State University of Justice (Moscow);

N.G. Ivanov, Doctor of Law, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology, All-Russian State University of Justice (Moscow);

M.N. Ilyushina, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Civil and Business Law of All-Russian State University of Justice (Moscow);

L. Kazertano, Professor of Private Law at University INSUBRIA (Italy);

I.M. Kolosova, PhD in Law, Head of the Department of Criminal Procedural Law and Criminalistics of All-Russian State University of Justice (Moscow);

E.B. Kozlova, Doctor of Law, of the Department of Civil and Business Law of All-Russian State University of Justice (Moscow);

A.V. Morozov, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Information Law, Informatics and Mathematics of All-Russian State University of Justice (Moscow);

V.V. Oksamytny, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law of Institute of International Law and Economy named after A.S. Griboedov (Moscow);

A.Yu. Sokolov, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Administrative and Municipal Law of Saratov State Law Academy (Saratov);

Yu.A. Svirin, Doctor of Law, Professor of the Department of Civil Procedure and Organization of the Bailiff Service of All-Russian State University of Justice (Moscow);

P.S. Yani, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University. (Moscow)

THE COMPOSITION OF THE EDITORIAL BOARD

Chief Editor: Member of the Editorial Board, PhD in Law, Rector of All-Russian State University of Justice **O.I. Alexandrova** (Moscow)

Deputy Chief Editor: Member of the Editorial Board, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Civil Procedure, Public Law Activity and Organization of the Bailiff Service of All-Russian State University of Justice **V.A. Gureev** (Moscow)

Executive Secretary: Member of the Editorial Board, PhD in Law, Leading Researcher at the Center for Scientific Research of All-Russian State University of Justice **E.V. Fomenko** (Moscow)

Members of the Editorial Board:

D.A. Avdeev, PhD in Law (Tyumen);

M.B. Averin, PhD in Law (Moscow);

N.V. Bandurina, Doctor of Law (Moscow);

T.A. Batrova, Doctor of Law (Moscow);

E.G. Belikov, Doctor of Law (Saratov);

A.V. Bezrukov, Doctor of Law (Krasnoyarsk);

E.V. Bogmatsera, PhD in Law (Moscow);

S.V. Borisov, Doctor of Law (Moscow);

S.E. Channov, Doctor of Law, Professor (Saratov);

K.V. Cherkasov, Doctor of Law (Moscow);

A.Yu. Chuprova, Doctor of Law, Professor (Moscow)

A.V. Denisova, Doctor of Law (Moscow);

R.S. Galiev, PhD in Law (Barnaul);

O.V. Isaenkova, Doctor of Law, Professor (Saratov);

Z.M. Kazachkova, Doctor of Law, Professor (Moscow);

V.I. Krasikov, Doctor of Philosophy, Professor (Moscow);

K.D. Krylov, Doctor of Law (Moscow);

V.V. Kulygin, Doctor of Law, Professor (Khabarovsk);

V.F. Lapshin, Doctor of Law (Ryazan);

A.N. Lyovushkin, Doctor of Law, Professor (Moscow);

S.V. Maksimov, Doctor of Law, Professor (Moscow);

Yu.V. Malevanova, PhD in Law (Moscow);

R.G. Nurmagambetov, PhD in Law (Chelyabinsk);

N.A. Podolny, Doctor of Law (Kazan);

A.G. Repeyev, Doctor of Law (Moscow);

Z.B. Soktoev, Doctor of Law (Moscow);

Yu.G. Torbin, Doctor of Law, Professor (Moscow);

D.Kh. Valeev, Doctor of Law, Professor (Kazan);

O.N. Volkova, PhD in Law (Moscow)

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий Высшей аттестационной комиссии (ВАК), в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим научным специальностям и соответствующей им отрасли науки: 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве (юридические науки), 12.00.02 – Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право (юридические науки), 12.00.03 – Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право (юридические науки), 12.00.04 – Финансовое право; налоговое право; бюджетное право (юридические науки), 12.00.05 – Трудовое право; право социального обеспечения (юридические науки), 12.00.06 –

Земельное право; природоресурсное право; экологическое право; аграрное право (юридические науки), 12.00.07 – Корпоративное право; энергетическое право (юридические науки), 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовноисполнительное право (юридические науки), 12.00.09 – Уголовный процесс (юридические науки), 12.00.10 – Международное право; Европейское право (юридические науки), 12.00.11 – Судебная деятельность, прокурорская деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность (юридические науки), 12.00.12 – Криминология; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность (юридические науки), 12.00.13 – Информационное право (юридические науки), 12.00.14 – Административное право; административный процесс (юридические науки), 12.00.15 – Гражданский процесс; арбитражный процесс (юридические науки).

Опубликованные статьи выражают мнение авторов, которое может не совпадать с точкой зрения редакции журнала. Редакция оставляет за собой право на внесение изменений и сокращений. Полная и частичная перепечатка материалов возможна с письменного разрешения редакции.

Published articles express the authors' opinion, which may not coincide with the point of view of the editorial office of the journal. The editors reserve the right to make changes and abbreviations. Full and partial reprinting of materials is possible with the written permission of the editorial office.

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ ПРАВА. ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА. ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

Бабенко В. Н.

Министерство юстиции в системе органов государственной власти России в первой половине XIX в. 5

Атабекова Н. К.

Идея социального государства в конституционной материи 12

Паршина Н. В.

Особенности организации и функционирования судебной системы в Черноморском казачьем войске (конец XVIII – первая половина XIX вв.): историко-правовой обзор 23

ПУБЛИЧНОЕ ПРАВО: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ

Готчина Л. В., Новопавловская Е. Е.

Конституционный Суд Российской Федерации в механизме преодоления пробелов и коллизий уголовного законодательства 29

Бытко С. Ю.

Влияние уголовных наказаний на изменения преступности 35

Борсученко С. А.

Современная политика России в сфере наказания: тенденции и перспективы 44

Подольный Н. А.

Следственная тайна как тактико-криминалистическое средство расследования преступлений 50

Шикла И. Р., Каменева З. В., Кособродов В. М.

Актуальные направления виктимологической профилактики насильственной преступности в отношении беспомощного потерпевшего в системе виктимологической защиты: российская и зарубежная практика 58

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЧАСТНОГО ПРАВА

Яковлева-Чернышева А. Ю.

Деньги как объекты гражданских прав в условиях цифровизации экономики 64

Гущин В. В.

Инфраструктура поддержки предпринимательства: понятие и сущность 71

Лютаревич-Гефтер Ю. А.

Злоупотребление правом в трудовых отношениях: корреляция законодательства и судебной практики 76

Филиппов С. А.

Веб-конференции сквозь призму цифровых технологий в арбитражном судопроизводстве 85

ОКАЗАНИЕ БЕСПЛАТНОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ И ПРАВОВОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ. ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ. РЕКОМЕНДАЦИИ ПРАКТИКУЮЩИХ ЮРИСТОВ

Долгушина Н. В., Чупрова А. Ю.

Проблемы ответственности за оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности в медицине 90

Саранов А. В.

К вопросу о регламентации и применении специальных условий освобождения от уголовной ответственности лиц, совершивших преступления против свободы человека 96

ТРУДЫ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Курский И. С.

Роль политических партий в механизме сдержек и противовесов: горизонтальный и вертикальный аспекты 103

Гаджиев А. К.

Организационно-правовой механизм сопровождения обеспечения реализации внутренней политики государства полномочными представителями Президента России в федеральных округах: сравнительно-правовой анализ 112

РЕЦЕНЗИИ, ОБЗОРЫ, ПЕРСОНАЛИИ

Кирсанова Е. В.

Об итогах проведения студенческой научной конференции «Великие юристы России» 117

CONTENT

PHILOSOPHY OF LAW. LEGAL POLICY. THEORY AND HISTORY OF LAW AND STATE

Vasily N. Babenko

The Ministry of Justice in the System of State Authorities of Russia in the First Half of the 19th Century5

Nurgul K. Atabekova

The Idea of the Social State in Constitutional Matter 13

Natalya V. Parshina

Features of the Organization and Functioning of the Judicial System in the Black Sea Cossack Army (Late 18th – First Half of the 19th Centuries): Historical and Legal Review 23

PUBLIC LAW: THEORY AND PRACTICE OF APPLICATION

Larisa V. Gotchina, Elena E. Novopavlovskaya

The Constitutional Court of the Russian Federation in the Mechanism of Overcoming Gaps and Conflicts of Criminal Law 30

Sergey Iu. Bytko

The Impact of Criminal Penalties on Crime Changes..... 36

Svetlana A. Borsuchenko

Modern Russian Policy in the Sphere of Punishment: Trends and Prospects 44

Nikolay A. Podolnyi

Investigative Secrecy as a Tactical and Forensic Means of Investigating Crimes 50

Ilmira R. Shikula, Zoryana V. Kameneva, Vladimir M. Kosobrodov

Current Directions of Victimological Prevention of Violent Crime Against a Helpless Victim in the Victimological Protection System: Russian and Foreign Practice 59

ACTUAL ISSUES OF PRIVATE LAW

Anna Yu. Yakovleva-Chernysheva

Money as Objects of Civil Rights in the Conditions of Digitalization of the Economy 64

Vasily V. Gushchin

Entrepreneurship Support Infrastructure: Concept and Essence 71

Yulia A. Lyutarevich-Gefter

Abuse of the Right in Labor Relations: Correlation of Legislation and Judicial Practice 77

Sergey A. Filippov

Web Conferences Through the Prism of Digital Technologies in Arbitration Proceedings 85

PROVISION OF FREE LEGAL AID AND LEGAL EDUCATION OF THE POPULATION. LEGAL EDUCATION. RECOMMENDATIONS OF PRACTICING LAWYERS

Natalia V. Dolgushina, Antonina Yu. Chuprova

Responsibility Problems for the Provision of Services That Do Not Meet Safety Requirements in Medicine 90

Aleksey V. Saranov

On the Regulation and Application of Special Conditions for Exemption from Criminal Responsibility of Persons Who Have Committed Crimes Against Human Freedom..... 97

PROCEEDINGS OF YOUNG SCIENTISTS

Ilya S. Kurskiy

The Role of Political Parties in the Mechanism of Checks and Balances: Horizontal and Vertical Aspects 104

Abdulkhakim K. Gadzhiev

Organizational and Legal Mechanism for Supporting the Implementation of the Internal Policy of the State by Plenipotentiary Representatives of the President of Russia in Federal Districts: Comparative Legal Analysis 112

REVIEWS, PERSONALITIES

Ekaterina V. Kirsanova

On the Results of the Student Scientific Conference "Great Lawyers of Russia" 117

МИНИСТЕРСТВО ЮСТИЦИИ В СИСТЕМЕ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ РОССИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2022-0-2-5-11>

Актуальность работы заключается в том, что уже в первый год деятельности Министерства юстиции были обозначены такие важные проблемы, как соблюдение законности и четкое разграничение полномочий между отдельными государственными ведомствами, добросовестное использование казенных средств, борьба с коррупцией, что имеет важное значение и в настоящее время. В статье исследуются проблемы становления и развития Министерства юстиции Российской империи в первой половине XIX в., вопросы совершенствования деятельности структурных подразделений министерства и его взаимодействия с Сенатом, Государственным советом, Собственной его императорского величества канцелярией. Особое внимание уделяется роли Министерства юстиции в осуществлении кодификации российского законодательства, большой вклад в которую внес М. М. Сперанский. Значительное место отводится оценке деятельности Г. Р. Державина, И. И. Дмитриева, Д. П. Трощинского, Д. И. Лобанова-Ростовского, А. А. Долгорукова, Д. В. Дашкова, Д. Н. Блудова и В. Н. Панина в качестве министров юстиции. Методологическую основу работы составили историко-правовой и сравнительно-правовой методы. В заключение делается вывод о том, что Министерство юстиции играло важную роль в совершенствовании органов государственной власти и правовой системы России в первой половине XIX в. Полученные результаты и выводы могут применяться в исследованиях по истории государства и права.

БАБЕНКО

Василий Николаевич

доктор исторических наук,
профессор, главный научный
сотрудник Центра научных
исследований Всероссийского
государственного университета
юстиции (РПА Минюста России)
(г. Москва)

vasbabenko@mail.ru

**Россия;
Российская империя;
первая половина XIX в.;
Министерство юстиции;
Сенат; кодификация
российского законодательства;
Г. Р. Державин;
М. М. Сперанский;
И. И. Дмитриев;
Д. В. Дашков;
В. Н. Панин**

Vasily N. BABENKO

Doctor of Historical Sciences,
Professor, Chief Researcher, Center
of Scientific Researches, All-Russian
State University of Justice (Moscow)

vasbabenko@mail.ru

THE MINISTRY OF JUSTICE IN THE SYSTEM OF STATE AUTHORITIES OF RUSSIA IN THE FIRST HALF OF THE 19TH CENTURY

The relevance of the work lies in the fact that already in the first year of the Ministry of Justice's activity, such important problems as compliance with the rule of law and a clear division of powers between individual government departments, the fair use of state funds, the fight against corruption were identified, which is important at the present time. The article examines the problems of the formation and development of the Ministry of Justice of the Russian Empire in the first half of the 19th century, the issues of improving the activities of the structural units of the Ministry and its interaction with the Senate, the State Council, His Imperial Majesty's Own Chancellery. Special attention is paid to the role of the Ministry of Justice in the implementation of the codification of Russian legislation, to which M. M. Speransky made a great contribution. A significant place is given to the assessment of the activities of G. R. Derzhavin, I. I. Dmitriev, D. P. Troshchinsky, D. I. Lobanov-Rostovsky, A. A. Dolgorukov, D. V. Dashkov, D. N. Bludov and V. N. Panin as Ministers of Justice. The methodological basis of the work consists of historical-legal and comparative-legal methods. In conclusion, it is concluded that the Ministry of Justice played an important role in the improvement of public authorities and the legal system of Russia in the first half of the 19th century. The obtained results and conclusions can be applied in research on the history of state and law.

**Russia;
Russian Empire;
first half of the 19th century;
Ministry of Justice;
Senate;
codification of Russian legislation;
G. R. Derzhavin;
M. M. Speransky;
I. I. Dmitriev;
D. V. Dashkov;
V. N. Panin**

В первой половине XIX в. в условиях абсолютной монархии в России возникла необходимость провести реформы государственного управления. Это было обусловлено кризисом феодально-крепостнического строя и развития капиталистических отношений, требовавших совершенствования всей системы управления. В результате дворцового переворота, совершенного в ночь с 11 на 12 марта 1801 г., был убит император Павел I и следующим монархом Российской империи стал его старший сын Александр I. Сначала он принял меры по исправлению ошибок, допущенных императором Павлом I, и начал проводить государственные реформы.

В 1801 г. был учрежден Непременный совет, обладавший совещательными полномочиями. Он действовал до создания в 1810 г. Государственного совета. В 1802 г. была проведена реформа системы государственного управления, которую отдельные авторы называют министерской реформой. В рамках реформы государственного управления коллегии, исчерпавшие свой ресурс, были заменены министерствами. Это способствовало более четкому разграничению функций органов власти и установлению системы отраслевого управления, замене коллегиальности единоначалием и привело к прямой ответственности министров перед императором, усилению централизации и укреплению самодержавия.

В результате данной реформы были образованы восемь министерств: военно-сухопутных и военно-морских сил, внутренних и иностранных дел, юстиции и народного просвещения, финансов и коммерции. В 1812 г. Собственная его императорского величества канцелярия стала функционировать как общегосударственный орган, а в 1826 г. она была провозглашена высшим органом управления при монархе и к ее ведению были отнесены важнейшие государственные вопросы. В то же время роль и значение Сената в данный период продолжали снижаться. Он уже не мог самостоятельно принимать решения государственного характера и должен был передавать свои заключения в Государственный совет, а затем в Собственную его императорского величества канцелярию. Сенат являлся фактически высшим судебным учреждением страны, а его департаменты – высшими апелляционными инстанциями для губернских судов.

В соответствии с утвержденным императором Александром I Манифестом «Об учреждении министерств» от 8 сентября 1802 г. были образованы восемь министерств, среди которых Министерство юстиции занимало особое место. «В этой связи большой интерес представляет не только исследование вопросов создания, структуры и деятельности Министерства юстиции как одного из центральных органов управления России, но и люди, возглавлявшие это министерство, те, кто был у истоков становле-

ния министерства, способствовал его развитию, совершенствованию функций и практической деятельности» [1, с. 14]. Совмещение должностей министра юстиции и генерал-прокурора способствовало тому, что важную роль в формировании первого состава министерства сыграла Канцелярия Сената. Первым министром юстиции 8 сентября 1802 г. был назначен известный государственный деятель и русский поэт Гавриил Романович Державин.

К ведению Министерства юстиции относились вопросы подготовки законодательных актов, управления судебными органами и прокуратурой. Министерство занималось также кадровым обеспечением судебных учреждений, созданием и ликвидацией судов, надзором за их деятельностью. «При этом министр юстиции возглавлял, – отмечает С.В. Кодан, – прокурорскую систему, одновременно являясь и генерал-прокурором Сената, что свидетельствовало о желании соединить управление с правосудием и надзор за законностью в одних руках» [2, с. 10]. Такое совмещение двух должностей свидетельствовало о неоднозначности сложившейся ситуации. «С одной стороны, в этом была, – как полагает О.Н. Яковлева, – определенная логика, имея в виду, что Сенат был прежде всего высшей апелляционной инстанцией, однако, с другой – при такой постановке дела министерство, которое наряду с остальными должно было быть подотчетно Сенату, фактически подчинило его себе» [3, с. 35].

Особое место в деятельности Министерства юстиции занимала надзорная функция, осуществлявшаяся «путем пересмотра определений Сената и донесений обер-прокуроров, протестов губернских прокуроров на решения губернских судов, рассмотрения отчетов о движении дел в судах, жалоб, производства ревизий» [4, с. 129–130].

В целом взаимоотношения Министерства юстиции и Правительствующего сената в правовых актах не были четко урегулированы. В связи с этим между двумя ведомствами нередко возникали противоречия. В том случае, если члены департамента не могли прийти к согласию при рассмотрении дела, оно направлялось в Общее собрание департаментов Сената. Если на нем оно не получало квалифицированного большинства или министр юстиции высказывался против данного решения, то это дело передавалось на обсуждение в Совет обер-прокуроров. Когда не удавалось и там достичь согласия, оно направлялось в Государственный совет, а затем императору.

В центральный аппарат Министерства юстиции входили: министр, его товарищ (заместитель), Совет (Консультация), Канцелярия (Особая общая регистратура) и Департамент, состоявший из трех экспедиций. В нормативном акте «Учреждение Департамента Министра юстиции или Генерал-прокурора» указывалось, что поступающие в Министерство юстиции

дела должна была рассматривать одна из трех экспедиций Департамента. Контроль входящих и исходящих документов осуществляла Канцелярия или Особая общая регистратура. За подготовку юридических заключений по разрабатывавшимся законопроектам несла ответственность Консультация как важное структурное подразделение министерства.

В 1810 г. при Министерстве юстиции была образована Комиссия финляндских дел, занимавшаяся подготовкой законопроектов по управлению Великим княжеством Финляндским, вошедшим в состав России в 1809 г.

Принципы деятельности Министерства юстиции были в основном сформулированы в следующих правовых актах: Манифест «Об учреждении министерств» от 8 сентября 1802 г.; Манифест «О разделении государственных дел на особые управления, с означением предметов, каждому управлению подлежащих» от 25 июля 1810 г.; «Высочайше утвержденное разделение государственных дел по министерствам» от 17 августа 1810 г.; «Общее учреждение министерств» от 25 июня 1811 г.

В данных нормативных актах были обозначены основные принципы деятельности министерства: 1) отраслевой характер управления; 2) принцип законности; 3) ответственности министров перед императором; 4) единоначалия; 5) непосредственного подчинения каждому министру всех местных отраслевых органов, относившихся к ведению данного министерства; 6) подконтрольности министерства Сенату, заключавшийся в передаче ему предназначенных для императора отчетов о деятельности своих ведомств; 7) организационно-структурного построения министерства; 8) совмещения в одном лице должностей министра юстиции и генерал-прокурора [5, с. 34–35].

Принцип организационно-структурного построения министерства в целом был реализован в «Общем учреждении министерств» в 1811 г., в соответствии с которым состав Министерства юстиции был следующим: министр, его товарищ (заместитель), Консультация (совет министра), Канцелярия министра и Департамент.

Уже в первый год деятельности министерства был организован эффективно функционировавший его центральный аппарат и принимались меры по совершенствованию судебной системы. Достаточно обширные полномочия министра юстиции и генерал-прокурора Сената позволили Г. Р. Державину поставить вопрос о том, чтобы все доклады императору и решения по ним проходили через министра юстиции. Он предлагал также изменить порядок отчетности министров на заседаниях Сената.

Г. Р. Державин, находясь чуть более года на посту министра юстиции, много сделал для укрепления российской государственности, защиты справедли-

вости, законности и правосудия. Он считал, что соблюдение законов обязательно для всех лиц независимо от их социального положения и должностного статуса. По его мнению, долг государственного служащего заключался не только в честном исполнении своих обязанностей, но и в моральной ответственности выявлять и говорить обо всех недостатках вышестоящим чиновникам.

Г. Р. Державин вел непримиримую борьбу с беззаконием, произволом, превышением должностных обязанностей и взяточничеством. Располагая широкими полномочиями в системе государственного управления, он стремился оказывать влияние не только на решения Правительствующего сената, но и на деятельность министерств.

Действуя по закону, утвержденному еще Петром I, согласно которому Сенат мог расходовать из казны сумму, не превышавшую 10 тыс. руб., а министры должны были получить согласие Сената на использование казенных средств, Державин добивался его соблюдения. В то же время отдельные министры самостоятельно заключали контракты на миллионы рублей, не обращаясь для их одобрения в Сенат. После этого они, пользуясь покровительством императора, добивались их утверждения. Тем не менее на доклад Державина Александру I, в котором он указывал, что министры разворовывали «казну всякий по своему желанию» [6, с. 237], император не отреагировал принятием соответствующих мер.

Державин предложил также рассмотреть проект Указа о взяточничестве, в котором предлагалось ограничить ответственность тех лиц, которые берут взятки, и тех, «которые, по необходимости иногда, чтобы избавиться от несносной волокиты и притеснения в производстве и напрасно, ходя за делами, не проживаться, дают подарки» [там же, с. 264]. Однако проект Указа о взяточничестве не был одобрен императором.

Борьба Державина с казнокрадством, нарушением законности и взяточничеством, а также попытка изменить порядок отчетности министров на заседаниях Сената вызвали большое недовольство со стороны некоторых министров и ближайших соратников императора Александра I. К ним относились прежде всего В. П. Кочубей, А. Е. Чарторыйский, Н. Н. Новосильцев и др. 7 октября 1803 г. Державин был освобожден от должности министра юстиции. На вопрос о причине его увольнения император сказал, что он очень ревностно служит. Державин ему ответил: «...я иначе служить не могу» [там же, с. 267–268].

Краткое пребывание в должности министра юстиции Г. Р. Державина (с 8 сентября 1802 г. по 7 октября 1803 г.) не снижает его роль «в становлении и дальнейшем развитии Министерства юстиции Российской империи» [7, с. 25].

Важное место в деятельности Министерства юстиции с первых лет занимал вопрос кадрового обеспечения. Чиновниками структурных подразделений Сената, Министерства юстиции и губернских судебных органов нередко становились молодые представители придворной знати или ушедшие в отставку военные, не обладавшие необходимыми юридическими знаниями. Это приводило к тому, что в учреждениях юстиции многие чиновники «только числились на службе и получали чины и награды, не выполняя при этом никаких служебных обязанностей» [8, с. 27].

В соответствии с установленной законом компетенцией Министерство юстиции должно было контролировать порядок комплектования и деятельности судебных органов. В действительности ему было сложно это осуществлять, так как состав суда продолжали формировать на основе «Табели о рангах» 1722 г., в которой на первое место ставились не профессиональные качества кандидата в судьи, а его чин, соответствовавший данному документу. Как отмечает И. И. Царьков, «судебные места были пожалованными, то есть для того, чтобы стать судьей, не требовались определенные профессиональные испытания (экзамены, следовательно, знание законов Российской империи), судебскую должность жаловали, то есть назначали» [9, с. 64].

В связи с этим Министерство юстиции нуждалось в квалифицированных кадрах. Эта проблема обострилась в период проведения кодификации российского законодательства, которая была широко развернута во второй половине 20-х – первой половине 30-х гг. XIX в. На это обращал внимание император Николай I М. М. Сперанский, руководивший данной работой.

Особое значение имело создание в 1835 г. по инициативе принца П. Г. Ольденбургского Императорского училища правоведения, которое «стало кузницей квалифицированных кадров для Министерства юстиции и других органов государственной власти» [8, с. 28]. Выпускники данного училища направлялись прежде всего в канцелярии Министерства юстиции и Сената, а также в губернские судебные учреждения [10, с. 145].

В первой половине XIX в. Министерство юстиции внесло большой вклад в работу по кодификации российского законодательства. Так, Комиссия составления законов, находившаяся с 1801 г. в ведении Сената, в 1803 г. была переподчинена Министерству юстиции и действовала под его эгидой до 1810 г., когда была включена в состав учрежденного Государственного совета.

В 1808 г. М. М. Сперанский, являясь товарищем (заместителем) министра юстиции, фактически возглавил работу данной Комиссии. Она была разделена на три экспедиции. Комиссия составления законов

подготовила проекты Гражданского (1809 г.) и Уголовного (1813 г.) уложений. Однако в связи с тем, что они подверглись (особенно Гражданское уложение) критике со стороны членов Государственного совета, проекты не были приняты. Сперанский подготовил также проект преобразований государственных учреждений России – «Введение к Уложению государственных законов», в котором выборной становилась не только учреждавшаяся Государственная дума, но и судебная власть. По его мнению, «Сенат оставался высшей судебной инстанцией, но при этом терял все остальные функции, переходившие к Государственной думе» [11, с. 335].

После учреждения в 1810 г. Государственного совета Сперанский был назначен на должность государственного секретаря, возглавлявшего работу Государственной канцелярии. В 1811 г. Александр I утвердил подготовленное им «Общее учреждение министерств».

Министр юстиции И. И. Дмитриев (01.01.1810 г. – 30.08.1814 г.) считал, что в этот период необходимо было совершенствовать судоустройство и судопроизводство, а также избавляться от излишних инстанций. Он также добился, как отмечает В. Сысоев, внесения изменений, в правила слушания дел в Сенате и порядок решения уголовных дел [12, с. 21].

Дмитриев организовал подготовку и добился утверждения Устава Министерства юстиции. Кроме того, он поддержал инициативу о создании Императорского училища законоведения и добивался возврата прежних полномочий Сенату. Тем не менее предложения М. М. Сперанского о реформе Сената не позволили Дмитриеву провести намеченные преобразования. На заседании Государственного совета он выступил с критикой проекта реформы Сената, который предложил Сперанский. По его мнению, создание Судебного сената как самостоятельного органа с полномочиями высшего суда и выборными представителями от сословий не могло способствовать его эффективной работе.

В период Отечественной войны 1812 г. вся тяжесть государственного управления легла на Комитет министров, в заседаниях которого активно участвовал и министр юстиции. Дмитриев часто указывал на допускаемые министрами нарушения действовавших законов, что привело к его конфликту с высшими государственными чиновниками и затруднениям в работе Министерства юстиции. В таких условиях И. И. Дмитриев в августе 1814 г. вынужден был подать прошение об отставке, которое было удовлетворено.

Следующий министр юстиции, Д. П. Трошинский (30.08.1814 г. – 25.08.1817 г.), выступал с критикой проекта третьей части Гражданского уложения, подготовленного М. М. Сперанским. Доводы министра юстиции убедили членов Государственного совета

в опасности нового уложения для России, и оно было отклонено. В связи с ухудшением состояния здоровья 25 августа 1817 г. Трощинский был уволен с должности министра юстиции.

При министре юстиции Д. И. Лобанове-Ростовском (25.08.1817 г. – 18.10.1827 г.) «удалось добиться принятия специального указа о том, что обер-прокуроры за упущения по должности могут отвечать только перед судом общего собрания департаментов Правительствующего Сената» [1, с. 36–37]. В этой должности он добился повышения окладов служащим министерства, а также вел борьбу со служебными злоупотреблениями чиновников.

Во второй четверти XIX в. Собственная его императорского величества канцелярия была провозглашена высшим органом управления при монархе, в связи с чем в ее структуре были образованы шесть отделений. К ведению I Отделения относились вопросы подготовки указов императора, назначения и увольнения высших должностных лиц, контроля за деятельностью министерств, органов местного управления и др. II Отделение ведало кодификацией российского законодательства.

В 1826 г. все материалы, подготовленные Комиссией составления законов, были переданы Второму отделению Собственной его императорского величества канцелярии. Работу по кодификации законодательства вновь возглавил М. М. Сперанский. Представители Министерства юстиции активно участвовали в подготовке «Полного собрания законов Российской империи» (1830 г.), «Свода законов Российской империи» (1832 г.), «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных» (1845 г.) и других нормативных правовых актов. Кроме того, Министерство юстиции предлагало осуществить реформу судебной системы и активно участвовало в разработке соответствующих законопроектов.

В 1826 г. в качестве генерал-прокурора Сената Лобанов-Ростовский выступил в Верховном уголовном суде по делу декабристов. В связи с преклонным возрастом он ушел в отставку с должности министра юстиции в октябре 1827 г.

А. А. Долгоруков (18.10.1827 г. – 20.09.1829 г.) в должности министра юстиции возглавил комитет, который проводил ревизию содержания подготовленного проекта Свода законов Российской империи. Кроме того, в этот период проводилась разработка Положения о правах и обязанностях товарища министра юстиции. Долгоруков принимал меры, направленные на поддержание независимости прокурорского надзора и улучшение организации работы Правительствующего сената.

Д. В. Дашков (20.09.1829 г. – 14.02.1839 г.) в период нахождения на посту министра юстиции принимал активное участие в обсуждении и утверждении

Полного собрания законов и Свода законов Российской империи, организовал опись дел Московского архива, участвовал в работе комиссий по крестьянскому вопросу в 1826 и 1835 гг. Дашков распорядился не принимать в обеспечение частных долгов крепостных крестьян без земли, выступал за пересмотр законодательства о судопроизводстве, за введение гласности в судопроизводстве и института адвокатуры. При Дашкове были внесены изменения в структуру Канцелярии Сената, в порядок делопроизводства и разработаны правила составления определений в Правительствующем сенате.

Д. Н. Блудов (14.02.1839 г. – 31.12.1839 г.) в качестве министра юстиции добился издания Циркуляра, предписывавшего помещать арестантов в тюрьму, учитывая их возраст и степень преступления. Кроме того, по его инициативе император Николай I утвердил Мнение Государственного совета Российской империи, в котором «была решена проблема финансовой зависимости губернских прокуроров от губернских властей» [13, с. 7].

В. Н. Панин (31.12.1839 г. – 21.10.1862 г.) в должности министра юстиции участвовал в работе различных совещательных и подготовительных учреждений: Комиссии для рассмотрения свода местных узаконений Остзейских губерний, Главного комитета по крестьянскому делу и Главного комитета об устройстве сельского состояния. В этот период Министерство юстиции и подведомственные ему учреждения, судебная система остро нуждались в реформировании. Положение усугублялось крайне скудным бюджетом министерства. Прежняя система судопроизводства характеризовалась медлительностью в рассмотрении дел, волокитой и повсеместным взяточничеством. Панин по поручению императора Николая I лично проводил проверки в судебных учреждениях Санкт-Петербурга. В дальнейшем он был членом комитета, который занимался разработкой проекта освобождения крестьян от крепостной зависимости, а затем руководил Редакционной комиссией, подготовившей Положение об освобождении крестьян.

Таким образом, в первой четверти XIX в. в России были проведены реформы системы органов государственной власти и управления, которые не смогли оказать существенного влияния на развитие феодально-крепостнического строя и были в основном направлены на сохранение абсолютной монархии. Проекты преобразования государственной системы, предложенные М. М. Сперанским, были отвергнуты высшим руководством страны. Проекты конституционной реформы, инициированные представителями либерального дворянства, также не были одобрены. Это привело в итоге к восстанию декабристов. Реформы в России так и не превратились «в рутинный политический инструмент» и, по существу, оставались

«явлением эксклюзивным, применение которого требовало изрядной политической воли» [11, с. 429].

Тем не менее реформа центральных органов управления и создание министерств сыграли значительную роль в совершенствовании системы государственной власти. Особое место в этом процессе занимало Министерство юстиции Российской империи, которое смогло в условиях перераспределения полномочий после образования Государственного совета, Комитета министров, а также укрепления статуса Собственной его императорского величества канцелярии внести свой вклад в совершенствова-

ние органов власти и управления, правовой системы России в первой половине XIX в.

«Исторический опыт становления и развития системы органов юстиции в России учит нас, – справедливо отмечает О. И. Александрова, – что процесс строительства правовой государственности – это дело не только политической воли высших руководителей страны, но и процесс историко-культурный, всеохватный, где замыслы реформаторов в процессе их осуществления могут обрести иные, нежели предполагалось, формы» [14, с. 9].

Пристатейный библиографический список

1. Гутман М. Ю., Никулин А. Г., Сальников В. П. К 220-летию Министерства юстиции Российской Федерации. Министры юстиции, генерал-прокуроры дореформенной России (1802–1861 гг.) // Юридическая наука : история и современность. 2021. № 6.
2. Кодан С. В. Министерство юстиции в системе управления Российской империей (XIX – начало XX века) // Юридический журнал. 2002. № 4 (36).
3. Яковлева О. Н. Механизм взаимодействия Министерства юстиции с Правительствующим сенатом Российской империи // Вестник института : преступление, наказание, исправление. 2016. № 1 (33).
4. Ефремова Н. Н. Развитие органов юстиции в период административных реформ первой четверти XIX в. // Журнал российского права. 2008. № 8.
5. Яковлева О. Н. Принципы деятельности Министерства юстиции Российской империи (1802–1917 гг.) // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2013. № 1 (24).
6. Державин Г. Р. Записки. М. : Мысль, 2000.
7. Бабенко В. Н. 210 лет борьбы за справедливость и законность : из истории Министерства юстиции России (1802–2012) // Закон. 2012. № 9.
8. Рыбин Д. В., Зеничев Н. А. Проблемы кадрового состава Министерства юстиции Российской империи и его социального обеспечения : исторический опыт XIX – начала XX вв. // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2015. № 4 (29).
9. Царьков И. И. История российской юстиции XVIII–XIX вв. // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2019. Т. 1. № 2.
10. Яковлева О. Н. Основные направления профессионального образования служащих Министерства юстиции Российской империи // Право и образование. 2015. № 6.
11. Реформы в России с древнейших времен до конца XX в. : в 4 т. Т. 2 : XVIII – первая половина XIX в. / отв. ред. А.Б. Каменский. М. : Политическая энциклопедия, 2016.
12. Сысоев В. Державин Гавриил Романович // На службе закону и справедливости : Очерки об отечественных министрах юстиции (1802–2002). М. : Норма, 2002.
13. Лавров В. В. Дмитрий Николаевич Блудов (1785–1864) : министр юстиции (генерал-прокурор), государственный деятель Российской империи // Криминалистика. 2021. № 4 (37).
14. Александрова О. И. Становление и развитие системы органов юстиции в России // Время и право. 2010. № 4.

References

1. Gutman M. Iu., Nikulin A. G., Salnikov V. P. To the 220th Anniversary of the Ministry of Justice of the Russian Federation. Ministers of Justice, Prosecutors-General of Pre-Reform Russia (1802–1861). *Legal Science: History and Modernity*. 2021. No. 6.
2. Kodan S. V. The Ministry of Justice in the Management System of the Russian Empire (19th – Early 20th Centuries). *Law Journal*. 2002. No. 4 (36).

3. *Iakovleva O. N.* Mechanism of Interaction of the Ministry of Justice with the Governing Senate of the Russian Empire. *Bulletin of the Institute: Crime, Punishment, Correction*. 2016. No. 1 (33).
4. *Efremova N. N.* Development of Justice Bodies during the Period of Administrative Reforms of the First Quarter of the 19th Century. *Journal of Russian Law*. 2008. No. 8.
5. *Iakovleva O. N.* Principles of Activity of the Ministry of Justice of the Russian Empire (1802–1917). *Bulletin of the Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2013. No. 1 (24).
6. *Derzhavin G. R.* Notes. Moscow: Mysl, 2000.
7. *Babenco V. N.* 210 Years of Struggle for Justice and Legality: From the History of the Ministry of Justice of Russia (1802–2012). *Law*. 2012. No. 9.
8. *Rybin D. V., Zenichev N. A.* Problems of the Personnel of the Ministry of Justice of the Russian Empire and its Social Security: Historical Experience of the 19th – Early 20th Centuries. *Bulletin of the St. Petersburg Law Academy*. 2015. No. 4 (29).
9. *Tsarkov I. I.* History of the Russian Justice of the 18th–19th Centuries. *Bulletin of V. N. Tatishchev Volga State University*. 2019. Vol. 1. No. 2.
10. *Iakovleva O. N.* The Main Directions of Professional Education of Employees of the Ministry of Justice of the Russian Empire. *Law and Education*. 2015. No. 6.
11. *Kamenskii A. B. (ed.)*. Reforms in Russia from Ancient Times to the Late 20th Century. In 4 vols. Vol. 2: 18th – First Half of the 19th Centuries. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya, 2016.
12. *Sysoev V.* Derzhavin Gavriil Romanovich. In *On the Service of Law and Justice: Essays About Domestic Ministers of Justice (1802–2002)*. Moscow: Norma, 2002.
13. *Lavrov V. V.* Dmitry Nikolaevich Bludov (1785–1864): Minister of Justice (Prosecutor General), Statesman of the Russian Empire. *Criminalist*. 2021. No. 4 (37).
14. *Alexandrova O. I.* Formation and Development of the System of Justice Bodies in Russia. *Time and Law*. 2010. No. 4.

ИДЕЯ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА В КОНСТИТУЦИОННОЙ МАТЕРИИ

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2022-0-2-12-22>

Человечество на всем протяжении развития цивилизации искало модель некоего идеального государства, в котором всем было бы хорошо. С середины XIX в. в данном аспекте стала активно рассматриваться концепция социального государства, которая в XX в. стала находить отражение в конституционном законодательстве различных государств мира и практическую реализацию в форме различных моделей государства такого типа. Целью данной статьи является исследование правовых основ социального государства и установление специфики отражения данной концепции в основных законах различных государств. Предметом исследования являются положения основных законов современных государств, в частности конституционно-правовые механизмы, отражающие социальные нормы. В качестве методологической основы исследования приняты общенаучные методы познания объективной действительности, а также методологические положения общей теории государства и права, конституционного права. Были использованы также специальные методы теоретического анализа: сравнительно-правовой, системно-структурной; основные методы логического познания: анализ, синтез, обобщение. В результате проведенного исследования автор утверждает, что в конституционной материи большинства государств идея социального государства находит отражение по-разному: в форме закрепления конституционной характеристики государства, перечня прав и свобод человека в соответствии с международным законодательством; в форме закрепления обязанностей государства в социальной сфере. В отдельных государствах подобные нормы отражены не в конституции, а в других национальных правовых актах. Каждая страна в силу своих культурно-исторических, социально-экономических, политико-правовых, территориально-географических особенностей и условий развития, а также с учетом положительного зарубежного опыта вырабатывает свою собственную концепцию строительства социального государства. Новизна работы заключается в определении правовой природы социального государства в сравнении с правовым, социалистическим государствами; проведении сравнительно-правового исследования конституций зарубежных государств, ранжированных по нескольким критериям: по территориальному признаку, по моделям реализации социального государства, по принадлежности к странам постсоветского пространства, на предмет отражения в их основных законах идеи социального государства, социальных норм. Полученные результаты могут быть использованы при совершенствовании конституционного законодательства, а также при проведении дальнейших исследований в сфере конституционного права, в сфере прав и свобод человека.

АТАБЕКОВА
Нургуль Каримовна

кандидат юридических наук,
доцент, и.о. профессора
кафедры конституционного
и муниципального права
Кыргызского государственного
юридического университета
(г. Бишкек)

nur-aika@mail.ru

**Социальное государство;
права и свободы человека;
конституция;
международные акты;
концепция социального
государства;
государственные органы;
обязанности;
социальная сфера**

Nurgul K. ATABEKOVA **THE IDEA OF THE SOCIAL STATE
IN CONSTITUTIONAL MATTER**

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor, Acting Professor,
Department of Constitutional and
Municipal Law, Kyrgyz State Law
University (Bishkek)
nur-aika@mail.ru

**Social state;
human rights and freedoms;
constitution;
international acts;
concept of the social state;
state agencies;
responsibilities;
social sphere**

Mankind throughout the course of civilization, has searched for a model of some ideal state in which everyone would be happy. The concept of the social state has been under active consideration since the mid-nineteenth century. Since the middle of the 19th century in this aspect the concept of social state began to be actively considered, which in the 20th century began to be reflected in the constitutional legislation of various states of the world and to find practical implementation in the form of various models of the state of this type. The purpose of this article is to investigate the legal foundations of the welfare state and to establish the specifics of how the concept of the welfare state is reflected in the basic laws of different states. The subject of the study is the provisions of the basic laws of modern states, in particular the constitutional and legal mechanisms reflecting social norms. The methodological basis of the study is the general scientific methods of cognition of objective reality, as well as the methodological provisions of the general theory of state and law and constitutional law. Special methods of theoretical analysis – comparative and legal, system-structural, and basic methods of logical cognition – analysis, synthesis and generalisation – were also used. As a result of the study, the authors argue that in the constitutional matter of most states, the idea of the social state is reflected in different ways: in the form of enshrining the constitutional characteristics of the state, a list of human rights and freedoms in accordance with international law; in the form of enshrining the responsibilities of the state in the social sphere. In some states, such norms are not reflected in the constitution, but in other national legal acts. Each country by virtue of its cultural-historical, socio-economic, political-legal, territorial-geographical features and conditions of development, as well as taking into account the positive foreign experience develops its own concept of building a social state. The novelty of the work lies in the identification of the legal nature of the welfare state in comparison to the rule of law, the socialist state; a comparative legal study of the constitutions of foreign countries, ranked according to several criteria: territoriality, models of social state implementation, and post-Soviet countries, in terms of the reflection in their basic laws of the idea of a social state and social norms. The results can be used to improve constitutional legislation, as well as for further research on constitutional law and human rights and freedoms.

Обращение к истории государств мира и истории права позволяет утверждать, что концепция социального государства выработывалась и развивалась длительное время как результат развития теоретических воззрений человечества о правовом государстве, гуманизме, демократии, гражданском обществе.

Надо согласиться, что «передовые мыслители в течение многих столетий пытались обнаружить, найти фундаментальные основы справедливого государства, построить модель идеального государства» [1]. «Идеальное государство Платона, полития Аристотеля, государство Солона, «город солнца» Т. Компанелла, правовое государство И. Канта и Р. фон Моля, «нравственное государство» Гегеля и коммунистическое общество К. Маркса – все это идеальные мо-

дели, в которых каждый из мыслителей видел благо для всего человечества» [2]. Все это способствовало выработке концепции правового государства, а затем появлению и развитию концепции социального государства.

В научный оборот идея социального государства была введена в середине XIX в. Лоренцом фон Штейном, который использовал в своем труде «История социального движения Франции с 1789 г.» данный термин и охарактеризовал сущность социального государства следующим образом: «Государство обязано поддерживать абсолютное равенство в правах для всех различных общественных классов, для отдельной самоопределяющейся личности благодаря своей власти. Оно обязано способствовать эконо-

мическому и общественному прогрессу всех своих граждан, ибо, в конечном счете, развитие одного выступает условием развития другого, и именно в этом смысле говорится о социальном государстве» [3].

В научной литературе концепция социального государства соотносится, сравнивается, противопоставляется с другими концепциями государств: концепциями правового государства, социалистического государства; исследуются сущность, правовая природа государства такого типа. Данная работа посвящена исследованию правовых основ социального государства и установлению особенностей отражения концепции социального государства в основных законах различных государств.

Правовое и социальное государство не могут быть противопоставлены, несмотря на то, что, по мнению профессора З. Ш. Гафурова, в качестве краеугольного камня этих двух начал выступают свобода для правового, равенство – для социального. Считаем, социальным государство может стать лишь при осуществлении принципов правового государства: верховенства закона, суверенитета народа, разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную ветви власти, приоритета прав и свобод человека, равенства всех перед законом. Иными словами, следует говорить о непосредственной зависимости социального характера государства от его правовой характеристики. «Социальное реформирование – это новая стадия развития правового государства, стремление преодолеть резкую поляризацию различных слоев общества, гуманизировать социальные условия жизни» [4, с. 707].

Как отмечает таджикский ученый А. Х. Маликова, «социальная и правовая государственности сегодня существуют в органическом единстве. Это и есть закономерный результат эволюции теории и практики правового и социального государств» [5, с. 15].

Провозглашение идеи социального государства в современных конституциях (особенно в конституциях постсоветского пространства) некоторые исследователи связывают с закреплением принципов социалистического государства, ставя знак равенства между этими государствами. Полагаем, цели социального и социалистического государств могут совпадать, однако сущность их различна, поскольку социалистическое общество базируется на диктатуре пролетариата, а социальное государство на равенстве всех. Надо отметить также то, что принципы социалистического государства и социального государства не являются тождественными. Несмотря на объединяющий их принцип установления социальной справедливости, в социалистическом государстве социальная политика имеет патерналистский характер, а в социальном государстве – либеральный или корпоративный характер. Социалистическое го-

сударство устанавливает жесткий принцип перераспределения национального дохода, социальное государство предполагает всемерную защиту частной собственности. В социалистическом государстве, как правило, нет места свободе экономической деятельности – социальное государство приветствует данную свободу.

Вместе с тем недостаточно лишь провозгласить на конституционном уровне социальный характер государства для претворения в жизнь его целей и принципов – необходимо прежде всего создать соответствующую нормативную базу, разумеется, в первую очередь на конституционном уровне, а также механизмы реализации ее норм и положений. Полагаем, только в случае фактической реализации законодательно провозглашенных прав и свобод человека и гражданина, а также выполнения ими соответствующих обязанностей появляется возможность говорить о реальной возможности установления социальной справедливости. Гарантированность прав и свобод позволит предъявлять жесткие требования по исполнению обязанностей, вследствие чего появится возможность установить режим законности и правопорядка, что является условием стабильной жизнедеятельности государства и его поступательного развития. Именно в таких условиях могут быть созданы возможности обеспечения условий для достижения достойного уровня жизни каждому и оказания помощи социально уязвимым слоям населения.

Отметим, что в Концепции формирования правовых основ и механизмов реализации социального государства в странах Содружества, принятой на 28-м пленарном заседании Межпарламентской ассамблеи государств – участников СНГ, социальным государством утверждается «правовое демократическое государство, которое провозглашает высшей ценностью человека и создает условия для обеспечения достойной жизни, свободного развития и самореализации творческого (трудового) потенциала личности. Под достойной жизнью человека понимается его материальная обеспеченность на уровне стандартов современного развитого общества, доступ к ценностям культуры, гарантированность прав личной безопасности, а под свободным развитием человека – его физическое, умственное и нравственное совершенствование» [6]. Данный документ призван служить ориентиром для признания и установления государствами – участниками СНГ принципов, норм и положений, характеризующих социальность государства, обеспечения благоприятных условий жизни человека. Как указано в документе, данная Концепция «основана на конституциях государств Содружества, Европейской социальной хартии, Европейской конвенции социального обеспечения, Концепции социального государства Российской Федерации» [там же].

В качестве цели социального государства признают обеспечение права на достойную жизнь, которое провозглашено в основополагающих международных документах по правам человека. Так, в ст. 25 Всеобщей декларации прав человека указано, что «каждый человек имеет право на такой жизненный уровень, включая пищу, одежду, жилище, медицинский уход и необходимое социальное обслуживание, который необходим для поддержания здоровья и благосостояния его самого и его семьи, и право на обеспечение на случай безработицы, болезни, инвалидности, вдовства, наступления старости или иного случая утраты средств к существованию по не зависящим от него обстоятельствам» [7, с. 18–19]. Данное положение развивают нормы ст. 11 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах, в которой закреплено «право каждого на достаточный жизненный уровень для него и его семьи, включающий достаточное питание, одежду и жилище, и на непрерывное улучшение условий жизни» [8, с. 20–32]. При этом международный законодатель устанавливает обязанность государства по реализации данного права: «Государства-участники примут надлежащие меры к обеспечению осуществления этого права, признавая важное значение в этом отношении международного сотрудничества, основанного на свободном согласии» [там же].

Указанные международные акты содержат общепринятый международным сообществом каталог прав и свобод человека, обеспечение реализации которых является обязанностью государств – участников этих документов. Мировое сообщество приняло также ряд других важных международных актов, направленных на установление справедливости, признание социальных, экономических прав и свобод человека, обеспечение защиты чести и достоинства личности, которые составляют международно-правовую основу социального государства. Социальные нормы нашли отражение в таких международных документах, как Декларация прав ребенка, Конвенция о правах ребенка, Конвенция о защите прав человека и основных свобод, Европейская социальная хартия, Европейская конвенция о социальном обеспечении, Европейская конвенция об основных социальных правах трудящихся, Конвенция о правах инвалидов, Конвенция МОТ об основных целях и нормах социальной политики, Европейская конвенция о правовом статусе трудящихся-мигрантов, Европейская конвенция о реализации прав детей и др.

Несмотря на принятие вышеуказанных межгосударственных, международных нормативных актов, на сегодняшний день отсутствует как общепринятая дефиниция понятия «социальное государство», так и общепринятая концепция строительства социального государства. Каждая страна в силу своих куль-

турно-исторических, социально-экономических, политико-правовых, территориально-географических особенностей и условий развития, а также с учетом положительного зарубежного опыта вырабатывает свою собственную концепцию строительства социального государства, которая воплощается в правовой материи в форме конституционно-правовых механизмов, представляющих собой конституционно-правовые средства воздействия субъектов права, прежде всего на социальную сферу, а также политическую, экономическую и духовную сферы общества, что является гарантией реализации прав и свобод граждан. В связи с этим можно полагать, что *социальное государство – это государство, которое на определенном этапе своего конституционно-правового развития на основе поступательной динамики экономического прогресса актуализирует социальную политику, направленную на гарантирование достойных условий жизни и развития, социальную защищенность для каждого, а также выполнение каждым своих конституционных обязанностей.*

Концепция социального государства на практике впервые была отражена в так называемой Веймарской конституции. Считают, что Веймарская конституция «заложила основы конституционализма XX века» [9, с. 97], поскольку многие конституционные принципы и положения, провозглашенные в ней, затем были экстраполированы в конституциях других современных демократических государств. Так, идея социального государства стала находить воплощение в правовой материи современных государств с середины прошлого столетия.

Идеи о социальности государства были воспроизведены в действующей Конституции ФРГ, вступившей в силу 23 мая 1949 г., в которой государство было провозглашено социальным. Кроме того, в указанной Конституции ФРГ нашел закрепление большой блок социальных и экономических прав.

В Конституции Франции 1946 и 1958 гг. имеет место определение «социальное» в конституционной характеристике государства. В преамбуле же Конституции 1958 г. провозглашается приверженность правам человека.

Конституцией Австрии принято считать Федеральный конституционный закон Австрии от 10 ноября 1920 г., который устанавливает федеральное устройство, систему государственных органов. В данном акте в полномочиях государственных органов обнаруживаются обязанности в социальной сфере. Права и свободы человека отражены не в Конституции, а в текущем законодательстве.

В Конституции Бельгии от 17 февраля 1994 г. нет нормы, провозглашающей социальный характер государства, однако наряду с другими фундаментальными правами закреплено право на жизнь, соот-

ветствующую человеческому достоинству. Далее бельгийский законодатель закрепил обязательство государства гарантировать экономические, социальные и культурные права человека, которые включают в себя право на труд и свободный выбор профессиональной деятельности в рамках общей политики занятости, направленной, помимо прочего, на обеспечение достаточно стабильного и по возможности высокого уровня занятости; право на справедливые условия труда и вознаграждение, а также право на информацию, консультацию и коллективные переговоры, право на социальное страхование, охрану здоровья, социальную, медицинскую и юридическую помощь; право на достойное жилище; право на здоровую окружающую среду; право на культурное и социальное процветание. Данные обязательства бельгийского государства определяют векторы социальной политики государства, нацеленной на обеспечение достойной жизни гражданам.

В Конституции Люксембурга от 16 октября 1968 г. отсутствует норма о социальности государства. Не закреплена также общепринятый полный перечень прав и свобод, за исключением права на жилище, права на труд. Однако имеет место закрепление обязанности государства в социальной сфере по организации социального обеспечения, здравоохранения и отдыха трудящихся и гарантии профсоюзных свобод. Государство гарантирует естественные права личности и семьи.

Социальный характер государства отражен в Конституции Королевства Нидерланды от 17 февраля 1983 г. путем провозглашения в ст. 1 такого положения, как «отношение ко всем людям в Нидерландах должно быть равным при равных обстоятельствах». Примечательно, что в структуре Конституции в первую очередь отражены личные права, свободы человека и гарантии их реализации. Далее закреплены гарантии государства о содействии обеспечению достаточной занятости населения, а также обязанность государства заботиться об обеспечении средств к существованию и справедливом распределении богатства, другие обязанности в социальной сфере.

Стоит отметить, что указанная группа государств имеет некоторые сходства в реализации принципов социального государства, в силу чего объединяется в так называемую корпоративную модель социального государства, в которой основной упор делается на обеспечение занятости населения, уровень социальной защиты зависит от профессиональной деятельности трудящихся, от внесенных ими вкладов.

Наибольшее выражение принципы социального государства нашли в скандинавских государствах. Хотя в основных законах этих государств отсутствует прямое закрепление социального характера государства, однако такая идея заложена в Основном законе

путем закрепления гарантий прав и свобод человека либо обязательств государства в социальной сфере. Так в конституциях Норвегии, Дании отсутствуют какие-либо положения, утверждающие социальный характер государства. Более того, в конституционной материи этих государств закреплена лишь неполный перечень прав и свобод человека: в гл. 8 Конституции Дании от 5 июня 1953 г. утверждается неполный перечень прав и свобод человека: неприкосновенность свободы личности, жилища, права собственности, закрепляется право на социальное вспомоществование, право получить бесплатное начальное образование, право свободно высказывать свои мысли в печати, в письменной и устной форме.

В Конституции же Норвегии от 17 мая 1814 г. не обнаруживается закрепление каких-либо прав, кроме права на ту окружающую среду, которая сохраняет здоровье, и на охрану природной продовольственной продукции и ее многообразие, права на получение сведений о состоянии природной среды и о влиянии на природу планируемых и осуществляемых мероприятий. Однако Конституция гарантирует права и свободы путем закрепления наиболее важных гарантий их реализации. Так, зафиксированы в качестве обязанности государственных органов уважение и охрана прав человека, создание условий для того, чтобы каждый способный к труду человек мог обеспечивать себе содержание своим трудом, создание возможностей для того, чтобы народность сама могла обеспечивать и развивать свой язык, свою культуру и свою общественную жизнь.

В Конституции Финляндии от 11 июня 1999 г. в главе, определяющей основы конституционного строя, зафиксировано положение о неприкосновенности человеческого достоинства и прав и свобод частных лиц. В ст. 19, закрепляющей право на социальное обеспечение, имплицитно утверждается право на достойный уровень жизни и эксплицитно – право на обязательное социальное обеспечение и заботу для тех, кто не в состоянии добывать себе средства, необходимые для достойной человека жизни.

В Конституции Швеции от 27 февраля 1974 г. в качестве основной цели государства закреплена разное личное, экономическое и культурное благосостояние частных лиц. Обязанностью государства утверждается обеспечение всем права на труд, жилище и образование, а также содействие социальному обеспечению, безопасности и хорошим условиям жизни.

Несмотря на отсутствие прямого закрепления в конституционной материи социальности, в скандинавских государствах достигнуты основные цели социального государства путем подчинения экономической политики двум главным целям, а именно обеспечению максимальной занятости и выравнива-

нию доходов» [10], что является специфической чертой нордической модели социального государства.

Великобритания и Ирландия, а также США, Канада, Австралия, в которых реализуется англосаксонская, или либеральная, модель социального государства, также не содержат в конституциях положения, утверждающие социальный характер государства. Права и свободы человека, гарантии их реализации отражены в национальном законодательстве. К примеру, в Конституции США не зафиксирован перечень прав и свобод человека. Однако данный перечень и механизм их реализации отражены в Билле о правах, который представляет собой первые 10 поправок, внесенных в Основной закон США.

В Великобритании, не имеющей конституции в виде единого кодифицированного акта, Основной закон составляют законы, судебные прецеденты и конституционные обычаи. В Основном законе данного государства не закреплен перечень прав и свобод человека, вопросы их защиты регулируются судебными прецедентами. В законодательстве Великобритании закреплен широкий перечень таких социальных прав, как право на равную плату за равный труд, право на отдых, право на социальное обеспечение, право на образование, право на здоровье и защиту от загрязнения окружающей среды.

В Канаде, которая также не имеет конституции в виде единого кодифицированного акта, ее роль играют ряд конституционных актов (Акт о Канаде 1982 г., акты и приказы, указанные в приложении к нему, поправки к этим актам: Конституционный акт 1867 г., Конституционный акт 1982 г. (включающий Канадскую хартию прав и свобод)) и «неписаные конституции» (конституционные соглашения). Конституционной гарантией личных и коллективных прав канадцев выступает Канадская хартия прав и свобод.

В Конституции Ирландской Республики от 29 декабря 1937 г. нет нормы, провозглашающей социальность государства, однако эксплицитно закреплен принцип социальной справедливости. Так, в преамбуле провозглашено стремление «способствовать общему благу с должным уважением к благоразумию, справедливости и милосердию, что должно обеспечить достоинства и свободы человека, подлинный социальный порядок». В тексте Конституции закреплены гарантии государства в социальной сфере, особое внимание уделено защите семьи, женщины, матери. Заслуживает внимания то, что в тексте Конституции открыто закреплены основные принципы социальной политики. При этом зафиксировано, что государство должно содействовать благосостоянию всего народа, защищая и обеспечивая, насколько возможно, социальный порядок, в котором справедливость и благотворительность должны вдохновлять все институты государственной жизни.

Особенностью англосаксонской, или либеральной, модели социального государства, к которым относятся вышеперечисленные государства, является ограничение государственного вмешательства в экономику, поддержка предпринимательской активности населения, которая основывается на трудолюбии и вере в собственные силы, что проповедует протестантская этика. В отличие от североевропейских стран, тратящих значительные средства на поддержку рынка труда, страны с либеральной моделью даже в случае кризиса удерживают расходы на данную сферу на низком уровне [11, с. 50], проводя политику, направленную на стимулирование экономического роста, что способствует, по их мнению, более быстрому созданию новых рабочих мест.

В конституциях стран Южной Европы четко и ясно содержится идея социального государства. Так, уже в преамбуле Конституции Испании 1978 г. утверждается стремление к установлению справедливости, свободы и безопасности и обеспечению благополучия всех. А в ч. 1 ст. 1 Конституции зафиксировано, что «Испания конституируется как правовое, социальное и демократическое государство, которое провозглашает высшими ценностями правопорядка свободу, справедливость, равенство и политический плюрализм» [12]. Далее испанский законодатель закрепил широкий перечень прав и свобод человека, в том числе и социально-экономических, культурных.

В конституциях Италии, Португалии, Греции нет определения «социальное» в конституционной характеристике государства, однако основные законы пронизаны идеей социальности, что выражается в закреплении обязанностей государства по уважению достоинства личности, равенства граждан и в установлении справедливого государства.

Использование в разделе, определяющем основные принципы Конституции Италии, таких терминов, как социальная солидарность, социальное положение, социальная организация страны, социальный порядок, социальные образования, а также наличие самостоятельных разделов «Этико-социальные отношения», «Экономические отношения» свидетельствует о придании большого значения социальной составляющей государства.

В греческой Конституции имеет место самостоятельная часть «Личные и социальные права», в которой нашли закрепление все права и свободы человека, а также гарантии их реализации.

Вызывает интерес Конституция Португалии, в преамбуле которой провозглашен путь к социалистическому обществу с целью построения более свободного, справедливого и братского государства. В ст. 9 в качестве одной из задач государства закреплено «способствование повышению благосостояния и качества жизни народа и реальному равенству

между португальцами, а также осуществлению экономических, социальных и культурных прав посредством преобразования и модернизации экономических и социальных структур». В части, определяющей экономическую организацию общества, закреплены общие принципы и первоочередные обязанности государства. В качестве основных задач в экономической и социальной сфере указана обязанность государства «а) способствовать росту социального и экономического благосостояния и качества жизни людей, особенно наименее обеспеченных, в рамках стратегии устойчивого развития; б) способствовать установлению социальной справедливости, обеспечивать равенство возможностей и вносить необходимые коррективы в целях преодоления неравенства при распределении национального богатства и дохода, в частности путем проведения определенной налоговой политики» [13]. Как видно, португальский законодатель открыто закрепил основные приоритеты социальной политики социального государства. Следующие положения данной части португальской Конституции содержат другие элементы парадигмы социальной политики государства, ориентирующие на построение социального государства [14]. Имеется отдельный раздел «Социально-экономические права и обязанности, обязанности в области культуры», закрепляющий широкий перечень социальных и экономических прав и подробно описанные гарантии их реализации. Можно утверждать, что Конституция Португалии наиболее полно отразила социальные нормы, направленные на реализацию принципов социального государства. Для реализации конституционных норм активно принимаются государственные социальные программы, однако приходится констатировать, что «несмотря на то, что реализуемые в Португалии социальные программы являются достаточно широкими, не всегда государство имеет достаточные объемы средств, необходимых на их реализацию» [там же]. Тем не менее «поиск разумного баланса между необходимостью приведения в порядок государственных финансов и сохранения социальных достижений является сегодня коренной задачей португальского социума» [15].

Мальта в соответствии со своей Конституцией является демократической республикой, основанной на труде и на уважении к основным правам и свободам личности. В Конституции Мальты закреплен широкий перечень прав и свобод человека в соответствии с международным законодательством.

В государствах Южной Европы принципы социального государства, к сожалению, наиболее остро подверглись экономическим испытаниям, и государства в первое десятилетие 2000-х гг. вошли в полосу затяжной рецессии. Несмотря на то что идея социального государства стала подвергаться сомнению и критике на

волне стагнации экономики в этих странах, тем не менее полного отказа от его принципов не последовало.

В таких странах Центральной и Восточной Европы, как Румыния, Словения, Македония, на конституционном уровне провозглашен социальный характер государства. В Конституции же Польши записано, что она представляет собой демократическое правовое государство, осуществляющее принципы социальной справедливости. Конституция Венгерской Республики провозглашает переход к претворению наряду с другими институтами института социального рыночного хозяйствования. В Конституции Эстонии записано, что государство зиждется на свободе, справедливости и праве. В Конституции Литвы также не обнаруживается провозглашение социальности государства, однако в преамбуле отражено стремление к построению справедливого государства. В Конституции Латвии отсутствуют основополагающие нормы, отражающие идею социальности государства, но общепринятый каталог перечень прав и свобод нашел отражение в конституционных нормах. Латвия, Литва и Эстония, государства-выходцы из бывшего Союзного государства, совершенно отказались от идеи социалистического государства, концепция социального государства также не была ими воспринята, вероятно, в силу общности корня определений «социалистический» и «социальный». В конституциях этих государств закреплен широкий перечень прав и свобод человека. Реализация на практике принципов социального государства в этих постсоветских государствах имеет свою специфику, что связано с переходом к новым экономическим отношениям и испытанием экономического шока в 90-е гг. прошлого столетия.

Конституционное закрепление социального характера государства можно наблюдать и в конституциях большинства государств постсоветского пространства: восемь из 12 стран СНГ, в том числе и Кыргызская Республика, конституируют государство в качестве социального. Как указывалось ранее, принята Концепция формирования правовых основ и механизмов реализации социального государства в странах Содружества, которая определяет основные принципы социального государства в странах постсоветского пространства.

В ст. 1 Конституции Республики Беларусь это государство провозглашено социальным, и данная норма, а также норма, утверждающая право на достойную жизнь, являющаяся целью социального государства, нашла развитие в других нормах Конституции упомянутой страны. Речь идет о нормах Основного закона Беларуси, закрепляющих различные направления социальной политики государства, таких как право на труд и охрану труда (ст. 41), право на охрану здоровья (ст. 45), право на жилище (ст. 48), право на справедливое вознаграждение не ниже уровня, обеспечива-

ющего гражданам и их семьям свободное и достойное существование (ст. 42), государственная защита семьи, материнства, отцовства и детства (ст. 32), право на социальное обеспечение в старости, в случае болезни, инвалидности, утраты трудоспособности, потери кормильца (ст. 47).

Следует отметить, что в ст. 2 Конституции Беларуси человек, его права, свободы и гарантии их реализации утверждаются «высшей ценностью и целью общества и государства». В продолжение данной нормы провозглашается ответственность государства перед гражданином «за создание условий для свободного и достойного развития личности и взаимная ответственность гражданина перед государством за неукоснительное исполнение обязанностей, возложенных на него Конституцией» [16]. Подобное провозглашение взаимной ответственности государства и граждан, считаем, является наиболее важным не только для реализации права на достойную жизнь, но и для построения социального государства в целом.

В Конституции же России ст. 7 определяет Российскую Федерацию в качестве социального государства, «политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека» [там же]. В Основном законе России также закреплен целый ряд прав и свобод для реализации социальной политики, направленной на создание условий для достойной жизни.

Перечень прав и свобод человека в конституциях стран СНГ в принципе имеет схожесть в закреплении.

Конституция Республики Казахстан в ст. 1 конституирует Казахстан в качестве социального государства и провозглашает «высшими ценностями человека, его жизнь, права и свободы» [там же].

В Конституции Республики Таджикистан закреплено, что «Таджикистан – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека» [там же]. В ст. 5 Конституции человек, его права и свободы провозглашаются высшей ценностью. Далее законодатель закрепляет неприкосновенность жизни, чести, достоинства и других естественных прав человека. Кроме того, на конституционном уровне провозглашены признание, соблюдение и защита прав и свобод человека государством. Право на достойную жизнь осталось за пределами внимания таджикского законодателя.

Конституция Туркменистана не конституирует его в качестве социального государства, однако наивысшей ценностью общества и государства провозглашает человека [там же]. Кроме того, в ст. 5 Конституции закреплено, что «Туркменистан является государством, гарантирующим социальную защищенность каждого человека» [там же], что является одним из принципов социального государства.

Провозглашая известный перечень социальных прав и свобод человека, Конституция Туркменистана вместе с тем закрепляет взаимную ответственность государства перед человеком, человека перед государством за выполнение своих обязанностей.

В Конституции Республики Узбекистан провозглашено, что «государство строит свою деятельность на принципах социальной справедливости и законности в интересах благосостояния человека и общества» [там же].

Конституция Молдовы в преамбуле утверждает признание достоинства человека, а в части третьей ст. 1 Основного закона провозглашает Молдову демократическим правовым государством, в котором достоинство человека, его права и свободы, свободное развитие человеческой личности, справедливость и политический плюрализм являются высшими ценностями и гарантируются [там же]. Закрепляя в Конституции широкий перечень прав человека, молдавский законодатель, однако, отдельно не выделяет право на достойную жизнь.

В Конституции Республики Азербайджан также нет положения о социальном государстве, однако азербайджанский законодатель провозгласил высшей целью государства обеспечение прав и свобод человека и гражданина, достойного уровня жизни гражданам.

Украина в ст. 1 своей Конституции провозглашает социальным государством, а в ст. 3 закреплено, что «человек, его жизнь и здоровье, честь и достоинство, неприкосновенность и безопасность признаются в Украине наивысшей социальной ценностью» [там же].

Конституция Грузии в преамбуле утверждает социальное правовое государство, в ст. 7 провозглашает, что «признает и соблюдает общепризнанные права и свободы как непреходящие и высшие ценности» [там же].

В Конституции Армении указано, что «Республика Армения – суверенное, демократическое, социальное, правовое государство», а в ст. 3 закреплено, что «человек, его достоинство, основные права и свободы являются высшей ценностью» [там же].

Идея социального государства красной нитью проходит через все содержание новой редакции Конституции Кыргызской Республики, начиная уже с преамбулы, в которой права и свободы человека провозглашаются высшей ценностью; эксплицитно отражается в разд. 1 Основного закона при закреплении особенностей конституционного строя государства, основ политического, социально-экономического строя государства и духовно-культурных основ общества; раскрывается в дальнейшем при провозглашении конституционной модели прав и свобод человека, соответствующей каталогу международных

стандартов прав человека, а также основ организации и деятельности системы высших органов государственной власти и местного самоуправления, основным принципом деятельности которых является приоритет прав и свобод человека.

В целом в конституционном законодательстве стран СНГ обнаруживается много общего, в частности в отношении закрепления принципов социального государства, права на достойную жизнь, что обусловлено, по мнению Н. А. Михалевой, «общим историческим наследием государств – участников СНГ, общностью избранной модели конституционного строя, однотипным объектом конституционного регулирования, динамикой конституционно-политических реформ, влиянием международного права, особым механизмом защиты конституционного законодательства» [17, с. 73].

Проведенный анализ при использовании конституций ряда зарубежных государств позволяет сделать некоторые выводы:

1. Идея социального государства, зародившись еще в античное время в виде различных концепций построения идеального, справедливого государства, была концептуально развита с середины XIX в. и нашла отражение в конституциях ряда современных государств мира. Международную правовую основу социального государства составляют международные акты, содержащие социальные нормы и обязывающие государства обеспечить реализацию прав и свобод человека для создания условий достижения человеком достойных условий жизни и свободного развития.

2. Несмотря на принятие многочисленных международных нормативных актов, на сегодняшний день отсутствует как общепринятая дефиниция понятия «социальное государство», так и общепринятая концепция строительства социального государства. Каждая страна в силу своих культурно-исторических, социально-экономических, политико-правовых, территориально-географических особенностей и условий развития, а также с учетом положительного зарубежного опыта вырабатывает свою собственную концепцию строительства социального государства,

которая воплощается в правовой материи в форме конституционно-правовых механизмов, представляющих собой конституционно-правовые средства воздействия субъектов права прежде всего на социальную сферу, а также политическую, экономическую и духовную сферы общества, что является гарантией реализации социальных, экономических прав и свобод граждан.

3. Идея социального государства может быть эксплицитно закреплена в Основном законе государства при отражении конституционной характеристики государства путем использования определения «социальное» и дальнейшем закреплении прав и свобод человека в качестве высшей ценности, а также закреплении социальных, экономических прав и свобод человека.

В ряде зарубежных государств идея социального государства не находит эксплицитного отражения в Основном законе, может отсутствовать и каталог основных прав и свобод человека, однако в конституции могут быть отражены обязанности государства, государственных органов в социальной сфере. Перечень прав и свобод человека закрепляется в национальном законодательстве.

4. В странах СНГ большинство государств-участников вобрали идеи социального государства, что нашло отражение в закреплении в большинстве конституций этих государств определения «социальное» в конституционной характеристике государства, а также в провозглашении общепринятого перечня прав и свобод человека с обязательным утверждением прав и свобод человека в качестве высшей ценности.

Концепция социального государства Кыргызской Республики, вобравшая идеи и воззрения зарубежных и немногочисленной плеяды отечественных ученых права, находится на начальном этапе своего становления, и дальнейшее ее развитие обуславливается особенностями государственно-правового развития Кыргызстана, детерминированными политическими, социально-экономическими факторами развития государства, а также глобалистскими тенденциями современного мироустройства.

Пристатейный библиографический список

1. Аюпова З. К. Концепция правового государства (история, теория и практика) : дис. ... канд. юрид. наук. Алматы, 1992.
2. Евстратов А. Э. Генезис идеи социального государства : историко-теоретические проблемы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2005 (disserCat : сайт. URL: <http://www.dissercat.com/content/genezis-idei-sotsialnogo-gosudarstva-istoriko-teoreticheskie-problemy> (дата обращения: 10.07.2021)).
3. Кочеткова Л. Н. Теория социального государства Лоренца фон Штейна // Философия и общество. 2008. Вып. 3 (51) (Соционауки : сайт. URL: https://www.socionauki.ru/journal/articles/130203/#_ftnref16 (дата обращения: 10.07.2021)).

4. Проблемы общей теории права и государства / под общ. ред. В. С. Нерсесянца. М. : НОРМА, 2008.
5. *Маликова А. Х.* Проблемы формирования социального государства в Таджикистане : автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2012.
6. Постановление Межпарламентской ассамблеи государств – участников СНГ от 31 мая 2007 г. № 28-6 «Концепция формирования правовых основ и механизмов реализации социального государства в странах Содружества» // Docs.cntd.ru : сайт. URL: <http://docs.cntd.ru/document/902071504> (дата обращения: 10.07.2021).
7. Всеобщая декларация прав человека // Международная защита прав и свобод человека : сборник документов. М. : Юрид. лит., 1990.
8. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах человека // Международная защита прав и свобод человека : сборник документов. М. : Юрид. лит., 1990.
9. *Милехина Е. В.* История государства и права зарубежных стран. Конспект лекций. М. : Высшее образование, 2002.
10. Социальное государство в странах ЕС : прошлое и настоящее / отв. ред. Ю.Д. Квашнин. М. : ИМЭМО РАН, 2016.
11. *Acelandu M. I.* The Anglo-Saxon Model of Employment in the Current Economic Context. The Case of United Kingdom // Theoretical and Applied Economics. 2012. Vol. XIX. No. 11 (576).
12. Конституция Королевства Испании (одобрена Генеральными кортесами на пленарных заседаниях Конгресса депутатов и Сената 31 октября 1978 г., утверждена референдумом 6 декабря 1978 г., подписана ее королем 27 декабря 1978 г.) // Legal NS : сайт. URL: <https://legalns.com/download/books/cons/spain.pdf> (дата обращения: 10.07.2021).
13. Конституция Португальской Республики (одобрена Учредительным собранием 2 апреля 1976 г.) // Legal NS : сайт. URL: <https://legalns.com/download/books/cons/portugal.pdf> (дата обращения: 10.07.2021).
14. *Аристов Е. В.* Социальность государства в Португалии // КиберЛенинка : сайт. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnost-gosudarstva-v-portugalii> (дата обращения: 10.07.2021).
15. *Яковлева Н. М.* Периферийная Европа : эволюция социального государства (на примере Португалии) // *perspektivy.info* : сайт. URL: http://www.perspektivy.info/oikumena/europe/periferijnaja_jevropa_evolicija_socialnogo_gosudarstva_na_primere_portugalii_2012-01-25.htm (дата обращения: 10.07.2021).
16. Новые конституции стран СНГ и Балтии : сборник документов // Правознавец : сайт. URL: <http://pravoznavec.com.ua/books/274/25/> (дата обращения: 10.07.2021).
17. *Михалева Н. А.* Конституционное законодательство стран СНГ на современном этапе (динамика развития) // Государство и право. 2004. № 9.

References

1. *Aiupova Z. K.* The Concept of a Legal State (History, Theory and Practice): Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Almaty, 1992.
2. *Evstratov A. E.* Genesis of the Idea of a Social State: Historical and Theoretical Problems: Synopsis of a Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Omsk, 2005 (URL: <http://www.dissercat.com/content/genezis-idei-sotsialnogo-gosudarstva-istoriko-teoreticheskie-problemy> (date of the application: 10.07.2021)).
3. *Kochetkova L. N.* Theory of the Social State of Lorenz von Stein. *Philosophy and Society*. 2008. Iss. 3 (51) (URL: https://www.socionauki.ru/journal/articles/130203/#_ftnref16 (date of the application: 10.07.2021)).
4. *Nersesians V. S. (ed.)*. Problems of the General Theory of Law and State. Moscow: Norma, 2008.
5. *Malikova A. Kh.* Problems of the Formation of a Social State in Tajikistan: Synopsis of a Thesis for a Doctor Degree in Law Sciences. Moscow, 2012.
6. Resolution of the Inter-Parliamentary Assembly of the CIS Member States of 31 May 2007 No. 28-6 “The Concept of the Formation of the Legal Framework and Mechanisms for the Implementation of the Social State in the Commonwealth Countries”. URL: <http://docs.cntd.ru/document/902071504> (date of the application: 10.07.2021).
7. Universal Declaration of Human Rights. In International Protection of Human Rights and Freedoms: Collection of Documents. Moscow: Iuridicheskaja literatura, 1990.
8. International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights. In International Protection of Human Rights and Freedoms: Collection of Documents. Moscow: Iuridicheskaja literatura, 1990.
9. *Milekhina E. V.* History of State and Law of Foreign Countries. Lecture Notes. Moscow: Vysshee obrazovanie, 2002.
10. *Kvashnin Iu. D. (ed.)*. Social State in the EU Countries: Past and Present. Moscow: Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations Publ., 2016.

11. *Aceleanu M. I.* The Anglo-Saxon Model of Employment in the Current Economic Context. The Case of United Kingdom. *Theoretical and Applied Economics*. 2012. Vol. XIX. No. 11 (576).
12. Constitution of the Kingdom of Spain (approved by the Cortes Generales at the plenary sessions of the Congress of Deputies and the Senate on 31 October 1978, approved by referendum on 6 December 1978, signed by its king on 27 December 1978). URL: <https://legalns.com/download/books/cons/spain.pdf> (date of the application: 10.07.2021).
13. Constitution of the Portuguese Republic (approved by the Constituent Assembly on 2 April 1976). URL: <https://legalns.com/download/books/cons/portugal.pdf> (date of the application: 10.07.2021).
14. *Aristov E. V.* The Sociality of the State in Portugal. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnost-gosudarstva-v-portugalii> (date of the application: 10.07.2021).
15. *Iakovleva N. M.* Peripheral Europe: The Evolution of a Welfare State (on the Example of Portugal). URL: http://www.perspektivy.info/oykumena/europe/periferijnaja_jevropa_evolicija_socialnogo_gosudarstva_na_primere_portugalii_2012-01-25.htm (date of the application: 10.07.2021).
16. New Constitutions of the CIS and Baltic Countries: Collection of Documents. URL: <http://pravoznavec.com.ua/books/274/25/> (date of the application: 10.07.2021).
17. *Mikhaleva N. A.* Constitutional Legislation of the CIS Countries at the Present Stage (Development Dynamics). *State and Law*. 2004. No. 9.

ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ В ЧЕРНОМОРСКОМ КАЗАЧЬЕМ ВОЙСКЕ (КОНЕЦ XVIII – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX ВВ.): ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ ОБЗОР

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2022-0-2-23-28>

Актуальность анализа деятельности суда и судопроизводства в Черноморском казачьем войске в конце XVIII – первой половине XIX вв. объясняется необходимостью комплексного историко-юридического исследования правового регулирования общественных отношений у этой сословной группы. Именно в данный период шло формирование казачьих регулярных войск на Юге Российской империи, обеспечивающих охрану и безопасность государственных границ на отведенной территории. Предметом исследования выступают особенности функционирования суда и судопроизводства у черноморских казаков, хронологически очерченные временем от их переселения на Кубань и до проведения в России судебной реформы 1864 г. Целью исследования является выявление специфических характеристик деятельности казачьих судов в рамках работы сословной судебной системы, сложившейся в результате преобразований Екатерины II. Методологию исследования составили системно-структурный, историко-правовой и историко-сравнительный методы. В результате проведенного анализа сделан вывод о том, что судебная система в Черноморском казачьем войске формировалась в контексте постепенного перехода от обычно-правового, полуофициального регулирования к законодательному ее закреплению в специальных нормативно-правовых актах российского правительства. Формально-юридическое оформление судов Черноморского казачества сопровождалось попыткой государственных властей обеспечить их деятельность, ориентируясь на работу соответствующих учреждений, отправляющих правосудие в центральных губерниях Российской империи.

ПАРШИНА

Наталья Викторовна

кандидат юридических наук,
доцент кафедры теории и истории
государства и права Кубанского
государственного университета
(г. Краснодар)

natalya.v.parshina2012@yandex.ru

**Черноморское казачье войско;
суд;
судебный процесс;
законодательство;
полицейские учреждения**

Natalya V. PARSHINA

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor, Department of
Theory and History of State and Law,
Kuban State University (Krasnodar)
natalya.v.parshina2012@yandex.ru

FEATURES OF THE ORGANIZATION AND FUNCTIONING OF THE JUDICIAL SYSTEM IN THE BLACK SEA COSSACK ARMY (LATE 18TH – FIRST HALF OF THE 19TH CENTURIES): HISTORICAL AND LEGAL REVIEW

**Black Sea Cossack army;
court;
judicial process;
legislation;
police institutions**

The relevance of the analysis of the activities of the court and judicial proceedings in the Black Sea Cossack army at the end of the 18th – first half of the 19th centuries is explained by the need for a comprehensive historical and legal study of the legal regulation of social relations in this class group. It was during this period that the formation of Cossack regular troops in the South of the Russian Empire was underway, ensuring the protection and security of state borders in the designated territory. The subject of the study is the peculiarities of the functioning of the court and legal proceedings among the Black Sea Cossacks, chronologically outlined by time from their resettlement to the Kuban and before the judicial reform in Russia in 1864. The purpose of the study is to identify the specific characteristics of the activity of Cossack courts within the framework of the work of the

estate judicial system that developed as a result of the transformations of Catherine II. The methodology of the study consisted of system-structural, historical-legal and historical-comparative methods. As a result of the analysis, it is concluded that the judicial system in the Black Sea Cossack Army was formed in the context of a gradual transition from the usual legal, semi-official regulation to its legislative consolidation in special regulatory legal acts of the Russian government. The formal legal registration of the courts of the Black Sea Cossacks was accompanied by an attempt by the state authorities to ensure their activities, focusing on the work of the relevant institutions administering justice in the central provinces of the Russian Empire.

На современном этапе становления и развития Российского государства происходят фундаментальные социально-политические преобразования основных сфер жизни общества, направленные на трансформацию многих государственно-правовых институтов.

Неслучайно, что в этой связи по-новому актуализируется вопрос о правовом статусе российского казачества как особой социальной группы в составе России, которая испокон веков известна силой и значимостью самобытных традиций, высоким авторитетом духовно-нравственных начал в регулировании всех сфер общественных отношений. Государство продолжает предпринимать серьезные шаги к укреплению и усовершенствованию правового статуса этой социально-культурной общности путем централизации и сближения казачьих войсковых обществ с государственными структурами. Так, в 2019 г. было учреждено Всероссийское казачье общество [1], в состав которого вошли все реестровые казачьи войска РФ.

Казачество, в том числе и на Юге России с конца XVIII в., существовало в качестве особого служилого сословия. Интегрировавшись в правовое поле Российского государства, традиционные органы казачьей власти постепенно утратили свое значение. Однако на сегодняшний день особые казачьи институты управления продолжают возрождаться и уже в видоизмененном состоянии, учитывая правовые реалии современной России, находят законодательное закрепление в нормативно-правовых актах. Так, согласно Уставу Всероссийского казачьего общества к органам казачьего управления относятся: Атаман, Большой круг, Совет атаманов, Совет стариков, Правление Всероссийского казачьего общества, а также Суд чести. Именно Суд чести, опираясь на исконные традиции бытования качества в России, выступает ядром поддержания духовно-нравственных начал в функционировании современных казачьих обществ. В связи с этим изучение особенностей деятельности суда и судопроизводства в ретроспективе историко-

правового развития их юридического статуса в России, несомненно, является актуальной научной задачей. Это обусловливается и тем, что прародителем нынешнего Кубанского войска являлось именно черноморское казачество.

Черноморское войско было образовано на Кубани, из числа запорожских казаков, в 1792 г. [2]. Из-за отсутствия специального законодательства, регулирующего общественные отношения среди черноморцев, казачьей старшиной в 1794 г. был издан нормативный акт – «Порядок общей пользы» [3]. Этот документ был составлен на основании всероссийских законов: Учреждения об управлении губерний от 7 ноября 1775 г. [4] и Устава благочиния или Полицейского от 8 апреля 1782 г. [5]. Документ носил полуофициальный характер, однако именно с момента его издания в Черноморском войске утвердился порядок управления, принятый в центральных губерниях империи. Первым пунктом «Порядка общей пользы» учреждалось Войсковое правительство. В его состав входили Кошевой атаман, Войсковой судья и Войсковой писарь. Судебные функции были возложены на Атамана и Войскового судью Черноморского казачьего войска.

Территория Черноморского казачьего войска разделялась на пять административных единиц (округов) во главе с окружными правлениями (которые работали по примеру земской полиции в центральных губерниях Российской империи, функционировавших в виде так называемого нижнего земского суда).

Окружные правления каждые семь дней присылали Кошевому атаману рапорты о состоянии дел в округе, а в случае чрезвычайной ситуации – незамедлительно. В г. Екатеринодаре, находившемся на территории Черноморского казачьего войска, было принято решение выстроить 40 куреней, которые управлялись куренными атаманами.

Функции куренных атаманов тоже закреплялись «Порядком общей пользы» и были списаны, учитывая особенности казачьего уряда, с полномочий частного пристава, который согласно Уставу благочиния или

Полицейскому 1782 г. имел «смотрение, чтоб... ничто не принималось противное службе Императорского Величества и общему добру» (п. 89). Куренные атаманы обязаны были «случающиеся между куренными людьми маловажные ссоры и драки разбирать голословно и примирять с доставлением обиженной стороне справедливого удовольствия, а за важное преступление представлять под законное суждение войсковому правительству» (п. 5 «Порядка общей пользы»).

Только в 1801 г. в соответствии с императорским указом в Черноморском казачьем войске был официально регламентирован порядок формирования Войсковой канцелярии и учреждавшегося при ней сысского начальства, полномочия которого соответствовали компетенции общеимперского земского суда. В 1802 г. в Черноморском войске, по примеру Донского, учреждалось Войсковое правительство, а вместо сысских начальств окончательно были образованы уездные и нижние земские суды, чтобы «облегчить всем войсковым обывателям доставление правосудия» [6].

Дальнейшее развитие казачье законодательство о судостроительстве получило в 1827 г. в связи с изданием Положения об управлении Черноморским войском [7]. В соответствии с этим нормативно-правовым актом учреждались две судебные инстанции по словесному принципу: Военный и Гражданский суды. В юрисдикции Военного суда находились дела, касающиеся лиц казачьего сословия, независимо от того, связано было дело с исполнением ими воинских обязанностей или нет, а в юрисдикции Гражданского – все споры в отношении лиц неказачьего сословия. Военному суду были подсудны все гражданские и уголовные дела в отношении казаков, за исключением тех, которые касались совершения ими следующих правонарушений: пьянства, своевольтва (непослушания вышестоящему начальству), нарушения благочиния (правил безопасности и правопорядка), неважной драки (без причинения смерти потерпевшему), кражи от 20 до 100 руб. ассигнациями и прочих маловажных преступлений. Кроме этого из юрисдикции Военного суда было изъято разбирательство дел, предусматривающих наказания в виде: денежного штрафа до 5 руб. ассигнациями; содержания под арестом не больше семи дней; осуждения на общественную работу на три дня; телесного наказания до 50 ударов. Такие правонарушения разрешались куренными и сысскими начальствами.

Существовал особый порядок юрисдикции и для неказачьего правосудия в Черноморском войске. Так, Гражданский суд имел право рассматривать крепостные акты, сумма которых составляла не более 500 руб. Если цена иска была выше, то дело рассматривалось Кавказским областным судом [8].

В 1842 г. был издан новый нормативно-правовой акт – Положение о Черноморском казачьем войске [9]. В нем регламентировалась деятельность войскового суда и должностных лиц, уполномоченных осуществлять надзор за отправлением правосудия. Управление в войске, под председательством Наказного атамана, подразделялось на военное и гражданское. Подсудность дел зависела от принадлежности сторон судебного разбирательства к войсковому либо к невойсковому сословию.

Дела о военных преступлениях, совершенных членами казачьего войска, рассматривала Комиссия военного суда (высшая судебная инстанция в Черноморском войске). На Атамана войска возлагалась в первую очередь надзорная функция за судопроизводством: чтобы каждый в его лице «находил законную защиту и правосудие». При Наказном атамане учреждалась должность помощника – Начальника штаба Черноморского казачьего войска. Он предварительно рассматривал приговоры Комиссии военного суда и в течение двух недель, внося, при необходимости в них свои замечания, представлял Атаману на утверждение. В Комиссию военного суда Черноморского казачьего войска входили: презус (должность председателя военного суда до реформы 1867 г.), штаб-офицер, четыре ассессора и аудитор. Презус избирался Наказным атаманом и по его представлению утверждался в должности Командующим войсками на Кавказской линии и в Черномории. Ассессоры, из числа казачьих чиновников, назначались войсковым правительством на три года. Их кандидатуры, как и презуса, утверждались Командующим войсками на Кавказской линии и в Черномории.

В Положении о Черноморском казачьем войске 1842 г. четко регламентировалась подсудность дел Комиссии военного суда. Она имела право осуществлять правосудие как над служащими и отставными чиновниками, так и над нижними чинами войска. Кроме этого предметом рассмотрения данного органа могли стать дела, начатые в судебных комиссиях при полках, батальонах и батареях, учрежденных во время внешней службы казаков (в экспедициях за пределами Черномории), по которым не был вынесен приговор из-за предварительного возвращения подсудимого или подсудимых в войско либо по другим причинам.

О количестве дел, находящихся в производстве, Комиссия военного суда в конце каждого месяца докладывала в Войсковое дежурство Черноморского казачьего войска и в Аудиторский департамент Военного министерства Российской империи, который ведал личным составом войск. Войсковое дежурство состояло из Начальника штаба Черноморского казачьего войска, дежурного штаб-офицера, старшего адъютанта обер-офицерского чина и обер-ауди-

тора. Председателем войскового дежурства являлся Наказной атаман.

Законодатель закреплял, что при рассмотрении дел Комиссия военного суда должна руководствоваться общими постановлениями о военных судах (§ 138 Положения о Черноморском казачьем войске 1842 г.). Речь идет об Уставе военно-уголовном 1839 г. [10], который вошел в ч. V Свода военных постановлений Российской империи.

Нужно сказать, что этот акт стал существенным шагом на пути реформирования военно-уголовного законодательства в первой половине XIX в., поскольку до издания Устава 1839 г. основным законом, регламентирующим систему преступлений и наказаний для военнослужащих, был Артикул воинский 1715 г. [11]. Впервые ограничение для применения Артикула было внесено изданием Полевого уложения 1812 г., однако они касались только законов военного времени [12, с. 399].

Устав 1839 г., с определенными изменениями, представлял собой кодификацию всего предшествующего военно-уголовного законодательства. Закон закреплял следующие категории преступлений: против веры; государственные; против правительства; против обязанностей службы; против безопасности жизни и против прав общественного состояния лиц; против прав семейного состояния; противозаконное удовлетворение плотских страстей, развратное поведение и запрещенная картежная игра; против прав на имущество; подлоги и лживые поступки [13, с. 132].

Характеризуя нормы Устава военно-уголовного 1839 г., интересно отметить, что наказания за преступления значительно смягчились по сравнению с петровским законодательством (так, смертная казнь за тяжкие преступления для военнослужащих применялась, как правило, в военное время; в мирное время этот вид наказания заменялся лишением всех прав состояния и ссылкой на каторжную работу). Кроме этого способы исполнения смертной казни значительно отличались от их аналогов первой четверти XVIII в. Аркебузирование, отсечение головы, повешение, колесование, четвертование и сожжение, закрепленные в Артикуле воинским 1715 г., были заменены только двумя: расстрелом и повешением.

Помимо Комиссии военного суда в Черноморском казачьем войске при каждом из трех военных округов (Таманском, Екатеринодарском и Ейском) функционировали окружные правления. Окружные правления состояли из: окружных судов; окружных сыскных начальств; словесных и мировых судов и окружных стряпчих. Главной обязанностью окружных судов было рассмотрение гражданских споров (§ 373 Положения о Черноморском казачьем войске 1842 г.). Окружной суд в каждом из трех округов состоял из судьи и двух заседателей (один из казаков,

другой из чиновников). Судья избирался сроком на три года Атаманом и утверждался в этой должности Командующим войсками на Кавказской линии и в Черномории. В свою очередь, заседатели избирались чиновниками и рядовыми казаками из своей среды и утверждались в этой должности Атаманом. Причем казаки в качестве заседателей имели право участвовать только в разрешении гражданских споров, «касающихся до казаков и станиц» (§ 370 Положения о Черноморском казачьем войске 1842 г.). Полномочия казачьих окружных судов совпадали с полномочиями общеимперских уездных судов, закрепленных в Учреждении для управления губерний 1775 г., за исключением разрешения уголовных дел.

Окружные сыскные начальства действовали по правилам, установленным Положением об управлении Донского войска 1835 г. [14]. Каждый округ в Черномории имел свое сыскное начальство, в которое входили: сыскальный начальник, три заседателя из чиновников и двое из казаков. Судебные полномочия окружных сыскных начальств в Черноморском казачьем войске соответствовали полномочиям всероссийских земских судов.

При каждом окружном сыскальном начальстве должны были учреждаться словесные и мировые суды, в обязанность которых входило «доставить войсковым обывателям простейшие и удобнейшие средства к скорому удовлетворению, по искам их, в делах тяжёбных». Положение о Черноморском казачьем войске 1842 г. не закрепляло детальный порядок их деятельности и формирования, а содержало отсылку к общеимперскому законодательству. Так, согласно Уставу благочиния или Полицейскому 1782 г. словесный суд разрешал исключительно гражданские споры; причем к производству не принимались письменные жалобы тяжущихся сторон (ст. 162). Словесный суд рассматривал дела с участием так называемых присяжных добросовестных свидетелей, которые обязаны были указать, «что в деле застали, что видели или что слышали» (ст. 167).

Окружные стряпчие назначались Министерством юстиции из числа чиновников неказачьего сословия. Они надзирали за законностью и находились в непосредственном подчинении у военного прокурора. Правовой статус окружных стряпчих по воле законодателя (§ 388 Положения о Черноморском казачьем войске 1842 г.) совпадал с полномочиями уездных стряпчих в Российской империи.

В пределах станиц каждого округа Черноморского казачьего войска учреждался Войсковой суд, который состоял из Уголовного и Гражданского судов. Порядок их формирования регламентировался Положением об управлении Донского войска 1835 г. В частности, Уголовный суд рассматривал дела о преступлениях, которые были совершены казаками «или по

отправлению гражданских должностей, или в гражданском состоянии». Полномочия вышеуказанных инстанций совпадали с полномочиями Палат Гражданского и Уголовного судов, определенными в Учреждении для управления губерний Всероссийской империи 1775 г.

Гражданское управление войском непосредственно подчинялось Командующему войсками на Кавказской линии и в Черномории. Иски лиц неказачьего сословия, адресованные казакам, рассматривались в Войсковом правлении. Если же иск предъявлялся казаком к представителю другого сословия, то такие дела разрешались в присутственных местах губернии по принадлежности (§ 293 Положения о Черноморском казачьем войске 1842 г.).

Торговые споры между казаками и лицами других сословий, которые вступали с ними в коммерческие сделки, были подсудны Торговому словесному суду. Он рассматривал все дела «как по частным письмам, векселям, запискам, купеческим книгам и счетам», так и по устным торговым делам.

Для рассмотрения частных словесных исков в столице Черноморского войска – г. Екатеринодаре при полиции был образован Словесный суд. Это учреждение занималось примирением спорящих сторон и было обязано обеспечить «законную, честную и бестяжебную жизнь», прекратив все «злобы, распри и ссоры» [15, с. 2].

Таким образом, анализ судебной системы, сложившейся в конце XVIII – первой половине XIX вв.

в Черноморском казачьем войске, показывает особый государственный порядок организации управленческих структур на Юге России. Законодатель, юридически оформив казачество в качестве отдельного сословия, не стремился резко встроить его в общеимперскую судебную систему, тем самым обеспечив постепенную интеграцию в правовое поле Российской империи. Иначе говоря, порядок организации суда и судопроизводства у черноморского казачества свидетельствует о том, что государство первоначально не препятствовало самостоятельному (внутривойсковому) разрешению ими гражданских и уголовных дел на основе обычая. Однако в последующем с целью подчинения казаков центральным органам власти на территории Черноморского войска была сформирована судебная система, во многом схожая с традиционной, действовавшей в тот период в России.

Этот факт подтверждается, в частности, подотчетностью Черноморского войска и в гражданском, и в военном отношении Департаменту военных поселений Военного министерства; назначением атамана, который обладал судебными полномочиями, исключительно императором, а не с помощью проведения выборов среди казачества, как было прежде, по обычаю; утверждением высших судебных чиновников военным должностным лицом, не принадлежащим к казачьему сословию, – Командующим войсками на Кавказской линии и в Черномории.

Пристатейный библиографический список

1. Указ Президента РФ от 4 ноября 2019 г. № 543 «О Всероссийском казачьем обществе» (вместе с «Уставом Всероссийского казачьего общества») // СЗ РФ. 2019. № 44. Ст. 6189.
2. Жалованная грамота войску Черноморскому от 30 июня 1792 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. Т. XXIII. № 17055.
3. Порядок общей пользы // Государственный архив Краснодарского края. Ф. 249. Оп. 1. Д. 2830.
4. Учреждение для управления губерний Всероссийской империи от 7 ноября 1775 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. Т. XLI. № 14392.
5. Устав благочиния или Полицейский от 8 апреля 1782 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. Т. XLI. № 15379.
6. Именной указ, данный Сенату, «Об учреждении в Донском и Уральском войсках Войсковых канцелярий, а в Черноморском Войсковом правительстве и о зависимости оных по делам воинским и гражданским» от 25 февраля 1802 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. Т. XXVII. № 20156.
7. Высочайше утвержденное Положение «Об управлении Черноморским войском, с приложением штата» от 26 апреля 1827 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание II. Т. II. № 1058.
8. Сенатский указ «О дозволении совершать в Гражданском суде Черноморского войска крепостные акты до 500 рублей» от 12 октября 1828 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание II. Т. III. № 2336.
9. Высочайше утвержденное Положение «О Черноморском казачьем войске» от 1 июля 1842 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание II. Т. XVII. Ч. 1. № 15809.
10. Свод военных постановлений: Устав военно-уголовный. СПб. : Гос. тип., 1839.

11. Артикул воинский: с кратким толкованием. СПб. : Имп. Академия наук, 1735.
12. Бессонов Д. Д. Массовые преступления в общем и военно-уголовном праве. СПб. : Типо-лит. К. Л. Пентковского, 1907.
13. Савинков В. М. Краткий обзор исторического развития военно-уголовного законодательства. СПб. : Тип. В. Безобразова и комп., 1869.
14. Положение об управлении Донского войска: ч. 1, 2 и 3 с приложением к наказу гражданскому управлению штатами и общими приложениями. СПб. : Военная тип., 1835.
15. Андреев Н. Памятник для словесных судов, выписанных из законных книг, в пользу граждан, избираемых в должность словесных судей, с приобщением приличных к тому указов и со включением примечаний, касающихся до производства в оных судах дел. СПб., 1809.

References

1. Decree of the President of the Russian Federation of 4 November 2019 No. 543 "On All-Russian Cossack Society" (with "Charter of the All-Russian Cossack Society". *Collection of the Legislation of the Russian Federation*. 2019. No. 44. Art. 6189.
2. Letters Patent of the Army of the Black Sea of 30 June 1792. *Complete Collection of Laws of the Russian Empire*. Collection I. Vol. XXIII. No. 17055.
3. Order of General Use. *State Archive of the Krasnodar Territory*. F. 249. Inventory 1. Case 2830.
4. Institution for the Administration of the Provinces of the All-Russian Empire of 7 November 1775. *Complete Collection of Laws of the Russian Empire*. Collection I. Vol. XLI. No. 14392.
5. Charter of the Deanery or Police of 8 April 1782. *Complete Collection of Laws of the Russian Empire*. Collection I. Vol. XLI. No. 15379.
6. Nominal Decree Given to the Senate "On the Establishment of Military Offices in the Don and Ural Troops, and in the Black Sea Military Government and on the Dependence of These on Military and Civil Affairs" of 25 February 1802. *Complete Collection of Laws of the Russian Empire*. Collection I. Vol. XXVII. No. 20156.
7. Most Highly Approved Regulation "On the Management of the Black Sea Army, with the Appendix of the State" of 26 April 1827. *Complete Collection of Laws of the Russian Empire*. Collection II. Vol. II. No. 1058.
8. Senate Decree "On Permission to Commit Serfdom Acts up to 500 Rubles in the Civil Court of the Black Sea Army" of 12 October 1828. *Complete Collection of Laws of the Russian Empire*. Collection II. Vol. III. No. 2336.
9. Most Highly Approved Regulation "On the Black Sea Cossack Army" of 1 July 1842. *Complete Collection of Laws of the Russian Empire*. Collection II. Vol. XVII. Part 1. No. 15809.
10. Code of Military Regulations: Military Criminal Statute. St. Petersburg: State Printing House, 1839.
11. Military Article: With a Brief Interpretation. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1735.
12. Bessonov D. D. Mass Crimes in General and Military Criminal Law. St. Petersburg: K. L. Pentkovskii's Typo-Lithography, 1907.
13. Savinkov V. M. A Brief Overview of the Historical Development of Military Criminal Legislation. St. Petersburg: V. Bezobrazov & Co.'s Printing House, 1869.
14. Regulations on the Administration of the Don Army: Parts 1, 2 and 3 with an Appendix to the Order of the Civil Administration of the States and General Appendices. St. Petersburg: Military Printing House, 1835.
15. Andreev N. Monument for Verbal Courts, Written Out of Legal Books, in Favor of Citizens Elected to the Office of Verbal Judges, with the Addition of Decent Decrees and with the Inclusion of Notes Concerning Cases Before the Proceedings in These Courts. St. Petersburg, 1809.

КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В МЕХАНИЗМЕ ПРЕОДОЛЕНИЯ ПРОБЕЛОВ И КОЛЛИЗИЙ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2022-0-2-29-34>

Одним из коллизионных вопросов российской юридической науки уже многие годы остается вопрос о месте и роли судебной практики в системе источников права. Спорность данного вопроса обусловлена различными факторами, прежде всего видом российской правовой системы, в которой решения судов не являются официальными источниками права. Между тем наметившаяся в последние годы стойкая тенденция сближения правовых систем привела к усилению роли судебных решений в системе источников права. Посредством рычагов конституционного судопроизводства устраняются правовые неопределенности различной отраслевой принадлежности. Международно-правовые стандарты, практики зарубежных стран, изменения политической и военной ситуации в мире, снижение толерантности народов, рост экстремизма могут выступить основанием для пересмотра нормативных положений Конституционным Судом РФ. Предметом исследования являются общественные отношения, сложившиеся в уголовно-правовой практике в процессе конституционного судопроизводства, а также законодательные акты, регулирующие эти отношения. Цель подготовки статьи – определение роли Конституционного Суда РФ в механизме преодоления пробелов и коллизий уголовного законодательства. Для ее достижения мы определили задачи: мониторинг теории и практики конституционного судопроизводства по делам об оспаривании конституционности уголовно-правовых норм; изучение отдельных направлений эволюции уголовного законодательства с учетом решений Конституционного Суда РФ. Методологическую основу исследования составили различные эмпирические и теоретические методы. Проведен контент-анализ научных трудов российских и зарубежных ученых, исследующих вопросы влияния судебной практики на корректировку уголовного законодательства. Осуществлен мониторинг конституционных жалоб граждан и их объединений, оспаривающих конституционность регламентации различных аспектов Общей и Особенной частей Уголовного кодекса РФ (в том числе особенностей регулирования оборота холодного оружия, применения смертной казни, амнистии и помилования и др.). В статье использованы решения Конституционного Суда РФ (в основном вынесенные в форме постановлений), а также сформулированные в них правовые позиции, направленные на устранение выявленных правовых неопределенностей – коллизий и пробелов в уголовном законодательстве. Диалектический метод выступил методологической основой получения информации; формально-юридический, сравнительно-правовой методы, а также метод качественного анализа применялись для получения теоретических выводов. Использовались нормативно-правовые акты, данные судебной практики. Новизна работы состоит в том, что в представленной статье выделяются проблемы, возникающие в правоприменительной уголовно-правовой практике, решения которой подлежат конституционному пересмотру, что затрудняет их своевременное применение. Установлена причинность таких пересмотров: несоответствие положений Уголовного кодекса РФ друг другу, предположенная сознательность таких действий законодателя в ситуациях отсутствия логики в некоторых законодательных конструкциях. Выделены иные обстоятельства, которые могут стать причиной пересмотра норм права Конституционным Судом РФ. Результаты исследования могут иметь значение для дальнейшего развития теоретических представлений о влиянии практики конституционного судопроизводства на реформирование уголовного законодательства.

ГОТЧИНА

Лариса Владимировна

доктор юридических наук,
профессор, заведующая кафедрой
уголовного права и криминологии
Санкт-Петербургской академии
Следственного комитета РФ
(г. Санкт-Петербург)

lgotchina@yandex.ru

НОВОПАВЛОВСКАЯ

Елена Евгеньевна

кандидат юридических наук,
доцент, профессор кафедры
социологии и управления
Белгородского государственного
технологического университета
им. В. Г. Шухова (г. Белгород)

novopavlovskaya@gmail.com

**Конституционный Суд;
правовая неопределенность;
коллизия;
уголовное законодательство**

Larisa V. GOTCHINA

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Head of the Department of Criminal
Law and Criminology, St. Petersburg
Academy of the Investigative
Committee of the Russian Federation
(St. Petersburg)

lgotchina@yandex.ru

Elena E. NOVOPAVLOVSKAYA

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor, Professor,
Department of Sociology and
Management, Belgorod State
Technological University named after
V. G. Shukhov (Belgorod)

novopavlovskaya@gmail.com

**Constitutional Court;
legal uncertainty;
conflict;
criminal law**

**THE CONSTITUTIONAL COURT OF THE RUSSIAN
FEDERATION IN THE MECHANISM OF OVERCOMING GAPS
AND CONFLICTS OF CRIMINAL LAW**

The question of the place and role of judicial practice in the system of sources of law remains one of the conflicting issues of Russian legal science for many years. The controversy of this issue is due to various factors, primarily the type of the Russian legal system, in which court decisions are not official sources of law. Meanwhile, the persistent trend of convergence of legal systems that has emerged in recent years has led to an increase in the role of judicial decisions in the system of sources of law. Through the levers of constitutional legal proceedings, legal uncertainties of various industry affiliations are eliminated. International legal standards, the practices of foreign countries, changes in the political and military situation in the world, a decrease in the tolerance of peoples, the growth of extremism may serve as the basis for the revision of the regulatory provisions by the Constitutional Court of the Russian Federation. The subject of the study is the social relations that have developed in criminal law practice in the process of constitutional proceedings, as well as legislative acts regulating these relations. The purpose of the article is to determine the role of the Constitutional Court of the Russian Federation in the mechanism for overcoming gaps and conflicts of criminal law. To achieve this aim, we have identified the following tasks: monitoring the theory and practice of constitutional proceedings in cases of challenging the constitutionality of criminal law norms; study of certain directions of the evolution of criminal legislation, taking into account the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation. The methodological basis was formed by various empirical and theoretical research methods. A content analysis of the scientific works of Russian and foreign scientists investigating the impact of judicial practice on the correction of criminal legislation has been carried out. Monitoring of the constitutional complaints of citizens and their associations, challenging the constitutionality of the regulation of various aspects of the general and special parts of the Criminal Code of the Russian Federation (including the specifics of regulating the circulation of edged weapons, the use of the death penalty, amnesty and pardon, etc.) was carried out. The article uses the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation (mainly issued in the form of decisions), as well as the legal positions formulated in them, aimed at eliminating the identified legal uncertainties – conflicts and gaps in criminal law. The dialectical method acted as a methodological basis for obtaining information, formal legal, comparative legal methods, as well as the method of qualitative analysis were used to obtain theoretical conclusions. Regulatory legal acts, judicial practice data were used. The novelty lies in the fact that the presented article highlights the problems arising in law enforcement criminal law practice, the solutions of which are subject to constitutional review, which makes it difficult to apply them in a timely manner. The causality of such revisions is established: the inconsistency of the provisions of the Criminal Code of the Russian Federation with each other, the assumed consciousness of such actions of the legislator in situations of lack of logic in some legislative constructions. Other circumstances that may cause the revision of the norms of law by the Constitutional Court of the Russian Federation are highlighted. The results of the study may be important for the further development of theoretical ideas about the impact of the practice of constitutional proceedings on the reform of criminal law.

Поправки 2020 г., внесенные в Конституцию РФ, коснулись регламентации статуса различных структур государства, в том числе Конституционного Суда РФ (далее – КС РФ), который теперь официально на конституционном уровне назван высшим судебным органом конституционного контроля.

Уже многие годы учеными ведутся дискуссии о том, какое место занимает судебная практика сре-

ди правовых источников, в частности уголовного права. Авторы называют решения КС РФ судебными прецедентами [1, с. 9], конституционной доктриной [2, с. 89], актом, сочетающим нормативные и доктринальные начала [3, с. 11], особым самостоятельным источником права [4, с. 195] и др.

Однако полагаем, что нельзя ставить в один ряд все решения КС РФ (постановления, определения

и заключения). По нашему мнению, в контексте оценки их роли и места в системе источников российского права следует прежде всего говорить о тех решениях КС РФ в форме постановлений, которыми исследуемые законоположения признаны неконституционными и, следовательно, выведены из правового пространства, а также о постановлениях о толковании правовых норм.

Практика конституционного судопроизводства показывает, что признаваемые неконституционными нормы имеют различную отраслевую принадлежность. Их принципиальное значение в том, что они не только дисквалифицируют неконституционную («дефектную») норму, но и блокируют ее применение в будущем.

Отрасли права не изолированы. Взаимодействие их норм и судебная практика реализации последних позволяют ставить под сомнения конституционность одновременно норм уголовного законодательства и бланкетных норм, содержащихся в иных правовых актах.

Значительная доля пересмотренных положений Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ) – это их несоответствие друг другу. Конституционным Судом РФ выявляются случаи неоднозначного толкования норм права, когда одна норма порождает определенное следствие, а вторая им противоречит. Возникает вопрос о недостаточной проработанности законодателем проекта статей Кодекса с последующим их принятием. Второй теоретически допустимой причиной такого положения дел может быть предположительно сознательность таких действий законодателя. В последнем случае необходимо установить целесообразность такого решения. Не всегда прослеживается логика в таких законодательных конструкциях. Правоприменитель нуждается в разъяснении конституционно-правового смысла каждой законодательной неточности КС РФ.

Большая часть случаев проверки конституционности положений нормативных актов инициируются через обращения граждан в виде подачи жалоб и иных обращений. То есть судебная практика конституционности положений формируется судебной практикой уголовных дел за отдельные виды преступлений.

Международно-правовые стандарты, практики зарубежных стран могут служить причиной пересмотра нормативных положений КС РФ, как произошло с вопросом приостановки применения смертной казни. Иные обстоятельства (изменение политической и военной ситуации в мире, снижение толерантности народов, рост экстремизма и ненависти, а также другие существенные обстоятельства развития общества) также могут спровоцировать ситуацию пересмотра норм права КС РФ.

В рамках проводимого нами исследования сделаем акцент на нормах уголовного права. Так, в 2021 г.

КС РФ признал неконституционной ст. 116.1 УК РФ, которая не предусматривает ответственность за нанесение побоев или совершение иных насильственных действий лицом, имеющим судимость за это же преступление или аналогичное. Конституционный Суд РФ отметил, что такое правовое регулирование неоправданно, потому что оно создает различия между пострадавшими и привилегированное положение лиц, имеющих судимость, по сравнению с лицами, подвергнутыми административному наказанию (постановление КС РФ от 8 апреля 2021 г. № 11-П). То есть сегодня при наличии неснятой и непогашенной судимости за аналогичные деяния виновный привлекается к административной ответственности, а в отношении лиц, подвергнутых административному наказанию, – к уголовной. Конституционный Суд РФ решил сохранить силу действующей редакции ст. 116.1 УК РФ до введения ее новой версии. Представляется, что это не совсем правильная мера: необходимо приостановить действие редакции указанной статьи, так как практика нанесения таких насильственных действий многочисленна [5, р. 325; 6, р. 856]. Случаи побоев характерны для семейной преступности, провоцируются конфликтами на бытовой почве, особенно в последние два года. Причинами такого положения дел выступили пандемия, захватившая весь мир, ковидные ограничения, сопровождающиеся состоянием паники и депрессией, распадами семей и различными формами отклоняющегося поведения (среди наиболее частых: употребление запрещенных веществ, половая переориентация, игромания, интернет-зависимость). Уголовная ответственность за побои нужна в законодательстве, но норма права должна быть приведена в соответствие с иными уголовно-правовыми нормами, чтобы обеспечивать достойную защиту здоровья человека уголовно-правовыми средствами.

Обратим внимание, что предмет конституционного рассмотрения составляют не только нормы УК РФ. Практике известны случаи (причем неединичные), когда заявители (граждане и их объединения) просили об оценке конституционности одновременно норм УК РФ и иных правовых актов (например, постановление КС РФ от 17 июня 2014 г. № 18-П). Так, в результате рассмотрения жалобы гражданки Н. В. Урюпиной КС РФ признал ч. 4 ст. 222 УК РФ неконституционной. Это было связано с обнаружившейся неопределенностью регулирования нормами права сбыта холодного оружия, представляющего культурную ценность. Имела место ситуация, когда лицо не имеет возможности осознать юридические признаки уголовно наказуемого деяния.

Более того, имела место также оценка конституционности уголовно-правовых норм и норм правовых актов иной отраслевой принадлежности, при этом и материальных, и процессуальных отраслей.

Наглядными примерами могут выступать постановления КС РФ, предметом рассмотрения в которых являлись положения норм других отраслей права, например гражданского (постановление от 7 апреля 2015 г. № 7-П), административного (постановление от 13 июля 2010 г. № 15-П), уголовно-процессуального (постановления от 14 июня 2018 г. № 23-П, от 16 марта 2017 г. № 7-П) и др.

Несмотря на приведенные выше примеры, признаем, что КС РФ не стремится добиваться восстановления нарушенного конституционного правопорядка только путем обязательной дисквалификации проверяемых законоположений. Конституционная практика дает основание констатировать, что нередко КС РФ идет по пути выявления конституционно-правового смысла исследуемых норм права, не признавая их неконституционными. В резолютивной части подобного рода решений КС РФ содержится фраза, разъясняющая конституционно-правовой смысл постановлений, признаваемый общеобязательным. И тогда такие положения иначе толковать нельзя, как нельзя иначе интерпретировать (постановления КС РФ от 24 мая 2021 г. № 21-П, от 4 марта 2021 г. № 5-П, от 22 июля 2020 г. № 38-П, от 9 июля 2019 г. № 27-П, от 15 октября 2018 г. № 36-П и др.). Обратим внимание, что содержание норм, недовольство которыми высказывали заявители, указывая на их несоответствие российской Конституции, затрагивало регламентацию различных аспектов уголовного права, как его общей (постановление КС РФ от 15 октября 2018 г. № 36-П), так и его особенной части. При этом большую часть составляли жалобы и иные обращения, в которых заявители просили дать оценку конституционности регулирования уголовной ответственности за отдельные виды преступлений: мошенничество (постановления КС РФ от 4 марта 2021 г. № 5-П, от 22 июля 2020 г. № 38-П); нарушение порядка организации либо проведения публичных мероприятий (постановление КС от 10 февраля 2017 г. № 2-П); уклонение от уплаты налогов (постановление КС РФ от 9 июля 2019 г. № 27-П); халатность (постановление КС РФ от 24 мая 2021 г. № 21-П) и др. Несмотря на обширную конституционную практику по указанным вопросам, считаем, что количество решений КС РФ, в которых он вынужден истолковывать нормы уголовного права, должно быть сведено к минимальному. Вспомним в этой связи постановление от 17 ноября 1997 г. № 17-П, в котором КС РФ подчеркнул, что законодатель обязан осуществлять четкое и однозначное изложение смысла нормы права непосредственно в самом нормативном правовом акте, а не прибегать к различным способам устранения правовых неточностей и неопределенностей правового регулирования.

Одна из таких неточностей устранена КС РФ 19 ноября 2009 г. Положения постановления КС РФ от 2

февраля 1999 г. № 3-П обеспечили человеку право не подвергаться смертной казни. Следствием длительного моратория является сложившийся конституционно-правовой режим. Напомним, что его введение было обусловлено наличием соответствующих международно-правовых стандартов, апробированных практикой многих стран. Он должен быть прерван изданием соответствующего федерального закона, отсутствующего по сей день. В теории уголовного права вопрос о допустимости применения смертной казни подвергается научной полемике не одно десятилетие. Яркими сторонниками ее применения являются А. С. Михлин и С. Ф. Милюков. Так, первый констатировал, что 8,5% осужденных в США к смертной казни ранее совершали убийство [7, с. 148]. Поэтому, сохраняя им жизнь, прогнозируем гибель мирных граждан. Посему С. Ф. Милюков считает «ошибкой (либо сознательностью) неприменение смертной казни!» [8, с. 163].

Если проанализировать элемент сознательности такой меры, допускаемой С. Ф. Милюковым, то его реализацию можно рассматривать как искусственное направление сокращения населения конкретных стран. В этом просматриваются элементы экстремизма, представляющего собой особую, с повышенной общественной опасностью разновидность группы преступлений, совершаемых международной организованной преступностью [9, с. 43]. Их мотивом может быть чувство ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы (населения определенной страны, нации), спровоцированное не обязательно религиозными, политическими или идеологическими аспектами. Отмеченная повышенная общественная опасность преступной реализации экстремистских преступлений объясняется массовостью и неопределенностью возможных жертв такой преступности; вероятностью ее совершения на территории любого государства, любого его региона; сопровождаемостью иных общеуголовных преступлений (идеальная совокупность); игнорированием нравственных норм в обществе; взращиванием нового поколения «экстремистского типа».

Вероятность возможной ошибки при установлении виновного, подлежащего впоследствии смертной казни, недопустима, так как единственная ценность, которая невозвратима, – жизнь. Анализируя происходящие изменения в мире в политической и военной ситуации, видится перспективным пересмотр рядом стран положений о неприменении смертной казни. В этой ситуации ожидаемо новое постановление КС РФ либо соответствующие законодательные корректировки.

По мнению Е. В. Тарибо, решения КС РФ, в которых дается конституционно-правовое истолкование законодательства, осуществляются «терапевтически-

ми средствами». Автор также подчеркнул, что таких решений КС РФ в последние годы становится больше, что во многом предопределено тем, что сегодня количество системных дефектов законодательного регулирования постепенно сокращается [10, с. 8]. Говоря языком Е. В. Тарибо, при корректировке законодательства достаточно «терапевтических средств» и «оперативное вмешательство» не требуется.

Подобную тенденцию не раз подчеркивал В. Д. Зорькин, замечая, что она реализуется в случаях, когда имеется реальная возможность выявить конституционно-правовой смысл законоположения и в его контексте определить должное конституционно-правовое содержание нормы, исключающее иное истолкование данного законоположения правоприменителями [11, с. 183]. Согласны, что применение обозначенного правила при осуществлении КС РФ нормоконтрольной функции является весьма удачным решением.

Более того, нередко КС РФ не только исключал из правового пространства не соответствующие Конституции РФ (так называемые дефектные) правовые нормы, но и фактически восполнял пробелы правового регулирования, в том числе уголовно-правового характера, особенно на начальных этапах государственно-правового строительства. По содержанию данная группа решений КС РФ весьма разнообразна. В качестве примеров могут выступать решения КС РФ, касающиеся регламентации различных аспектов амнистии и помилования (определения от 27 сентября 2018 г. № 2213-О, от 28 марта 2017 г. № 602-О и др.). Так, в постановлении КС РФ от 19 марта 2003 г. № 3-П, вынесенном в преддверии празднования 55-летия Победы в Великой Отечественной войне, КС РФ обратил внимание федерального законодателя на возможность осуществления законодательных корректировок в части иного регулирования судимости и ее уголовно-правовых последствий. При этом высказано особое мнение судьи Н. В. Витрука, который полагает, что УК РФ содержит противоречие относительно регулирования института судимости, так как уголовное законодательство признает лицо несудимым после освобождения от наказания, при этом в Кодексе также предусмотрена процедура досрочного снятия судимости.

С целью восполнения выявленного несоответствия правового регулирования КС РФ устанавливает федеральному законодателю срок на его устранение. Так, в частности, он предоставлялся для устранения выявленных неконституционных аспектов мошенничества в сфере предпринимательской деятельности (постановление КС РФ от 11 декабря 2014 г. № 32-П).

Неконституционность нормы, предусмотренной ст. 159.4 УК РФ, характеризовалась тем, что законодателем установлено более мягкое наказание, предусмотренное за специальное мошенничество в сфере предпринимательской деятельности при более существенном размере похищенного, чем за предусмотренное ст. 159 УК РФ.

Восполняя пробелы правового регулирования, КС РФ фактически выступает в роли законодателя, несущего негатив, «квазиправотворческого органа» [13, с. 17]. И. В. Выдрин замечает, что КС РФ претендует на то, чтобы выполнять правотворческие функции [1, с. 9]. Занимаясь формированием государственной политики, как справедливо констатирует П. Д. Блохин, КС РФ находится к законодателю ближе, нежели к обычному суду, призванному разрешать гражданский или уголовный спор [13, с. 16].

В ходе нашего исследования мы пришли к следующим выводам:

1. Полагаем, что регулирование общественных отношений, которое с определенной периодичностью вынужден осуществлять КС РФ, вовсе не является основной целью его деятельности.

2. Предназначение КС РФ – обеспечивать соблюдение режима законности, конституционность действующего законодательства, что способствует его надлежащему правоприменению.

3. В идеале непосредственное правовое регулирование общественных отношений, осуществляемое КС РФ, должно носить временный характер, восполняя пробельность законодательства до момента регламентации соответствующего вопроса компетентным правотворческим органом. Между тем КС РФ исправляет правотворческие ошибки посредством ликвидации правовых коллизий и восполнения пробелов в праве, в результате чего его влияние на правотворчество и правоприменение нередко становится решающим.

Пристатейный библиографический список

1. *Выдрин И. В.* Конституционный Суд Российской Федерации и конституционализация юридической науки // Конституционное и муниципальное право. 2015. № 7.
2. *Ибрагимова Ю. Э.* Роль судебных доктрин в установлении и устранении пробелов в законодательстве // Журнал российского права. 2019. № 11.
3. *Пермиловский М. С.* Конституционная ценность как основа судебского усмотрения // Российский судья. 2016. № 3.

4. Жеребцова Е. Е. Судебный конституционный контроль как конституционно-правовой институт. Белгород : Белгородский университет кооперации, экономики и права, 2012.
5. Dobash R. P., Dobash R. E. Women's Violence to Men in Intimate Relationships: Working on a Puzzle // *British Journal of Criminology*. 2004. Vol. 44 (3).
6. Scott K., Straus M. Minimization, Partner Blaming and Intimate Aggression in Dating Partners // *Journal of Interpersonal Violence*. 2007. Vol. 22 (7).
7. Михлин А. С. Смертная казнь: вчера, сегодня, завтра. М., 1997.
8. Милуков С. Ф. Российское уголовное законодательство : опыт критического анализа. СПб. : Знание ; СПбИ-ВЭСЭП, 2000.
9. Shelley L. The Globalization of Crime and Terrorism // *Global Issues*. 2006.
10. Тарибо Е. В. и др. Конституционный Суд Российской Федерации : 30 лет на защите прав граждан. СПб., 2021.
11. Зорькин В. Д. Конституционно-правовое развитие России. М. : НОРМА, 2011.
12. Бондарь Н. С., Джагарян А. А. Конституционный Суд – «больше, чем суд» : его место и роль в судебной системе России // *Судья*. 2017. № 12.
13. Блохин П. Д. Индукция, аналогия, интуиция в конституционно-судебном познании : попытка логико-правового исследования // *Журнал конституционного правосудия*. 2016. № 2.

References

1. Vydrin I. V. The Constitutional Court of the Russian Federation and the Constitutionalization of Legal Science. *Constitutional and Municipal Law*. 2015. No. 7.
2. Ibragimov Iu. E. The Role of Judicial Doctrines in Establishing and Eliminating Gaps in Legislation. *Journal of Russian Law*. 2019. No. 11.
3. Permilovskii M. S. Constitutional Value as the Basis of Judicial Discretion. *Russian Judge*. 2016. No. 3.
4. Zherebtsov E. E. Judicial Constitutional Review as a Constitutional and Legal Institution. Belgorod, 2012.
5. Dobash R. P., Dobash R. E. Women's Violence to Men in Intimate Relationships: Working on a Puzzle. *British Journal of Criminology*. 2004. Vol. 44 (3).
6. Scott K., Straus M. Minimization, Partner Blaming and Intimate Aggression in Dating Partners. *Journal of Interpersonal Violence*. 2007. Vol. 22 (7).
7. Mikhlin A. S. The Death Penalty: Yesterday, Today, Tomorrow. Moscow, 1997.
8. Miliukov S. F. Russian Criminal Legislation: An Experience of Critical Analysis. St. Petersburg: Znanie; St. Petersburg Institute of Foreign Economic Relations, Economics and Law, 2000.
9. Shelley L. The Globalization of Crime and Terrorism. *Global Issues*. 2006.
10. Taribo E. V. et al. The Constitutional Court of the Russian Federation: 30 Years of Protecting the Rights of Citizens. St. Petersburg, 2021.
11. Zorkin V. D. Constitutional and Legal Development of Russia. Moscow: Norma, 2011.
12. Bondar N. S., Dzhangarian A. A. The Constitutional Court Is "More than a Court": Its Place and Role in the Judicial System of Russia. *Judge*. 2017. No. 12.
13. Blokhin P. D. Induction, Analogy, Intuition in Constitutional and Judicial Knowledge: An Attempt at Logical and Legal Research. *Journal of Constitutional Justice*. 2016. No. 2.

ВЛИЯНИЕ УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ НА ИЗМЕНЕНИЯ ПРЕСТУПНОСТИ

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2022-0-2-35-43>

Актуальность работы обусловлена значением, которое отводится уголовным наказаниям в системе предупреждения преступлений. В литературе появляются работы, в которых говорится о кризисе этого старейшего института, связанном с неспособностью наказаний эффективно предупреждать преступность, и о необходимости его замены иными средствами социального контроля. Претензии, предъявляемые к наказанию, весьма серьезны и требуют детального анализа и подтверждения. Предмет исследования – преступность, ее тенденции и изменения, которые она испытывает под влиянием наказаний. Цель работы состоит в том, чтобы на основании анализа статистических данных о преступности и о судимости в Российской Федерации подтвердить или опровергнуть предположения о неэффективности наказаний, выявить наблюдаемые эффекты, которые оказывает наказание на преступность, и определить факторы, которые влияют на эффективность предупредительного воздействия уголовных наказаний. Методология проведенного исследования включает статистический метод, логический метод, контент-анализ средств массовой информации, интервьюирование. В статье разбирается тезис о «кризисе наказаний», его проявлениях. На основе проведенного анализа показано, что имеет место не кризис наказания, а неясность теоретических представлений о тех последствиях, которые влечет применение наказаний для преступности, о ее трансформациях. Общепринятое мнение состоит в том, что наказания удерживают граждан от преступлений. Однако наблюдаемые факты свидетельствуют о том, что результаты воздействия наказаний на преступность более многообразны. Они могут состоять в повышении опасности совершаемых преступлений в тех случаях, когда законодатель чрезмерно ужесточает санкции, либо, наоборот, переходе к совершению административных правонарушений, в изменении форм и методов преступной деятельности с целью снижения вероятности привлечения к уголовной ответственности, переносе преступной деятельности в сеть Интернет и т.д. В ходе анализа не нашла своего подтверждения представленная в литературе точка зрения о неспособности наказаний эффективно противодействовать преступности. Выявлены признаки воздействий, которые оказывают наказания на трансформацию всей преступности. Полученные данные могут быть использованы в правотворческой деятельности для учета возможных нежелательных эффектов от применения наказаний. Признаков «кризиса наказаний», описанных в литературе, в настоящее время не наблюдается, наказания сохраняют свой предупредительный потенциал и остаются важнейшим элементом системы предупреждения преступности. В то же время на этапе криминализации норм, внесения изменений в их санкции необходимо прогнозировать возможные нежелательные эффекты и купировать их с помощью средств криминологической профилактики преступлений. Важнейшим условием эффективности наказаний является уровень раскрываемости преступлений. На примере краж показано, что уровень раскрываемости порядка 30% обеспечивает предупредительное воздействие.

БЫТКО

Сергей Юрьевич

доктор юридических наук,
доцент, профессор кафедры
прокурорского надзора
и криминологии Саратовской
государственной академии права
(г. Саратов)

sergej-bytko@yandex.ru

**Наказание;
кризис наказаний;
эффективность наказания;
предупреждение
преступлений;
тенденции преступности**

Sergey Yu. BYTKO

Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, Professor, Department of Prosecutorial Supervision and Criminology, Saratov State Academy of Law (Saratov)
 sergej-bytko@yandex.ru

THE IMPACT OF CRIMINAL PENALTIES ON CRIME CHANGES

**Punishment;
 punishment crisis;
 punishment effectiveness;
 crime prevention;
 crime trends**

The relevance of the work is due to the importance assigned to criminal penalties in the crime prevention system. There are works in the literature that speak about the crisis of this oldest institution associated with the inability of punishments to effectively prevent crime and the need to replace it with other means of social control. The claims made against punishment are very serious and require detailed analysis and confirmation. The subject of the study is crime, its tendencies and changes that it experiences under the influence of punishments. The purpose of the work is to confirm or refute assumptions about the ineffectiveness of punishments based on the analysis of statistical data on crime and criminal records in the Russian Federation, to identify the observed effects that punishment has on crime and to identify factors that affect the effectiveness of preventive action of criminal penalties. Methodology of the conducted research includes statistical method, logical method, content analysis of mass media, interviewing. The article examines the thesis about the "crisis of punishments", its manifestations. Based on the analysis, it is shown that there is not a crisis of punishment, but the ambiguity of theoretical ideas about the consequences that the use of punishments entails for crime, about its transformations. The generally accepted opinion is that punishment deters citizens from crimes. However, the observed facts indicate that the effects of punishments on crime are more diverse. They may consist in increasing the danger of crimes committed in cases when the legislator excessively toughens sanctions or, conversely, the transition to the commission of administrative offenses, in changing the forms and methods of criminal activity in order to reduce the likelihood of criminal prosecution, transferring criminal activity to the Internet, etc. In the course of the analysis, the point of view presented in the literature about the inability of punishments to effectively counteract crime was not confirmed. The signs of the effects that punishments have on the transformation of all crime are revealed. The data obtained can be used in law-making activities to account for possible undesirable effects from the use of punishments. There are currently no signs of a "crisis of punishments" described in the literature, punishments retain their preventive potential and remain an essential element of the crime prevention system. At the same time, at the stage of criminalization of norms, making changes to their sanctions, it is necessary to predict possible undesirable effects and stop them with the help of criminological crime prevention tools. The most important condition for the effectiveness of punishments is the level of detection of crimes. On the example of thefts, it is shown that the level of disclosure of about 30% provides a preventive effect.

Во время научных мероприятий, посвященных предупреждению преступности, часто можно слышать о кризисе наказания. В специальной литературе этому явлению также уделено значительное внимание. Я. И. Гилинский определяет его как неспособность привычных мер социального контроля с преобладанием негативных, подчас крайне репрессивных, санкций более или менее эффективно влиять на девиантные проявления [1, с. 425].

В соответствии со словарным определением «кризис» (от греч. *krisis* – решение, поворотный пункт, ис-

ход) означает: 1) резкий крутой перелом в чем-либо, тяжелое переходное состояние; 2) острое затруднение с чем-либо, тяжелое положение [2, с. 654].

Таким образом, использование термина «кризис наказания» как бы предполагает, что вначале была ситуация, когда наказание справлялось со своими функциями, затем оно в результате чего-то (чего?) такую способность утратило. Полагаем, что подобный диагноз является весьма серьезным и обязывающим нас к строгому научному анализу кризиса наказания, а также к разработке новых мер, замещающих наказа-

ния и способных восстановить способность государства эффективно реагировать на преступность.

По мнению Я. И. Гилинского, составными элементами кризиса наказания являются: во-первых, повсеместный рост преступности после Второй мировой войны; во-вторых, неэффективность разнообразных способов репрессии, в том числе всех видов смертной казни, что интерпретируется как неэффективность общей превенции; в-третьих, стабильный уровень рецидива во всех странах, свидетельствующий о неэффективности специальной превенции; и наконец, необратимые изменения психики человека после длительного пребывания в местах лишения свободы (свыше пяти-шести лет) [3, с. 28–34].

Прежде чем приступить к критическому анализу представленных выше соображений, сразу оговоримся, что разделяем некоторые из них. Для нас не вызывает сомнений, что наказание несовершенно и необходимо разрабатывать новые меры, позволяющие снижать интенсивность его применения. Не вызывает возражения и тезис о негативном воздействии длительных сроков лишения свободы на психику осужденных, этот факт является общеизвестным [4; 5, с. 70–75; 6, с. 69–76] (впрочем, общеизвестно также, что негативное воздействие на психику оказывает множество самых разнообразных процессов и не только в местах лишения свободы).

Однако ряд других положений, свидетельствующих о кризисе наказания, вызывает несогласие.

Анализ показателей преступности в РФ свидетельствует о наблюдающейся стойкой тенденции к ее снижению начиная с 2006 г. За этот период общее количество преступлений снизилось почти в 2 раза (с 3 855 373 до 2 004 404)¹. Тенденции к снижению демонстрируют практически все виды общеуголовных преступлений, в том числе наиболее опасные посягательства против жизни. Наибольшее количество убийств в РФ было зафиксировано в 2001 г. – 33 583 убийства и покушения на убийство. В 2021 г. их число снизилось до 7332, или почти в 4,6 раза. Аналогичная ситуация имеет место с умышленным причинением тяжкого вреда здоровью, разбойными нападениями, грабежами и кражами.

На общем фоне выделяются отдельные виды преступлений, которые демонстрируют рост: незаконное производство, сбыт или пересылка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также незаконное сбыт или пересылка растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества сбыт

наркотических средств (ст. 228.1 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ)) и мошенничество (ст. 159 УК РФ). О причинах роста этих посягательств поговорим ниже, здесь же отметим, что общие положительные тенденции преступности, которые, несомненно, порождены укреплением государства, его правоохранительной системы и стабилизацией экономики после распада СССР, также связаны и с воздействием уголовных наказаний. Поэтому с учетом этих данных тезис о кризисе наказаний не подтверждается.

В 2021 г. было выявлено 848 320 лиц, совершивших преступления. Из них 255 502 (30,1 %) имели судимости, в том числе 18 681 человек (2,2%) совершили преступления при опасном или особо опасном рецидиве.

В 2006 г., когда был зафиксирован максимальный уровень преступности, было выявлено 1 360 860 лиц, совершивших преступления, из них 316 034 (23,2%) имели судимости, в том числе 14 618 (1,1%) совершили преступления при опасном или особо опасном рецидиве.

Таким образом, удельный вес лиц, имевших судимость, за период с 2006 по 2021 г. вырос с 23,2 до 30,1% (значительная часть таких лиц совершила преступления при рецидиве), а лиц, совершивших преступления при опасном или особо опасном рецидиве, – на 1,1% (с 14 618 до 18 681).

С точки зрения норвежского криминолога Т. Матисена, считавшего стабильный уровень рецидива свидетельством неэффективности наказания [7, с. 151–154], это является свидетельством кризиса наказания.

Между тем уровень рецидива – показатель относительный. В абсолютном же выражении количество лиц, имевших судимости, значительно снизилось – с 316 034 до 255 502 (на 19,2%).

Здесь есть и другой аспект. С ростом удельного веса лиц, имевших судимость, одновременно (таково свойство данного показателя) снижается число лиц, совершивших преступления впервые. То есть за период с 2006 г. их количество снизилось как в абсолютном исчислении – с 1 044 826 до 592 818 (снижение почти в 1,8 раза), так и в относительном – с 77 до 70%.

На наш взгляд, такую ситуацию сложно назвать кризисом. Снижение доли ранее несудимых в массе всех выявленных лиц, по нашему мнению, подлежит однозначной интерпретации как свидетельство достижения цели общей превенции. Можно спорить о темпах этого процесса, но положительные тенденции здесь не подлежат сомнению.

Что касается незначительного роста числа лиц, совершивших преступление при опасном или особо опасном рецидиве, то изменение этого показателя на 1% за 15 лет вряд ли можно охарактеризовать как кризис.

По нашему мнению, приведенные данные говорят о том, что преступность локализуется в небла-

¹ Здесь и далее приводятся статистические данные о состоянии преступности по данным МВД РФ, представленным в статистических сборниках на официальном сайте МВД: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics>.

гополучных слоях населения (маргиналитет, безработные), о чем свидетельствует и высокий удельный вес безработных в массе осужденных. Благополучная часть общества от преступности воздерживается, в том числе под воздействием уголовного наказания.

Что касается неблагоприятного воздействия длительных сроков лишения свободы, то здесь ситуация следующая: в 2020 г., по данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ¹, из общего числа осужденных (530 965 человек) к лишению свободы было осуждено 149 682 (или 28% от общей массы осужденных). Из числа осужденных к лишению свободы 123 765 человек (82,7%) осуждены к наказаниям, не превышающим пяти лет лишения свободы. Таким образом, количество осужденных к срокам лишения свободы, превышающим пять лет, составляет 25 917 человек (17,3% в массе осужденных к лишению свободы и всего лишь 4,9% от всего числа осужденных). Причем лица данной категории осуждены преимущественно за особо опасные посягательства против личности.

Несомненно, значительная часть из осужденных последней группы испытает на себе все «прелести» длительных сроков лишения свободы с негативными последствиями для психики. Однако их общее незначительное количество, на наш взгляд, говорит о том, что ситуация здесь не может характеризоваться как кризисная.

Завершая анализ признаков «кризиса наказаний», хотелось бы остановиться на том, что, говоря о возрастании преступности, криминологи упускают из виду, что в ряду факторов, ее детерминирующих, наказание не играет ведущей роли. Новейшая история России свидетельствует о том, что при сохранении размеров наказаний число преступлений как возрастало, так и снижалось. При этом значительно различается и география преступности. Так, коэффициент преступности в Чеченской республике в 2021 г. составил 208 преступлений на сто тысяч человек, а в Республике Тыва в 10 раз больше – 1917 преступлений на сто тысяч. Очевидно, что такая неравномерность вызвана в первую очередь не практикой назначения наказаний (она более-менее равномерна), а экономической ситуацией в регионах.

Приведенные данные не позволяют нам говорить о кризисе наказания, по крайней мере в тех формах, которые указываются в специальной литературе. Далее хотелось бы обратить внимание на те эмпирические данные, которые свидетельствуют о влиянии наказания на изменения преступности.

Общераспространенное мнение о предупредительном воздействии уголовного наказания состоит в том, что граждане, стремясь избежать неблагоприятных последствий, связанных с наказанием, стремятся избегать совершения преступлений. Однако это точка зрения верна лишь отчасти. В некоторых случаях эффект применения санкций уголовно-правовых норм имеет неожиданный характер, однако в подобных случаях правильнее, на наш взгляд, говорить не о кризисе наказания, а о кризисе наших представлений о наказании, когда реальность расходится с нашими ожиданиями.

В частности, в специальной литературе описан эффект установления смертной казни за изнасилование при особо отягчающих обстоятельствах. Как указывает И. Л. Петрухин, к снижению числа изнасилований это не привело, но при этом возросло число убийств, сопряженных с изнасилованиями, так как преступники стремились лишить жизни своих жертв, чтобы те не могли дать против них показания [8, с. 4–11]. М. Д. Давитадзе и Е. И. Калинина отмечают, что установление смертной казни за изнасилование не защищало жертву, а наоборот, подвергало ее жизнь большей опасности, так как преступники, боясь разоблачения, легче шли на убийство жертвы, поскольку и за убийство при изнасиловании (ст. 102 Уголовного кодекса РСФСР), и за изнасилование без убийства им грозила смертная казнь [9, с. 77–82].

Другой эффект наказаний связан с наблюдаемым переходом преступников от совершения уголовно-наказуемых к административно-наказуемым деяниям. Такая ситуация складывается с кражами и отдельными видами мошенничеств. Лица, совершающие серийно административные хищения, предусмотренные ст. 7.27 Кодекса РФ об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) (например, систематические мелкие кражи из супермаркетов), прекрасно осведомлены о предельно допустимом размере похищенного по ст. 7.27 КоАП РФ и условиях привлечения к уголовной ответственности и планируют к краже вещи в пределах этой суммы. Как правило, речь идет о конфетах, шоколаде, кофе, алкоголе, предметах одежды. Мошенники также приходят к подобным видам преступлений с причинением незначительного ущерба (примером подобного рода являются мошенничества, при которых преступники получают в качестве предоплаты с жертв денежные переводы на незначительные суммы, такие как разовая поездка на сервисе «Блаблакар»). Лишь незначительная часть из тех, кто ранее совершал мелкие хищения, привлекается к уголовной ответственности по ст. 158.1 УК РФ, как правило, это происходит в силу невнимательности.

Из таблицы 1 и из графика на рисунке 1 видно, что снижение числа осужденных по ч. 1 ст. 158.1 компенсируется их увеличением по ст. 158.1 УК РФ.

¹ Здесь и далее сведения о количестве осужденных приводятся по отчетам Судебного департамента при Верховном Суде РФ о состоянии судимости в России: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79>.

Таблица 1.
Количество осужденных по ч. 1 ст. 158 и ст. 158.1 УК РФ за 2016–2020 гг.

Ст. УК РФ/год	2016	2017	2018	2019	2020
Ч. 1 ст. 158	55 820	44 165	41 902	37 107	34 396
158.1		1258	3648	5033	5773

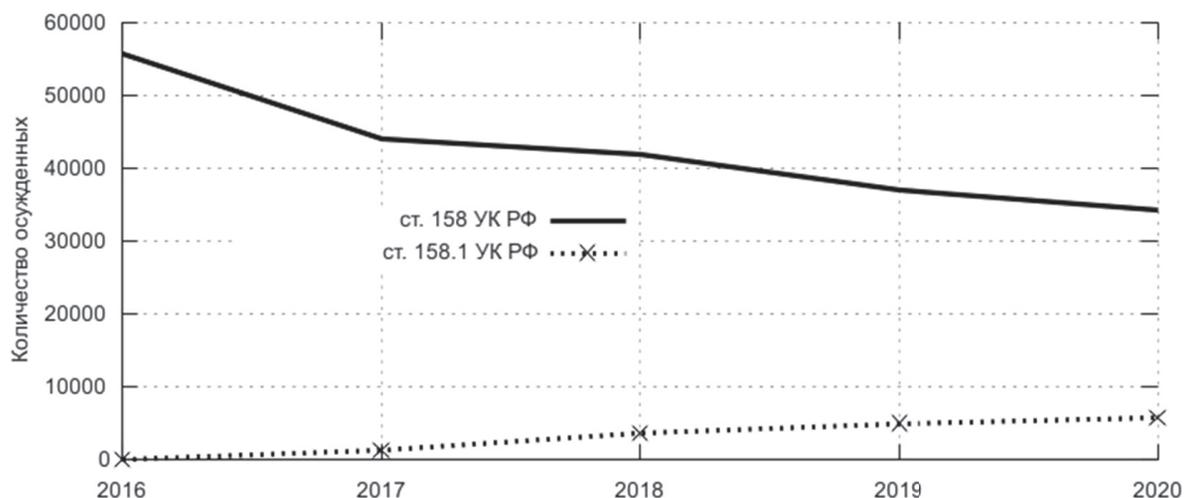

Рис. 1.
Количество осужденных по ч. 1 ст. 158 и ст. 158.1 УК РФ

Санкции, предусмотренные ч. 1 ст. 158 и ст. 158.1 УК РФ, сопоставимы и предусматривают соответственно максимальное наказание до двух и одного года лишения свободы. При этом динамика этих видов преступлений разнонаправленная. На наш взгляд, наблюдаемое поведение графика на рис. 1 можно интерпретировать как своеобразный «переток» преступников и сферы действия уголовного права в сферу административно-правового воздействия. Ключевым фактором, стимулирующим это поведение, на наш взгляд, является значительно меньший риск привлечения к уголовной ответственности за мелкое хищение. В ходе интервьюирования задержанных по ст. 7.27 КоАП РФ, проведенного сотрудниками полиции по просьбе автора, установлено, что одно задержание приходится примерно на 30 мелких хищений.

В свою очередь, вероятность привлечения к уголовной ответственности за кражу по ст. 158 УК РФ значительно выше. По данным МВД РФ, раскрываемость краж составляет 35,3%. Поскольку количество краж снижается, мы можем говорить о том, что вероятность привлечения к ответственности, составляющая 30%, оказывает предупредительное воздействие на лиц, склонных к совершению таких преступлений,

даже при минимально предусмотренных сроках лишения свободы.

Данный вывод позволяет предполагать возможность дальнейшего плавного снижения предусмотренных наказаний в виде лишения свободы за ненадлежащие корыстные посяательства.

Другое направление трансформации – наблюдаемый прямо в настоящее время перенос преступной деятельности в сеть Интернет (таблица 2). В статистических отчетах МВД РФ начиная с 2019 г. появился раздел «Преступления, совершенные с использованием информационно-телекоммуникационных технологий». Данная группа преступлений частично пересекается с преступлениями, совершаемыми в сети Интернет. Наиболее активна деятельность в сети мошенников. При этом в эту группу входят преступления, совершаемые на различных сайтах продаж (авито, юла), «телефонные» мошенничества с использованием средств интернет-телефонии, когда преступники методами социальной инженерии добиваются от жертв перевода денег со своих счетов на счета мошенников и ряд других.

Мошенники активно модернизируют свою деятельность, учитывая негативный предыдущий опыт – как

свой, так и «коллег» по преступному бизнесу. В литературе приводится пример уголовного дела, возбужденного по ст. 159 УК РФ в отношении организованной преступной группы мошенников. Руководитель группы ранее отбывал наказание за телефонное мошенничество. После освобождения он вернулся к своей преступной деятельности, однако во многом ее усовершенствовал с тем, чтобы снизить риск задержания. В частности, он собрал организованную группу лиц, которых обучил приемам обмана, принял меры конспирации. Так, чтобы не допустить задержания, он регулярно снимал по объявлениям новые помещения, в которых размещал колл-центр, причем делал это на короткое время, рассчитывая, что оперативники не смогут застать его с поличным [10, с. 52].

Сходные мотивы определяют и перенос в сеть преступлений, связанных со сбытом наркотиков. В настоящее время основным способом сбыта наркотиков розничным потребителям выступает организация закладок. При этом получения предоплаты каким-либо образом, преступники делают закладку с наркотиками и уведомляют клиента о месте ее нахождения лишь после того, как удалятся на безопасное расстояние от нее. Риск задержания с поличным при таком способе сбыта существенно снижается, так как даже при установлении контроля за электронными сообщениями потребителей наркотиков сотрудники правоохранительных органов не имеют информации о месте и времени совершения преступления.

Совершенно ясно, что мотивы преступников, осуществляющих перенос преступной деятельности в сеть, определяются не только вероятностью привлечения к уголовной ответственности, но и рядом других соображений, однако снижение рисков в этом ряду, по всей видимости, является доминирующим фактором.

Таблица 2.

Количество зарегистрированных преступлений, совершенных с использованием информационно-коммуникационных технологий, за 2019–2021 гг.

Ст. УК РФ/год	2019	2020	2021
228.1	24 677	47 060	51 444
158	98 798	173 416	156 792
159	119 903	210 493	238 560
Всего ИКТ	294 409	510 396	517 722

В пользу такого вывода свидетельствует раскрываемость мошенничеств и краж. Для краж, совершенных с использованием информационно-коммуникационных технологий, этот показатель составляет 26,8%, а для мошенничеств, совершаемых с использованием таких технологий, – всего 8%. Для сравнения: раскры-

ваемость обычных мошенничеств составляет около 57%¹. Еще одно соображение состоит в том, что мошенники по своим интеллектуальным качествам, кругозору, образованию, как правило, превосходят лиц, совершающих кражи. Поэтому они в целом лучше осведомлены и об уголовно-правовых последствиях совершаемых ими преступлений. Поэтому вывод из текущей статистики только один – вероятность осуждения за мошенничества в Интернете оценивается преступниками как пренебрежимо незначительная и не является сдерживающим фактором. Неслучайно низкая раскрываемость преступлений, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий, коррелирует с уровнем таких преступлений (таблица 3). В тех случаях, когда раскрываемость приближается к 30%, как в случае с кражами, имеет место снижение удельного веса таких посягательств. Если раскрываемость ниже, их число возрастает.

Таблица 3.

Удельный вес зарегистрированных краж и мошенничеств, совершенных с использованием информационно-коммуникационных технологий, в массе соответствующих преступлений

Ст. УК РФ/год	2019	2020	2021
158	12,7	23,1	21,3
159	54,7	72,3	76,7
Всего преступлений с использованием информационно-коммуникационных технологий	14,5	25	25,8

С учетом того, что мошенники по своим интеллектуальным качествам, кругозору, образованию, превосходят лиц, совершающих кражи, то и о предусмотренных за свои деяния наказаниях они осведомлены лучше. Поэтому вывод из текущей статистики только один: вероятность осуждения за мошенничества в Интернете пренебрежимо мала и не является сдерживающим фактором.

Еще одним направлением трансформации преступности под влиянием наказания является распространение конспиративных способов совершения преступления. В их числе следует назвать использование криптографических программ и аппаратуры для передачи информации, использование криптовалюты при расчетах или при передаче предмета взятки. Типичным примером таких «инноваций» является распространяющийся способ получения взятки биткойнами [11].

¹ Данный показатель вычислен нами на основании статистических данных МВД РФ.

Перечисленные выше (а возможно, и другие) формы трансформации преступности под влиянием уголовных наказаний позволяют нам восполнить представления о механизме предупредительного воздействия уголовного наказания и назвать основные факторы его эффективности. Основным из них является вероятность привлечения к уголовной ответственности (вероятность раскрытия преступления). По приведенным в данной работе оценкам, предупредительный эффект наблюдается при уровне раскрываемости преступлений около 30%. Подтвержденный еще раз вывод о том, что лучшим средством предупреждения является неотвратимость наказаний, далеко не нов. Однако о нем почему-то забывают, критикуя уголовное наказание за неспособность предотвращать преступления. Угроза, не подкреплённая реальным воздействием, как известно, не действует. То же самое происходит с наказаниями за преступления с низким уровнем раскрываемости.

Кроме того, как нам представляется, важным фактором эффективности предупредительного воздействия уголовного наказания выступает успешность мер криминологического предупреждения, при котором для преступников отсекаются или становятся труднодоступными способы снижения рисков привлечения к уголовной ответственности. В подтверждение этого тезиса укажем, что значительная часть мошенничеств совершается, как это стало ясным после начала специальной операции на Украине, с территории этой страны [12]. Это подтверждают при личном общении и сотрудники правоохранительных органов. Также в новостных телеграм-каналах проходила информация о причастности к мошенническим действиям кадровых сотрудников СБУ Украины. Дополнительные подтверждения получила информация и о том, что украинской стороной курировались и другие направления преступной деятельности: популяризация скулшутинга, вовлечение несовершеннолетних в экстремистские объединения типа «МКУ» («Маньяки: культ убийств»). Также проходили информационные сообщения о прекращении деятельности некоторых интернет-магазинов, продававших наркотики, и о повышении цен на отдельные виды наркотиков в приграничных с Украиной областях.

Важное значение для раскрытия предупредительного потенциала наказания имеет процессуальное его обеспечение, возможность корректного доказывания

вины, качество юридических формулировок в диспозиции статьи Особенной части УК РФ. Так, после установления в 2019 г. уголовной ответственности за занятие высшего положения в преступной иерархии (ст. 210.1 УК РФ) до настоящего времени нет вступивших в силу приговоров с привлечением виновных к уголовной ответственности. По крайней мере на момент написания этого материала в отчетах Судебного департамента при Верховном Суде РФ сведений об осужденных по этой статье не имелось. На наш взгляд, трудная судьба ст. 210.1 УК РФ связана с неточными формулировками, затрудняющими квалификацию, и вытекающими из этого проблемами доказывания вины. По вынесенному и не вступившему в законную силу приговору Московского городского суда по ст. 210.1 УК РФ в обсуждениях юристов возникает множество вопросов, на которые удовлетворительного ответа пока не найдено. Например, могут ли определенные татуировки на теле свидетельствовать о занятии высшего положения в преступной иерархии; в какой степени можно обосновывать обвинение на содержании так называемых воровских прогонов; как устанавливать подлинность последних и т.д.? [13]

Несмотря на отсутствие практики, многие воры в законе, как отмечается в СМИ, покидают страну, опасаясь привлечения к уголовной ответственности по ст. 210.1 УК РФ [14]. Поэтому можно заключить, что даже такая несовершеннолетняя норма обладает предупредительным потенциалом и меняет поведение потенциальных субъектов.

На основании вышеизложенного можно сделать ряд выводов. Во-первых, рассуждения о кризисе наказаний и его признаках не подтверждаются уголовной статистикой. Наказание продолжает оставаться действенным средством предупреждения преступности. Во-вторых, применение уголовных наказаний может вызывать как желаемые эффекты в виде предупреждения преступлений, так и нежелательные, которые должны прогнозироваться на этапе криминализации соответствующих деяний. В-третьих, для реализации предупредительного потенциала уголовных наказаний необходимо наличие ряда условий, в том числе качественные формулировки диспозиции, позволяющие корректно доказывать вину, высокий уровень раскрываемости, наличие мер криминологического предупреждения, не позволяющих преступникам снижать вероятность привлечения к уголовной ответственности.

Пристатейный библиографический список

1. *Гилинский Я. И.* Девиантология : социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». СПб. : Юридический центр Пресс, 2004.
2. Большой энциклопедический словарь / под ред. М. А. Прохорова. М. : Сов. энциклопедия, 1984.
3. *Гилинский Я. И.* «Кризис наказания» в России : проблемы и перспективы // Криминология : вчера, сегодня, завтра. 2003. № 1.
4. *Штефан Е. Ф.* Агрессивное поведение осужденных мужского пола с длительными сроками лишения свободы и пути его коррекции : монография. Вологда : ВИПЭ ФСИН России, 2013.
5. *Рогач В. Г.* Психология переживаний у осужденных к длительным срокам лишения свободы на разных этапах отбытия наказания // Вестник института : преступление, наказание, исправление. 2014. № 4.
6. *Минстер М. В.* Пенитенциарный стресс у женщин и его отрицательное воздействие на процесс исправления // Вестник Кузбасского института. 2019. № 2 (39).
7. *Емельянов И. Л.* Наказание : новые подходы к понятию и классификации // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2012. № 12 (127).
8. *Петрухин И. Л.* Еще раз о смертной казни // Юридический мир. 2002. № 4.
9. *Давитадзе М. Д., Калинин Е. И.* История становления и развития законодательства России об ответственности за изнасилования // Вестник московского университета МВД России. 2015. № 1.
10. *Шатилов А. В.* Особенности криминологической характеристики и предупреждения мошенничества, совершаемого организованными преступными формированиями : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2019.
11. У осужденных за вымогательство взятки следователей ФСБ конфискуют биткоины // Lenta.ru : сайт. URL: <https://lenta.ru/news/2021/02/26/bitt/> (дата обращения: 11.04.2022).
12. *Деменьева К., Пославская Ю., Степанова Ю.* Социальные инженеры в осаде // Коммерсантъ : сайт. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5238838> (дата обращения: 11.04.2022).
13. *Скобликов П.* Бесконечно виноватые. 1-й приговор по обвинению в занятии высшего положения в преступной иерархии и его последствия // Закон.ру : сайт. URL: https://zakon.ru/blog/2020/10/12/beskonechno_vinovaty_1-j_prigovor_po_obvineniyu_v_zanyatii_vysshego_polozheniya_v_prestupnoj_ierarh (дата обращения: 12.04.2022).
14. «Время легендарных воров в законе прошло». В России идет охота на криминальных авторитетов. Эта борьба изменила преступный мир // Lenta.ru : сайт. URL: <https://lenta.ru/articles/2021/01/03/vvz/> (дата обращения: 12.04.2022).

References

1. *Gilinskii Ia. I.* Deviantology: Sociology of Crime, Drug Addiction, Prostitution, Suicide and Other "Deviations". St. Petersburg: Iuridicheskii tseentr Press, 2004.
2. *Prokhorov M. A. (ed.)*. The Great Encyclopedic Dictionary. Moscow: Sovetskaia entsiklopediia, 1984.
3. *Gilinskii Ia. I.* "The Crisis of Punishment" in Russia: Problems and Prospects. *Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2003. No. 1.
4. *Stefan E. F.* Aggressive Behavior of Male Convicts with Long Terms of Imprisonment and Ways of its Correction: Monograph. Vologda: Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia Publ., 2013.
5. *Rogach V. G.* Psychology of Experiences of Those Sentenced to Long Terms of Imprisonment at Different Stages of Serving Their Sentence. *Bulletin of the Institute: Crime, Punishment, Correction*. 2014. No. 4.
6. *Minster M. V.* Penitentiary Stress in Women and its Negative Impact on the Correction Process. *Bulletin of the Kuzbass Institute*. 2019. No. 2 (39).
7. *Emelianov I. L.* Punishment: New Approaches to the Concept and Classification. *Bulletin of Tomsk State Pedagogical University*. 2012. No. 12 (127).
8. *Petrukhin I. L.* Once Again About the Death Penalty. *Legal World*. 2002. No. 4.
9. *Davitadze M. D., Kalinina E. I.* The History of the Formation and Development of Russian Legislation on Responsibility for Rape. *Bulletin of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2015. No. 1.
10. *Shatilov A. V.* Features of Criminological Characteristics and Prevention of Fraud Committed by Organized Criminal Formations: Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Saratov, 2019.
11. Bitcoins Are Confiscated from FSB Investigators Convicted of Extortion of Bribes. URL: <https://lenta.ru/news/2021/02/26/bitt/> (date of the application: 11.04.2022).

12. *Demenieva K., Poslavskaja Iu., Stepanova Iu.* Social Engineers Under Siege. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5238838> (date of the application: 11.04.2022).
13. *Skoblikov P.* Infinitely Guilty. The First Sentence on Charges of Occupying the Highest Position in the Criminal Hierarchy and its Consequences. URL: https://zakon.ru/blog/2020/10/12/beskonechno_vinovatye_1-j_prigovor_po_obviniyu_v_zanyatii_vysshego_polozeniya_v_prestupnoj_ierarh (date of the application: 12.04.2022).
14. "The Time of the Legendary Thieves in Law Has Passed". In Russia There Is a Hunt for Criminal Authorities. This Struggle Has Changed the Criminal World. URL: <https://lenta.ru/articles/2021/01/03/vvz/> (date of the application: 12.04.2022).

СОВРЕМЕННАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ В СФЕРЕ НАКАЗАНИЯ: ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2022-0-2-44-49>

Несмотря на многочисленные научные исследования, посвященные институту уголовного наказания, которые были концептуально оформлены уже в XIX в., в настоящее время нет единства мнений в научной среде относительно понятия и содержания наказания, его целей и задач, что актуализирует изучение данного вопроса. Высокий уровень рецидивной преступности в стране, неблагоприятная эпидемиологическая обстановка в местах лишения свободы, необходимость обеспечения пенитенциарной безопасности, а также экономии бюджетных средств, затрачиваемых на процесс исполнения наказаний, обуславливают поиск эффективного решения проблем с учетом анализа современной политики России в сфере наказания. Критерию новизны отвечают выводы и предложения автора. Предметом исследования являются научные и нормативные источники по рассматриваемым вопросам, а также статистические данные ФСИН России. Цель данного исследования заключается в анализе современных направлений уголовно-исполнительной политики России с учетом нормативных правовых актов, международных стандартов, эмпирического материала. Методологическую основу исследования составляет диалектический подход к изучению социально-правовых процессов и явлений, определяющих основные направления современной российской политики в сфере наказания. В целях получения достоверных и научно-обоснованных результатов комплексно применялись формально-юридический, историко-правовой, сравнительно-правовой, логический, системный, статистический методы исследования. С авторских позиций проведен анализ норм международных актов, уголовного и уголовно-исполнительного законодательства РФ, сделан вывод о том, что наказание в виде лишения свободы с учетом его отрицательных эффектов нельзя рассматривать в качестве универсального средства борьбы с преступностью, обосновывается необходимость расширения применения наказаний и иных мер уголовно-правового характера без изоляции осужденных от общества, раскрывается понятие альтернатив лишения свободы, а также содержание уголовного наказания и его целей. По мнению автора, международное сотрудничество в уголовно-исполнительной сфере направлено на решение правовых вопросов, что отвечает национальным интересам, и не должно подлежать политической конъюнктуре.

БОРСУЧЕНКО

Светлана Алексеевна

кандидат юридических наук,
доцент, доцент кафедры
уголовного права и криминологии
Всероссийского государственного
университета юстиции
(РПА Минюста России) (г. Москва)
bca38@mail.ru

**Уголовная политика;
закон;
международные акты;
суд;
уголовное наказание;
преступность;
осужденные;
исправительные учреждения**

Svetlana A. BORSUCHENKO

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor, Department
of Criminal Law and Criminology,
All-Russian State University
of Justice (Moscow)
bca38@mail.ru

**MODERN RUSSIAN POLICY IN THE SPHERE
OF PUNISHMENT: TRENDS AND PROSPECTS**

Despite numerous scientific studies devoted to the institute of criminal punishment, which were conceptualized already in the 19th century, there is currently no consensus in the scientific community regarding the concept and content of punishment, its goals and objectives, which actualizes the study of this issue. The high level of recidivism in the country, the unfavorable epidemiological situation in places of deprivation of liberty, the need to ensure penitentiary security, as well as budget savings spent on the process of execution of sentences, determine

Criminal policy; law; international acts; court; criminal punishment; crime; convicts; prisons *the search for effective solutions to problems, taking into account the analysis of modern Russian policy in the field of punishment. The subject of the study is scientific and regulatory sources on the issues under consideration, as well as statistical data of the Federal Penitentiary Service of Russia. The purpose of this study is to analyze the current trends of Russia's penal enforcement policy, taking into account regulatory legal acts, international standards, and empirical material. The methodological basis of the research is a dialectical approach to the study of socio-legal processes and phenomena that determine the main directions of modern Russian policy in the field of punishment. Formal-legal, historical-legal, comparative-legal, logical, systematic, statistical research methods were used in a comprehensive manner in order to obtain reliable and scientifically-based results. From the author's point of view, the analysis of the norms of international acts, criminal and penal enforcement legislation of the Russian Federation is carried out, it is concluded that the punishment in the form of imprisonment, taking into account its negative effects, cannot be considered as a universal means of combating crime, the need to expand the use of punishments and other measures of a criminal nature without isolating convicts from the concept of alternatives to deprivation of liberty, as well as the content of criminal punishment and its goals are revealed. According to the author, international cooperation in the penal enforcement sphere is aimed at solving legal issues, which meets national interests, and should not be subject to political conjuncture.*

Накопленный человечеством научный опыт, подтвержденный многочисленными эмпирическими данными, позволяет утверждать, что уголовное наказание, и в первую очередь лишение свободы, не обеспечивает безопасность общества путем снижения уровня преступности, а, наоборот, способствует ее увеличению за счет высокого уровня постпенитенциарного рецидива и криминализации социума. Так, еще профессор Франс фон Лист, отмечал, что тюрьмы представляют собой фабрики по воспроизводству преступности. Само наказание не единственное и даже не самое совершенное средство в борьбе с преступностью, первостепенными должны быть меры воздействия на политическую почву и общественную среду, подчеркивал ученый. Именно предупреждение преступления, по мнению Ф. Листа, является более совершенным средством, чем наказание. Борьба с преступностью должна быть поставлена в зависимость от каждого отдельного случая, а система наказания должна носить гибкий характер [1, с. 36–37].

Задачи уголовной политики, сформулированные авторитетным криминологом, остаются актуальными и требуют в современных условиях практической реализации. Порядок назначения наказания и процесс его исполнения должны строиться с учетом принципов дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности, экономии уголовной репрессии, дифференциации и индивидуализации исполнения наказания, заложенных в уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве РФ (ст. 60, 75–76.2,

78–85 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ), ст. 9, 78, 87, 109, 110, 113, 115 Уголовно-исполнительного кодекса РФ (далее – УИК РФ) и др.). Система мер воздействия на преступность должна выстраиваться исходя из понимания преступления как социально-патологического явления.

Очевидно, что отрицательные последствия изоляции не позволяют рассматривать наказание в виде лишения свободы в качестве универсального средства борьбы с преступностью, поскольку оно не способствует исправлению осужденных и предупреждению совершения новых преступлений. Учитывая это, Международные стандарты по обращению с осужденными ориентируют национальные системы правосудия на расширение применения наказаний и иных мер без изоляции от общества.

Так, Европейские пенитенциарные правила 2006 г. (Рекомендация № Rec (2006) 2 Комитета министров Совета Европы, принятая 11 января 2006 г. на 952-м заседании представителей министров) указывают на то, что тюремное заключение должно применяться только в качестве исключительной меры и в соответствии с предписанными законом процедурами [2].

Минимальные стандартные правила ООН в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийские правила), принятые 14 декабря 1990 г. резолюцией 45/11025 Генеральной ассамблеи ООН, подчеркивают, что альтернативы лишению свободы могут быть эффективными средствами обращения с осужденными в обществе в интересах как самого общества, так и виновных лиц [3, с. 221–229].

Токийские правила ООН базируются на принципе широкого использования «альтернатив» в правоприменительной практике государств, поскольку этому не препятствует разница правовых культур и традиций.

Аналогом таких правил для европейских государств стала Рекомендация № Rec (92) 16 Комитета министров Совета Европы относительно Европейских правил по применению общественных санкций и мер взыскания 1992 г. Европейские правила под «альтернативными наказаниями» понимают санкции и меры, при которых осужденный остается в обществе с некоторыми ограничениями свободы путем установления условий и (или) обязанностей, которые исполняются уполномоченным государственным органом [4, с. 123–124].

Согласно п. 17.1 Пекинских правил, принятых 10 декабря 1985 г. резолюцией 40/33 Генеральной ассамблеи ООН, в отношении несовершеннолетних преступников при выборе мер воздействия суд должен руководствоваться следующими принципами:

а) меры воздействия должны не только быть соразмерны обстоятельствам и тяжести совершенного деяния, но и отвечать потребностям самого несовершеннолетнего лица, а также интересам общества;

б) решение об ограничении свободы несовершеннолетнего правонарушителя должно приниматься судом только после всестороннего рассмотрения этого вопроса и по возможности срок ограничения свободы должен быть минимальным;

в) несовершеннолетнего осужденного следует лишать личной свободы, только если он признан виновным в совершении тяжкого преступления с применением насилия или совершил их неоднократно, а также в отсутствие другой альтернативной меры воздействия;

г) при рассмотрении дела несовершеннолетнего правонарушителя вопрос о его благополучии должен являться основополагающим [5].

В целях сокращения применения наказания в виде лишения свободы суд должен располагать широким комплексом альтернативных мер воздействия. К таким мерам, которые могут при назначении комбинироваться, относятся:

- постановления об опеке, руководстве и надзоре;
- пробация;
- общественные работы;
- штраф, компенсация и реституция;
- постановления о принятии промежуточных и других мер;
- постановления об участии в групповой психотерапии, психологических тренингах и других коррекционных мероприятиях;
- постановления, касающиеся передачи на воспитание, места проживания или других воспитательных мер.

Данный перечень является открытым, могут применяться и иные меры воздействия (п. 18.1 Пекинских правил).

В 2010 г. Генеральная ассамблея ООН приняла первый международный правовой документ, касающийся обращения с женщинами-заклученными и мер наказания для женщин-правонарушителей, не связанных с лишением свободы, – Бангкокские правила (резолюция 65/229 Генеральной ассамблеи ООН от 21 декабря 2010 г.) [6].

Бангкокские правила не заменяют Токийские правила ООН, которые также в полной мере применяются к женщинам-правонарушителям. Принятие данного документа было вызвано необходимостью привлечения внимания к положению осужденных женщин, к вопросам обращения с ними, учитывая психофизиологические особенности и особые потребности.

Рекомендация № Rec (2010) 1 Комитета министров Совета Европы «О Европейских правилах пробации», принятая 20 января 2010 г. на 1075-м заседании заместителей министров, содержит определение альтернативных наказаний и мер, под которыми понимается любое наказание, назначенное судом, или мера, назначенная до или вместо применения уголовного наказания, а также исполнение приговора к тюремному заключению вне пенитенциарного учреждения [7].

В соответствии с данными Правилами служба пробации должна вносить вклад в справедливое уголовное правосудие, а также обеспечивать безопасность общества путем предупреждения и сокращения преступности, в том числе постпенитенциарной.

Таким образом, принципы и рекомендации по применению альтернативных санкций и мер взыскания сформулированы как на универсальном, так и на региональном (европейском) уровне. Они также содержатся в Рекомендации Комитета министров Совета Европы о персонале, исполняющем альтернативные санкции и меры взыскания (1997 г.), Рекомендации Комитета министров Совета Европы в отношении медиации в уголовно-правовой сфере (1999 г.), Рекомендации Комитета министров Совета Европы о совершенствовании применения Европейских правил по применению общественных санкций и мер взыскания (2000 г.), Рекомендации Комитета министров Совета Европы об условном освобождении (2003 г.).

В зарубежной доктрине под альтернативными мерами в уголовном праве понимаются «все виды ответной реакции на поступки, запрещенные уголовным законодательством, которые не связаны с лишением свободы». На практике содержание института альтернативных наказаний включает уголовно-правовые меры воздействия на осужденного, а также различные программы замены тюремного заключения

альтернативными видами на разных этапах его отбывания [8, с. 581–593].

В современном обществе с учетом социально-экономических преимуществ и правовых приоритетов альтернативы тюремному заключению необходимо рассматривать в качестве основных мер, применяемых к преступникам. К лишению свободы следует прибегать только в исключительных случаях, когда это отвечает интересам потерпевшего, безопасности общества и процессу ресоциализации самого осужденного. В пользу наказаний и иных мер уголовно-правового характера без изоляции от общества свидетельствует отсутствие негативных последствий изоляции, присущих лишению свободы, которые требуют серьезной психокоррекции личности осужденного, подготовки к освобождению, социализации и социальной адаптации, а также сохранение социально-полезных связей осужденного как фактора, снижающего риск рецидива. Существует реальная возможность компенсации вреда, причиненного деянием, потерпевшему, обществу и государству, значительная экономия бюджетных средств, выделяемых на процесс их исполнения. Выводы отдельных авторов по вопросам относительно необходимости искать альтернативу тюремному заключению подтверждают актуальность и своевременность приведенных нами утверждений [9; 10, с. 57–62].

Являясь составной частью российской правовой системы, международные стандарты служат ориентиром для ее дальнейшего совершенствования в части, касающейся судебной практики, правового регулирования назначения и исполнения наказаний, а также деятельности учреждений и органов, исполняющих наказания.

Необходимо учитывать то, что проблемы, связанные с исполнением наказаний, имеют универсальный характер и лишены национальных особенностей, в связи с чем подлежат осмыслению и решению любым государством, независимо от уровня его политического, экономического и социального развития [11, с. 27].

Международное сотрудничество в уголовно-исполнительной сфере имеет давние традиции; его началом послужило проведение международных тюремных конгрессов с 1846 г., на которых обсуждались лучшие зарубежные практики. Очевидно, что такое сотрудничество направлено на решение правовых вопросов и не должно зависеть от политической конъюнктуры.

Следует отметить, что в результате проводимой государственной политики России, расширяющей возможности применения альтернативных уголовных наказаний и иных мер, не связанных с изоляцией осужденных от общества, численность лиц, содержащихся в исправительных учреждениях, продолжает последовательно снижаться.

Так, по состоянию на 1 января 2021 г. в исправительных учреждениях и следственных изоляторах содержалось 482,9 тыс. осужденных, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, что на 381,1 тыс. человек меньше, чем за аналогичный период 2010 г. [12, с. 4].

По данным ФСИН России, на 1 марта 2022 г. в учреждениях уголовно-исполнительной системы содержится 466 581 человек, в том числе:

- в 204 следственных изоляторах и 75 помещениях, функционирующих в режиме следственного изолятора, 113 080 подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений;

- в 642 исправительных колониях отбывает наказание в виде лишения свободы 351 310 осужденных, из них:

- в 97 колониях-поселениях – 27 736 осужденных;

- в 18 воспитательных колониях – 821 осужденный;

- в восьми тюрьмах – 1370 осужденных;

- в шести специализированных колониях особого режима для осужденных к пожизненному лишению свободы – 1937 человек.

В колониях-поселениях, колониях общего режима, лечебных исправительных учреждениях, воспитательных колониях отбывает наказание в виде лишения свободы 28 302 осужденных женщины. При женских колониях созданы 13 домов ребенка, в которых проживает 337 детей в возрасте до трех лет.

Однако, несмотря на положительные тенденции, больше половины осужденных мужчин отбывают лишение свободы два, три и более раз.

Принудительные работы исполняют 10 566 осужденных.

На учете в уголовно-исполнительных инспекциях состоят 489 403 человека, осужденных к наказаниям без изоляции от общества, 28 079 освобожденных условно-досрочно, 7697 человек, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, находящихся под домашним арестом, 4468 – запретом определенных действий, 61 – залогом с обязанностью по соблюдению запретов, предусмотренных ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ.

Следует отметить, что рецидив среди осужденных к наказаниям и мерам уголовно-правового характера без изоляции от общества значительно ниже, повторные преступления совершили около 16 тыс. человек [13].

Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года в качестве основных направлений определила совершенствование уголовно-исполнительной политики в целях ее гуманизации, включая нормативно-правовое регулирование, а также создание и развитие в РФ эффективной системы пробации.

В связи с созданием системы пробации предполагается, что количество осужденных, содержащих-

ся в исправительных учреждениях, к 2030 г. снизится за счет снижения рецидива преступлений посредством социализации этих лиц (от 250 тыс. человек до 300 тыс. человек).

К 2024 г. планируется кратное увеличение осужденных к принудительным работам за счет замены наказания в виде лишения свободы.

В целях расширения практики привлечения к труду этой категории осужденных предполагается участие бизнес-сообщества в их трудоустройстве на предприятиях, строительстве крупных объектов, работах по очистке территории Арктической зоны РФ от загрязнения.

Полагаем, что в современных правовых реалиях уголовное наказание следует рассматривать не в качестве универсального превентивного средства, а как реакцию государства на совершение противоправного деяния, поскольку потенциал наказания ограничен и не способен влиять на причины совершения преступления, а также являться сдерживающим (устрашающим) механизмом для преступного поведения. Эффективность наказания с точки зрения достижения целей, закрепленных законодателем в ч. 2 ст. 43 УК РФ, во многом зависит от организации его процесса. Такая цель наказания, как исправление осужденного, имеет сложный критерий оценки и сводится к несовершению им повторного преступления. Само исправление включает процесс ресоциализации и социальной адаптации осужденного, что должно быть отражено в ч. 1 ст. 9 УИК РФ.

Наказание, помимо лишения или ограничения прав и свобод виновного лица, должно предусматри-

вать: компенсаторность (возмещение вреда потерпевшему, обществу, государству), коррекцию поведения осужденного, направленную на нивелирование тех проблем, которые привели к совершению преступления, и социальное сопровождение (оказание помощи в решении трудовых, жилищно-бытовых и иных социальных вопросов с учетом сложной жизненной ситуации). У осужденного после освобождения должны быть реальные перспективы социальной реинтеграции, поскольку от решения этой задачи зависит безопасность общества. Именно реинтеграцию осужденного в общество (его социальную реабилитацию) необходимо закрепить в Уголовном законе в качестве основной цели наказания.

Признавая карательную деятельность государства в целом институтом целесообразным, профессор Н. С. Таганцев отмечал, что «каждая карательная мера в отдельности, каждый род и вид наказания должны служить общей цели: всякое наказание, не удовлетворяющее цели охраны правопорядка, а тем более прямо противоречащее ей, является не только лишним балластом в общей экономике карательной деятельности, но и прямо вредным элементом, или лишая правовой порядок действительной охраны, или причиняя ненужное страдание лицам, подпадающим под кару закона» [14, с. 210].

Таким образом, личный характер наказания должен отвечать интересам охраны правопорядка путем снижения уровня преступности, а его карательный потенциал не должен преследовать цели возмездия, подчиняясь «общему благу».

Пристатейный библиографический список

1. Лист Ф. Задачи уголовной политики. Преступление как социально-патологическое явление. М. : ИНФРА-М, 2004.
2. СПС «КонсультантПлюс».
3. Международные акты о правах человека : сборник документов. М. : НОРМА ; ИНФРА-М, 2002.
4. Сборник документов Совета Европы в области защиты прав человека и борьбы с преступностью. М. : Спарк, 1998.
5. Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила) (приняты 10 декабря 1985 г. резолюцией 40/33 Генеральной ассамблеи ООН) // Советская юстиция. 1991. № 12–14.
6. Правила Организации Объединенных Наций, касающиеся обращения с женщинами-заклученными и мер наказания для женщин-правонарушителей, не связанных с лишением свободы (Бангкокские правила) (приняты 21 декабря 2010 г. резолюцией 65/229 Генеральной ассамблеи ООН) // United Nations : сайт. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/bangkok_rules.shtml (дата обращения: 06.04.2022).
7. СПС «КонсультантПлюс».
8. Криминология / под ред. Д. Ф. Шелли. 3-е международ. изд. СПб. : Питер, 2003.
9. Правовое обеспечение реализации национальных проектов социально-экономического развития России до 2030 года. М. : Проспект, 2021.

10. *Фоменко Е. В.* Подкуп : криминологический портрет и отдельные основания криминализации // Вестник Российской правовой академии. 2017. № 3.
11. *Стручков Н. А., Шупилов В. П.* Исполнение уголовного наказания в капиталистических странах : учебное пособие. Вып. 1. М. : Изд-во Академии МВД СССР, 1977.
12. Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года, утв. распоряжением Правительства РФ от 29 апреля 2021 г. № 1138-р // СЗ РФ. 2021. № 20. Ст. 3397.
13. Характеристика уголовно-исполнительной системы // ФСИН России : сайт. URL: <https://fsin.gov.ru/statistics/> (дата обращения: 06.04.2022).
14. *Таганцев Н. С.* Русское уголовное право. Часть общая. Лекции. Т. 2. СПб. : Гос. тип., 1902.

References

1. *List F.* Tasks of Criminal Policy. Crime as a Socio-Pathological Phenomenon. Moscow: Infra-M, 2004.
2. SPS "ConsultantPlus".
3. International Acts on Human Rights: Collection of Documents. Moscow: Norma; Infra-M, 2002.
4. Collection of Documents of the Council of Europe in the Field of the Protection of Human Rights and the Fight Against Crime. Moscow: Spark, 1998.
5. United Nations Standard Minimum Rules for the Administration of Juvenile Justice ("The Beijing Rules") (adopted by the General Assembly in resolution 40/33 on 10 December 1985). *Soviet Justice*. 1991. Nos. 12–14.
6. United Nations Rules for the Treatment of Women Prisoners and Non-Custodial Measures for Women Offenders ("The Bangkok Rules") (adopted by the General Assembly in resolution 65/229 on 21 December 2010). URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/bangkok_rules.shtml (date of the application: 06.04.2022).
7. SPS "ConsultantPlus".
8. *Shelley D. F. (ed.)*. Criminology. 3rd international edition. St. Petersburg: Piter, 2003.
9. Legal Support for the Implementation of National Projects for the Socio-Economic Development of Russia Until 2030. Moscow: Prospekt, 2021.
10. *Fomenko E. V.* Bribing: A Criminological Portrait and Separate Grounds for Criminalization. *Bulletin of the Russian Law Academy*. 2017. No. 3.
11. *Struchkov N. A., Shupilov V. P.* Execution of Criminal Punishment in Capitalist Countries: Textbook. Issue 1. Moscow: Publishing House of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the USSR, 1977.
12. Concept of Development of the Penitentiary System of the Russian Federation for the Period up to 2030, approved by the Decree of the Government of the Russian Federation of 29 April 2021 No. 1138-r. *Collection of the Legislation of the Russian Federation*. 2021. No. 20. Art. 3397.
13. Characteristics of the Penitentiary System. URL: <https://fsin.gov.ru/statistics/> (date of the application: 06.04.2022).
14. *Tagantsev N. S.* Russian Criminal Law. Common Part. Lectures. Vol. 2. St. Petersburg: State Printing House, 1902.

СЛЕДСТВЕННАЯ ТАЙНА КАК ТАКТИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ СРЕДСТВО РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2022-0-2-50-57>

Качество расследования, так же как и качество правосудия в целом, во многом зависит от того, какие тактико-криминалистические средства используются и насколько умело. Одним из таких средств является следственная тайна, которая, к сожалению, не всегда достаточно эффективно используется при расследовании отдельных преступлений. Для того чтобы преодолеть это, необходимо понимание тактического значения следственной тайны и того, какие тактические задачи могут решаться с ее помощью. В связи с этим предметом настоящей статьи являются закономерности процесса применения следственной тайны в ходе предварительного расследования. Целью исследования, положенного в основу данной работы, является установление тактической эффективности следственной тайны и возможности ее использования в ходе предварительного расследования. Для достижения этого был использован целый арсенал методов, позволяющих исследованию быть объективным и полным, а именно диалектический, формально-юридический, анализа и синтеза, системно-деятельностный, криминалистического моделирования, ситуационный. Благодаря проведенному с помощью названных методов исследованию был выявлен тактический потенциал следственной тайны, который состоит в том, что с его помощью следователь имеет возможность обеспечить перелом в расследовании, преодолев противодействие лиц, нежелающих вынесения справедливых процессуальных решений по соответствующему уголовному делу. Следственная тайна позволяет получить доказательства, наличие которых гарантирует качество проведенного расследования и преодоление оказываемого противодействия со стороны лиц, не заинтересованных в осуществлении правосудия.

**ПОДОЛЬНЫЙ
Николай Александрович**

доктор юридических наук,
доцент, заведующий кафедрой
уголовно-процессуального
права и криминалистики
Казанского института (филиала)
Всероссийского государственного
университета юстиции
(РПА Минюста России) (г. Казань)
ipk-saransk@yandex.ru

**Следственная тайна;
недопустимость разглашения
данных предварительного
расследования;
тактический прием;
следственная хитрость;
следственная ситуация;
предварительное
расследование**

Nikolay A. PODOLNYI

Doctor of Legal Sciences, Associate
Professor, Head of Department of
Criminal Procedure and Criminalistics,
Kazan Institute (Branch) of All-Russian
State University of Justice (Kazan)
ipk-saransk@yandex.ru

**Investigative secrecy;
inadmissibility of disclosure
of preliminary investigation data;
tactical technique;
investigative trick;
investigative situation;
preliminary investigation**

INVESTIGATIVE SECRECY AS A TACTICAL AND FORENSIC MEANS OF INVESTIGATING CRIMES

The quality of the investigation, as well as the quality of justice in general, largely depends on what tactical and forensic means are used and how skillfully. One of these means is investigative secrecy, which, unfortunately, is not always used effectively enough in the investigation of individual crimes. In order to overcome this, it is necessary to understand the tactical significance of investigative secrecy and what tactical tasks can be solved with its help. In this regard, the subject of the proposed article is the regularities of the process of applying investigative secrecy during the preliminary investigation. The purpose of the study based on this article is to establish the tactical effectiveness of investigative secrecy and the possibility of its use during the preliminary investigation. To achieve this, a whole arsenal of methods was used to allow the study to be objective and complete. The following methods were used: dialectical, formal-legal, analysis and synthesis, system-activity, forensic modeling, situational. Thanks to the research carried out with the help of these methods,

the tactical potential of investigative secrecy was revealed, which consists in the fact that with its help the investigator has the opportunity to ensure a breakthrough in the investigation, overcoming the opposition of persons who do not want to make fair procedural decisions on the relevant criminal case. Investigative secrecy allows you to obtain evidence, the presence of which guarantees the quality of the investigation and overcoming the opposition provided by persons who are not interested in the administration of justice.

Часто расследование преступлений носит форму противостояния следователя и обвиняемого, подозреваемого [1, с. 168–171]. Следователь желает установить истину, в то время как обвиняемый, подозреваемый далеко не всегда хотят этого. Причем противодействующей следователю стороной может быть не только подозреваемый, обвиняемый, но и иные лица, которые не заинтересованы в установлении действительной картины произошедшего. Задачей следователя в этих случаях является нейтрализация оказываемого противодействия с целью установления обстоятельств соответствующего события. Решение этой тактической задачи важно для осуществления правосудия, для восстановления социальной справедливости, нарушенной совершением соответствующего преступления. Поэтому уже на начальном этапе расследования следователь стремится найти ту линию своего поведения, те средства, с помощью которых он может обеспечить тактический перелом в названном противостоянии и обеспечить в полном объеме познание совершенного преступления. От этого во многом зависит эффективность проводимого расследования, выявление доказательств, посредством которых можно обличить виновных в совершении преступления лиц.

С учетом того, что противодействие – это всегда осознанная деятельность, само противостояние между следователем и лицами, не заинтересованными в объективном расследовании, – это интеллектуальный поединок, исход которого зависит от того, какая из сторон сможет превзойти другую в предпринимаемых действиях [2, с. 100–104]. В связи с этим большое значение имеет выбор следователем тактики и стратегии еще на начальном этапе проводимого расследования. При этом следователь должен уметь действовать на опережение, что означает выполнение действий, которыми упреждается противодействие. Для этого необходимо определять систему тех средств, которые максимально отвечают проблемам, ставящимся конкретной следственной ситуацией. От правильности выбора и использования этих средств во многом зависит перелом в названном противостоянии. К тактическим средствам расследования, которые значимы при противодействии действиям, препятствующим установлению обстоятельств со-

вершения преступления, относятся, в частности, тактические приемы. С их помощью следователь имеет возможность не только получить недостающие доказательства, но и добиться такого состояния расследования, когда установление истины является неизбежным, когда никакое противодействие уже не может этому воспрепятствовать.

Теория и практика расследования знает и располагает достаточным арсеналом тактических средств, использование которых способно оптимизировать процесс установления обстоятельств совершения конкретного преступления [3, с. 130–135]. Одним из таких средств является следственная тайна. Данное средство имеет не только тактическое, но в отдельных случаях и стратегическое значение, поскольку позволяет «переломить» сложившуюся неблагоприятную ситуацию в пользу проводимого расследования. Несмотря на то что она достаточно часто и широко применяется в ходе расследования, ее значение все же представляется недооцененным. Это проявляется в том, что ее применение в ходе расследования достаточно статично и направлено лишь на то, чтобы создавать для расследования общее благоприятное пространство конфиденциальности, в котором ведется установление обстоятельств совершения преступления. В то же время следственную тайну можно также использовать как средство активного влияния на ход проводимого расследования, на обстановку, в котором оно проводится, лиц, которые препятствуют установлению обстоятельств совершения конкретного преступления. Она может выступать в качестве орудия, посредством которого можно изменить неблагоприятную для расследования ситуацию на благоприятную, чем гарантировать достижение поставленной цели – решение стоявшей тактической задачи.

Само понятие «следственная тайна» – это понятие криминалистики, теории и практики расследования. Его нет в уголовно-процессуальном законодательстве. Хотя содержание того, что следует понимать под следственной тайной, все же дано в действующем уголовно-процессуальном законодательстве. В ст. 161 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ) формулируются условия и правила недопустимости разглашения данных предварительно-

го расследования. Здесь формулируется как общее правило то, что разглашение данных предварительного расследования недопустимо. При этом сформулировано также правило, в соответствии с которым эти данные могут предаваться гласности, но только с разрешения следователя или дознавателя, и только те, которые посчитают возможным названные должностные лица. Следует особо отметить, что запрет разглашения данных предварительного расследования, налагаемый названной нормой уголовно-процессуального законодательства, направлен не только и даже не столько на решение каких-либо тактических задач – он также является средством защиты прав и законных интересов участников уголовного процесса. На это указывает формулировка, в соответствии с которой даже следователь и дознаватель имеют право предавать гласности далеко не все данные проводимого предварительного расследования. Разглашение данных, которыми могут быть нарушены права, свободы и законные интересы участников уголовного процесса, даже названным должностным лицам запрещено (ч. 2 ст. 161 УПК РФ). Это позволяет утверждать, что неразглашение данных предварительного расследования имеет не только тактическое значение для установления обстоятельств соответствующего преступления, но оно также призвано защищать права, свободы и законные интересы лиц, участвующих в уголовном процессе.

Практика уголовного судопроизводства свидетельствует о том, что действительно разглашение отдельных данных предварительного расследования ставит под угрозу права, свободы и законные интересы участников уголовного процесса. Это обусловлено тем, что, к примеру, лицо, признанное подозреваемым или обвиняемым, является не только участником уголовного судопроизводства, но оно также является участником и иных социальных процессов, различных правоотношений, имеет вполне определенный сформировавшийся социальный статус, который для него представляет ценность, обеспечивая вполне определенные возможности в удовлетворении законных интересов. Не является фактом в ходе предварительного расследования то, что лицо, являющееся подозреваемым, обвиняемым, совершило преступление. Этот факт еще подлежит установлению в ходе предварительного расследования и судебного разбирательства, а потому разглашение данных предварительного расследования может причинить существенный вред такому лицу. Кроме того, представляется, что не только участники уголовного судопроизводства заинтересованы в неразглашении данных предварительного расследования, но и лица, которые участниками уголовного судопроизводства не являются, но права, свободы и законные интересы которых также могут пострадать в результате преждевременного разгла-

шения информации о совершенном преступлении. Однако действующее уголовно-процессуальное законодательство не использует рассматриваемое средство (неразглашение данных предварительного расследования) для защиты этих лиц. Это представляется явным упущением со стороны уголовно-процессуального законодательства, которое должно быть преодолено в ходе дальнейшего законотворчества.

В уголовно-процессуальном законодательстве недопустимость разглашения данных предварительного расследования рассматривается как механизм, посредством которого государство стремится защитить права, свободы и законные интересы участников уголовного судопроизводства [4, с. 183–185]. Это механизм наложения запрета на разглашение информации о ходе предварительного расследования, который предполагает обязанность участников уголовного судопроизводства неукоснительно следовать этому запрету [5, с. 118–123]. Установление такой обязанности направлено на то, чтобы были надежно защищены соответствующие права, свободы и законные интересы участников уголовного судопроизводства. Одним из средств обеспечения эффективности данного механизма является установление уголовной ответственности за разглашение данных предварительного расследования (ст. 310 УК РФ). В связи с этим очевидным является то, что недопустимость разглашения данных предварительного расследования – это межотраслевой институт права, поскольку механизм его действия регулируется уголовным и уголовно-процессуальным правом. Причем данный институт направлен на обеспечение уголовно-правовой защиты совокупности тех отношений, которые возникают в связи с обеспечением конфиденциальности информации о ходе предварительного расследования и информации о преступлении, которая стала известна в ходе предварительного расследования. При этом следует отметить, что к уголовной ответственности за разглашение данных предварительного расследования можно привлечь лишь в том случае, если предварительно имело место предупреждение следователем о недопустимости разглашения названных сведений, оформленное в порядке, предусмотренном ч. 3 ст. 161 УПК РФ. Еще одним условием привлечения за совершение названного преступления является разглашение названной информации без разрешения на то следователя, дознавателя. Установление уголовной ответственности за разглашение данных предварительного расследования позволяет сделать вывод о том, что данное деяние представляет собой общественную опасность и что государство стремится оградиться от подобного рода покушений. Это для него является важным, потому что, во-первых, это элемент в системе защиты прав, свобод и законных интересов граждан и, во-вторых, это составная часть в механизме

защиты осуществления правосудия, который обеспечивает вынесение справедливых процессуальных решений. Поэтому от качества соблюдения требований ст. 161 УПК РФ во многом зависит качество осуществляемого правосудия по каждому конкретному уголовному делу. Это позволяет видеть в запрете разглашения данных предварительного расследования один из инструментов, использование которого обеспечивает достижение целей правосудия – вынесение справедливых процессуальных решений. В связи с этим перед правоохранительными органами встает важная задача – уметь использовать данный инструмент при осуществлении правосудия. Тем более что благодаря ему появляется возможность избегать возможных ошибок, способных негативно отразиться на правах, свободах и законных интересах граждан.

В рассмотренной норме уголовно-процессуального законодательства определяется то, что вопрос о том, какие данные предварительного расследования не подлежат разглашению, решается следователем, дознавателем. То есть этим в данной норме подчеркивается инструментальный характер названного запрета и указан субъект, который может использовать данный инструмент. Это важно, поскольку позволяет определить то, кто может и должен использовать названный инструмент в целях осуществления правосудия. При этом в самой указанной норме закона не определяются границы использования этого инструмента, а также то, какими конкретно должны быть действия следователя, дознавателя по обеспечению названного запрета. Это вполне понятно и объясняется тем, что закон всегда должен носить обобщенный характер, позволяющий охватить не один-два определенных случая, а целую совокупность действий, отношений, которые он призван регулировать. Важно то, что названный запрет фактически является одним из элементов полномочий, которыми закон наделяет следователя и дознавателя в части проведения ими предварительного расследования. Эти должностные лица решают сами, стоит им воспользоваться названным инструментом при проведении конкретного предварительного расследования или нет. То есть данное полномочие состоит в их праве решать в зависимости от конкретной следственной ситуации применять соответствующий запрет на разглашение данных предварительного расследования или нет. Другие участники уголовного судопроизводства использовать названный инструмент не могут, из чего следует то, что запрет на разглашение данных предварительного расследования – это средство, которое могут использовать только субъекты, прямо указанные в уголовно-процессуальном законодательстве, – дознаватель и следователь.

Запрет на разглашение данных предварительного расследования – это не просто средство, которое мо-

жет быть использовано ограниченным кругом субъектов (следователь, дознаватель), но тактическое средство, поскольку оно ориентировано на решение вполне определенных тактических задач. Данная в законе трактовка цели применения этого средства (защита прав, свобод и законных интересов граждан) вполне может подразумевать любые действия следователя и дознавателя, направленные на осуществление правосудия, поскольку основа правосудия – справедливость, а справедливость – это и есть тот баланс прав, свобод и законных интересов, которые государством предоставляются каждому конкретному человеку так, чтобы они не нарушали права, свободы и законные интересы других людей. Основой справедливого процессуального решения всегда является знание должностным лицом, уполномоченным выносить процессуальное решение, в полном объеме обстоятельств соответствующего события. По этой причине в ходе расследования следователь должен решать тактические задачи с целью уяснения того, что имело место быть. Такие решения можно получить лишь при наличии соответствующих тактических средств, одним из которых является запрет на разглашение данных предварительного расследования. Данное тактическое средство предоставляет следователю преимущества в тех случаях, когда расследование ведется в конфликтной ситуации, когда есть лица, которые не желают того, чтобы обстоятельства совершения преступления не были установлены. Эти преимущества связаны с возможностью пресекать любые действия, которыми соответствующие лица стремятся затруднить или сделать невозможным установление истины по конкретному уголовному делу.

Стороны уголовного процесса в начале предварительного расследования не равны в знании истины, того, что в действительности произошло. Следователь, дознаватель как должностные лица, не являвшиеся очевидцами расследуемого события, имеют уязвимость в занимаемой ими позиции, которая состоит в том, что они не знают истины, а потому на начальном этапе расследования вынуждены двигаться в направлении установления справедливости исходя из минимального объема знаний о соответствующем факте (фактах). В то же время подозреваемый и обвиняемый точно знают если и не о самом событии, то по крайней мере о собственном участии в нем, а потому их положение имеет больше преимуществ в сравнении с положением следователя, дознавателя. Подозреваемый и обвиняемый благодаря своему знанию события имеют возможность уже на начальном этапе расследования занять более предпочтительное положение. Если расследование ведется в условиях конфликта, то подозреваемый, обвиняемый имеют возможность достаточно эффективно противодействовать следователю, особенно если принимать

во внимание то, что уголовно-процессуальное законодательство предоставляет им для этого достаточно эффективные средства, к примеру, право не давать показания или дать их тогда, когда они сочтут это тактически оправданным. Они также имеют право давать ложные показания, поскольку за это не предусмотрена уголовная ответственность, а дача показаний – это его право (для обвиняемого – в соответствии с п. 6 ч. 4 ст. 47 УПК РФ, а для подозреваемого – в соответствии с п. 6 ч. 4 ст. 46 УПК РФ). Благодаря этому подозреваемый, обвиняемый имеют вполне определенное тактическое преимущество перед следователем. Это не может быть на руку процессу правосудия, поскольку нарушается равенство сторон, которые противоборствуют друг с другом. Способом преодоления такого неравенства может быть расширение полномочий стороны обвинения, в частности, следователя и дознавателя. Необходимо, чтобы следователь, дознаватель имели полномочия, наличие которых хоть как-то могло бы уравнивать позицию и положение сторон в ходе уголовного процесса. Одним из полномочий, которые предоставляются следователю и дознавателю является право устанавливать запрет на разглашение данных предварительного расследования.

В теории и следственной практике достаточно широко употребляется термин «следственная тайна» [6, с. 25–32]. Его нет, как было сказано ранее, в действующем уголовно-процессуальном законодательстве, но синонимом данного термина считают «запрет разглашения данных предварительного расследования». Тем самым полагается, что следственная тайна устанавливается и регламентируется ее использование в ст. 161 УПК РФ. Принять это за истину можно, но лишь с некоторыми оговорками и допусками. Так, ч. 5 данной статьи предусматривает сохранение в тайне данных о частной жизни участников уголовного судопроизводства и при этом не уточняется, что эти данные – это данные предварительного расследования. Кроме того, данный запрет не устанавливается следователем или дознавателем, а считается действующим априори в силу лишь того, что он определен в названной норме и не нуждается в том, чтобы его кто-либо устанавливал. Следователь, исходя из данной нормы, не наделен правом предавать гласности какие-либо данные о частной жизни участника уголовного судопроизводства, без его согласия, а если это касается несовершеннолетнего потерпевшего, не достигшего возраста 14 лет, то без согласия его законного представителя. В связи с этим представляется правильным делать изъятие при указании на ст. 161 УПК РФ, как норму, определяющую следственную тайну. Таким изъятием является ч. 5 названной статьи, поскольку здесь речь идет не только о данных предварительного рассле-

дования и установление данного запрета на разглашение сведений о частной жизни не может устанавливаться следователем и дознавателем. В ч. 5 ст. 161 УПК РФ сказано о данных, касающихся частной жизни участников уголовного судопроизводства, а вовсе не о данных предварительного расследования. Помимо этого здесь указано на то, что разглашение данных о частной жизни производится только с согласия самих соответствующих участников уголовного судопроизводства или законного представителя в случае, касающемся несовершеннолетнего, не достигшего 14 лет. Ввиду этих особенностей запрет на разглашение данных о частной жизни не может рассматриваться, как следственная тайна. Таким образом, далеко не всякий запрет на данные следует рассматривать, как следственную тайну.

Термин «следственная тайна» получил распространение в практике расследования, а вслед за ней и в теории расследования и уже изначально рассматривался не только, как средство защиты прав, свобод и законных интересов, но и как тактико-криминалистическое средство, использование которого способно обеспечить решение встающих перед проводимым предварительным расследованием задач. Это задачи, не только связанные с получением необходимых для расследования данных, в том числе доказательств, но и связанные с преодолением возникающих в ходе установления отдельных обстоятельств препятствий. Причем часто эти препятствия связаны с целенаправленной деятельностью лиц, которые не заинтересованы в установлении истины по соответствующему уголовному делу. Как тактико-криминалистическое средство следственная тайна способна обеспечивать благоприятные условия для деятельности по сбору доказательств, необходимых для обеспечения полноты в понимании картины соответствующего события, которое является предметом познания следователя в ходе проводимого предварительного расследования. Она позволяет следователю упреждать возможность вредного воздействия на обстановку совершения соответствующего преступления, на лиц, которые могли быть очевидцами событий, имевших отношение к преступлению или видевших само это преступление. Следственная тайна способна создать вокруг деятельности следователя режим тишины, когда он ограждается от излишних шумов в форме намеренного навязывания ему при познании соответствующих обстоятельств ложных версий произошедшего, которые намеренно подбрасываются лицами, которые не заинтересованы в том, чтобы правоохранительным органам стала доступна истина об имевших место событиях.

Наиболее часто следственная тайна используется как средство создания благоприятных условий для установления обстоятельств совершения конкретного

преступления. Это условия, когда никто, кроме следователя, не обладает полной картиной проводимого расследования, под которой понимаются избранное направление в установлении обстоятельств совершения преступления, результаты проведения соответствующих следственных действий, сведения о совершенном преступном деянии, которые стали доступны следователю, планы следователя, направленные на решение соответствующих тактических задач, сведения о лицах, оказывающих содействие в установлении истины. Создаваемые в результате применения следственной тайны условия позволяют следователю сосредоточиться на проводимом расследовании и не попасть под чье-либо негативное влияние, причем необязательно лиц, не заинтересованных в установлении истины. Данный способ использования следственной тайны можно охарактеризовать как пассивный, поскольку он не предполагает какого-либо адресного использования, а направлен на всех, а не только на конкретных участников уголовного судопроизводства. Сведения о ходе расследования в этом случае не могут получить все участники уголовного судопроизводства, особенно те, которые имеют свой личный интерес. Использование следственной тайны в данном случае направлено на то, чтобы оградить следователя от неопределенного круга лиц, которые, как умышленно, так и без умысла способны навязать неправильное видение совершенного преступного деяния. Важным в этом случае является создание обстановки, в которой следователь может сконцентрироваться на познании обстоятельств совершения соответствующего преступления.

Следственная тайна может быть также средством направленного воздействия на сложившуюся следственную ситуацию и на определенных лиц, которые воспринимают эту ситуацию. Она может преследовать такую тактическую цель, как введение в заблуждение лиц, которые не желают установления истины по соответствующему уголовному делу. Однако в этом случае следственная тайна как тактико-криминалистическое средство используется в комплексе с другими действиями следователя и даже других лиц, которые оказывают содействие проводимому расследованию. Следственная тайна, по существу, в этом случае становится частью вполне определенного тактического приема, перед которым ставится тактическая задача по введению в заблуждение соответствующего лица с тем, чтобы получить недостающие сведения либо достигнуть определенных преимуществ в тактике воздействия на складывающуюся ситуацию, которая важна для успешного хода расследования. Такие тактические приемы известны следственной практике и теории и именуется «следственной хитростью». Следственная тайна в следственной хитрости имеет важное значение, поскольку именно

благодаря ей соответствующее лицо вводится в заблуждение в отношении оценки соответствующей сложившейся следственной ситуации, что заставляет его действовать так, как этого желает следователь, т.е. в интересах проводимого расследования. Благодаря следственной тайне следователь имеет возможность так воздействовать на соответствующее лицо, что оно в результате неверного восприятия соответствующей следственной ситуации может изменить свое отношение к проводимому расследованию и занять позицию содействия в установлении обстоятельств совершенного преступления.

К сожалению, иногда следственную хитрость неверно понимают как обман, благодаря которому удается получить значимые для расследования показания [7, с. 9–13]. Однако следственная хитрость – это не обман, хотя в ней и используется ложное восприятие определенным лицом сложившейся следственной ситуации. Чаще всего такое заблуждение состоит в неверном представлении о том, что следователь уже и сам хорошо знает об определенных обстоятельствах совершенного преступления, а потому дача показаний об этом важна уже прежде всего для самого лица, от которого они ожидают. Дача показаний таким лицом начинает расцениваться как возможность избежать уголовной ответственности или смягчить уголовную ответственность. Одним из условий возникновения такого заблуждения является следственная тайна, из-за которой соответствующее лицо может лишь теряться в догадках относительно осведомленности следователя и сложившейся следственной ситуации. При этом следователь целенаправленно использует следственную тайну, специально добываясь двусмысленности той ситуации, в которой оказывается лицо, позицию которого в отношении проводимого расследования он желает переломить. Для обеспечения эффективности такого приема следователь должен иметь адекватное представление о сложившейся следственной ситуации и о взгляде на нее соответствующего лица, перелом в позиции которого ожидается. В связи с этим он должен находиться в постоянном контакте с лицами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, с тем, чтобы постоянно, в условиях реального времени иметь информацию об изменениях в следственной ситуации и в ее восприятии лицом, в отношении которого применяется тактический прием, основанный на следственной тайне.

Особо следует отметить в использовании следственной тайны то, что отдельные тактические задачи в практике расследования решаются посредством дозированной утечки определенной информации о проводимом расследовании и о том, что о совершенном преступлении стало известно следователю. Данная утечка организовывается самим следо-

вателем и является правдивой, но в силу того, что она не создает полной картины проводимого расследования, ее использование способно исказить восприятие соответствующей следственной ситуации отдельными участниками уголовного судопроизводства. При этом важным является то, чтобы вся информация о расследовании не была обнародована. Тем самым следователь обеспечивает управляемость в развитии соответствующей следственной ситуации, осуществляя ее эволюцию в необходимом для него направлении – в направлении установления действительно имевших место обстоятельств совершения преступления. При этом важным является не только раскрытая следователем информация, но и информация, которая продолжает оставаться следственной тайной, поскольку от этого зависит восприятие соответствующими лицами конкретной следственной ситуации и ходе проводимого расследования. Такое манипулирование данными предварительного расследования позволяет решать следователю достаточно сложные тактические задачи. Поэтому подобные способы использования следственной тайны необходимо рассматривать в качестве эффективного средства оптимизации всего расследования и оптимизации отдельных видов следственных действий. Причем такой способ использования следственной тайны в тактике расследования характеризуется как активный, поскольку предполагает, что следователь сам активно воздействует на складывающуюся следственную ситуацию, планируя направления ее изменения. Он благодаря данному тактико-криминалистическому средству стремится не только получить определенные доказательства, но и переломить ход проводимого расследования в свою пользу.

Активный способ использования следственной тайны предполагает то, что он является частью следственной хитрости. Благодаря следственной тайне

создаются условия, которые способствуют формированию домыслов того лица, показания которого необходимо получить. Она дает возможность выполнять действия, которые имеют двусмысленность и заставляют соответствующее лицо воспринимать сложившуюся следственную ситуацию так, как это выгодно следователю. Достаточно типичным является то, что дефицит информации, основой которого является следственная тайна, заставляет соответствующее лицо, от которого планируется получить значимые показания, выдвигать, а затем принимать домыслы, которыми оно стремится объяснить свое положение в проводимом расследовании. Задача следователя в этом случае – подтолкнуть названное лицо к тому, чтобы оно пошло на сотрудничество и начало давать правдивые показания о случившемся. При выполнении следственной хитрости важным является взаимодействие с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность. Это дает возможность оперативно корректировать действия следователя, повышая их эффективность.

Изложенное позволяет понять, что следственная тайна – это не только средство защиты прав, свобод и законных интересов участников уголовного судопроизводства, но и достаточно эффективное тактико-криминалистическое средство, умелое использование которого позволяет добиваться решения сложных тактических задач и даже достижения стратегической цели – установления обстоятельств совершения преступления. Представляется, что именно это качество следственной тайны остается до настоящего времени недооцененным. Хотя именно следственная тайна является тем средством, которое способно помочь следователю решить сложные тактические задачи, обусловленные нежеланием отдельных участников уголовного судопроизводства взаимодействовать с проводимым расследованием.

Пристатейный библиографический список

1. *Лебедев Н. Ю.* Характеристика функций конфликтов, возникающих в ходе предварительного расследования // *Закон и право.* 2019. № 9.
2. *Дроздова Е. А., Зорин Д. Н.* К вопросу о понятии противодействия расследованию преступлений // *Образование и наука в России и за рубежом.* 2019. № 4 (52).
3. *Стояновский М. В.* К вопросу о тактических средствах расследования преступлений // *Исследовательский потенциал гуманитарно-экономических наук в современном высшем учебном заведении : межвузовский сборник научных трудов межвузовской заочной научно-теоретической конференции.* Воронеж : ВГПУ, 2020.
4. *Дациева Х. Г., Муталибова Э. М.* Недопустимость разглашения данных предварительного расследования: проблемы правоприменения // *Государственная служба и кадры.* 2021. № 4.
5. *Жариков Ю. С.* Недопустимость разглашения данных предварительного расследования: к вопросу о конституционности уголовно-процессуальной нормы // *Современное право.* 2019. № 9.

6. Зорин Р. Г., Смолькова И. В. Криминалистическое и уголовно-процессуальное обеспечение механизма формирования следственной тайны в уголовном судопроизводстве // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы. 2012. № 2 (32).
7. Мешков В. М. Допустим ли обман в криминалистической тактике? // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2020. № 2 (60).

References

1. Lebedev N. Iu. Characteristics of the Functions of Conflicts Arising During the Preliminary Investigation. *Law*. 2019. No. 9.
2. Drozdova E. A., Zorin D. N. On the Concept of Countering the Investigation of Crimes. *Education and Science in Russia and Abroad*. 2019. No. 4 (52).
3. Stoianovskii M. V. On Tactical Means of Investigating Crimes. In *Research Potential of Humanities and Economics in a Modern Higher Educational Institution: Intercollegiate Collection of Scientific Papers of the Intercollegiate Correspondence Scientific and Theoretical Conference*. Voronezh: Voronezh State Pedagogical University Publ., 2020.
4. Datsieva Kh. G., Mutalibova E. M. Inadmissibility of Disclosure of Preliminary Investigation Data: Problems of Law Enforcement. *Civil Service and Personnel*. 2021. No. 4.
5. Zharikov Iu. S. Inadmissibility of Disclosure of Preliminary Investigation Data: On the Constitutionality of the Criminal Procedure Norm. *Modern Law*. 2019. No. 9.
6. Zorin R. G., Smolkova I. V. Criminalistic and Criminal Procedural Support of the Mechanism of Formation of Investigative Secrecy in Criminal Proceedings. *Questions of Criminology, Criminalistics and Forensic Examination*. 2012. No. 2 (32).
7. Meshkov V. M. Is Deception Acceptable in Forensic Tactics? *Bulletin of the Kaliningrad Branch of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2020. No. 2 (60).

АКТУАЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ВИКТИМОЛОГИЧЕСКОЙ ПРОФИЛАКТИКИ НАСИЛЬСТВЕННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В ОТНОШЕНИИ БЕСПОМОЩНОГО ПОТЕРПЕВШЕГО В СИСТЕМЕ ВИКТИМОЛОГИЧЕСКОЙ ЗАЩИТЫ: РОССИЙСКАЯ И ЗАРУБЕЖНАЯ ПРАКТИКА

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2022-0-2-58-63>

В статье авторами на основании российского и зарубежного опыта рассматриваются основные направления предупреждения насильственной преступности в отношении прав и свобод потерпевшего, находящегося в беспомощном состоянии, а именно: в целях воздействия на процессы виктимизации наиболее уязвимой части населения необходимо создание информационной базы, охватывающей круг лиц, признающихся носителями беспомощного состояния вследствие наличия заболевания или инвалидности, пожилого или малолетнего возраста, а также лиц, проживающих в неблагополучных семьях, как потенциально рискующих подвергнуться преступным действиям, повысить эффективность деятельности правоохранительных органов в сфере предупреждения и пресечения нарушений социальных прав исследуемой категории граждан, в том числе права на виктимологическую реабилитацию, что требует совершенствования правовых механизмов, предусматривающих систему мер по виктимологической профилактике насильственной преступности. В качестве предмета исследования выступает комплекс проблем, связанных с определением оптимальных механизмов виктимологической защиты, профилактики насильственной преступности в отношении уязвимых членов общества в российской и зарубежной практике. Цель исследования – обоснование разработки правовых механизмов предупреждения последствий преступной деятельности в отношении потерпевших, находящихся в беспомощном состоянии, выработка практических рекомендаций для практических работников, не в полной мере использующих в практической деятельности необходимый арсенал виктимологической профилактики преступности в отношении наиболее уязвимой категории лиц. В работе применялись общенаучные методы (диалектический, системно-структурный, логический, анализ) и частнонаучные (формально-юридический, межотраслевой) методы познания. Также в работе был применен метод цитирования как способ аргументации, иллюстрирования и справочной нагрузки. Метод обобщения в его частном проявлении как метод систематизации также был применен авторами в данном исследовании. В результате проведенного исследования авторами рассмотрены вопросы реализации научной обоснованной и согласующейся с конституционно-правовыми принципами социального и правового государства виктимологической политики (ее концептуального, законодательного и правоприменительного компонентов) в сфере предупреждения насильственной преступности в отношении потерпевших, находящихся в беспомощном состоянии, благодаря которому на основе зарубежного опыта может быть создана полноразмерная и многогранная модель виктимологической защиты, ориентированной на предупреждение виктимизации наиболее уязвимых групп населения. Несмотря на структурирование законодательства о профилактике общественно опасных посягательств, виктимологический компонент в нем не отработан в полном объеме, и специальные меры, направленные на предупреждение виктимизации лиц, находящихся в беспомощном состоянии, в России не используются. Предупреждение преступлений является одной из актуальных задач противодействия преступности, при том условии, что полная нейтрализация насильственной преступности объективно невозможна, профилактические мероприятия, позволяющие снизить риски виктимизации лиц, находящихся в беспомощном состоянии, а равно усилить возможное выявление готовящихся или потенциально возможных преступлений в отношении них, приобретают существенное значение, поскольку виктимологическая профилактика преступности имеет тесную связь с криминологическим изменением ее состояния и динамики, необходимо обратить внимание на то,

ШИКУЛА

Ильмира Рифкатьевна

кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой гражданского и уголовного права и процесса Московского международного университета (г. Москва)

i.shikyla@mmu.ru

КАМЕНЕВА

Зоряна Викторовна

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и предпринимательского права Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (г. Москва)

kameneva_z@mail.ru

КОСОБРОДОВ

Владимир Михайлович

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского и уголовного права и процесса Московского международного университета (г. Москва)

v.kosobrodov@mmu.ru

Предупреждение преступности; виктимологическая защита; виктимологическая профилактика; виктимизация; насильственная преступность; права и свободы потерпевшего; беспомощное состояние

что объективная информация о фактических показателях, характеризующих статистическую картину и основные параметры противоправного поведения в отношении потерпевших, находящихся в беспомощном состоянии, является труднодоступной, при этом негативными деформациями страдает и статистический учет сведений о лицах, пострадавших от противоправных действий. Сделан вывод о том, что предупреждение преступности и минимизация порождаемых ею негативных последствий особенно важны применительно к лицам, находящимся в момент совершения общественно опасных посягательств в беспомощном состоянии. В силу индивидуальных личностных характеристик потерпевшие, находящиеся в беспомощном состоянии, подвержены повышенному риску виктимизации, а совершаемые в отношении них преступления обладают исключительной общественной опасностью, во многих случаях превосходящей опасность других преступлений, именно поэтому обеспеченный и достигаемый с помощью средств уголовного права достаточно высокий уровень защищенности от преступлений наиболее уязвимых членов общества должен выступать одним из важнейших показателей эффективности выполнения государством правоохранительной функции в целом.

Ilmira R. SHIKULA

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor, Head of the
Department of Civil and Criminal Law
and Procedure, Moscow International
University (Moscow)

i.shikyla@mmu.ru

Zoryana V. KAMENEVA

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor, Department
of Civil and Business Law, All-Russian
State University of Justice (Moscow)

kameneva_z@mail.ru

Vladimir M. KOSOBRODOV

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor, Department
of Civil and Criminal Law and
Procedure, Moscow International
University (Moscow)

v.kosobrodov@mmu.ru

**Crime prevention;
victimological protection;
victimological prevention;
victimization;
violent crime;
rights and freedoms of the victim;
helpless state**

**CURRENT DIRECTIONS OF VICTIMOLOGICAL
PREVENTION OF VIOLENT CRIME AGAINST A HELPLESS
VICTIM IN THE VICTIMOLOGICAL PROTECTION SYSTEM:
RUSSIAN AND FOREIGN PRACTICE**

In the article, the authors, based on Russian and foreign experience, consider the main directions of the prevention of violent crime in relation to the rights and freedoms of the victim who is in a helpless state, namely: in order to influence the processes of victimization of the most vulnerable part of the population, it is necessary to create an information base covering the circle of persons recognized as carriers of a helpless state due to the presence of a disease or disability, elderly or young, as well as persons living in dysfunctional families, as potentially at risk of being subjected to criminal acts, increase the effectiveness of law enforcement agencies in the field of preventing and suppressing violations of the social rights of the category of citizens under study, including the right to victimological rehabilitation, which requires the improvement of legal mechanisms that provide for a system of measures for victimological prevention of violent crime. The subject of the study is a set of problems related to the determination of optimal mechanisms for victimological protection, the prevention of violent crime against vulnerable members of society in Russian and foreign practice. The purpose of the study is to substantiate the development of legal mechanisms for preventing the consequences of criminal activity in relation to victims who are in a helpless state, to develop practical recommendations for practitioners who do not fully use in practice the necessary arsenal of victimological crime prevention in relation to the most vulnerable category of persons. General scientific methods (dialectical, system-structural, logical, analysis) and private scientific (formal-legal, intersectoral) methods of cognition were used in the work. The citation method was also used in the work as a way of argumentation, illustration and reference load. The method of generalization in its particular manifestation as a method of systematization was also used by the authors in this study. As a result of the study, the authors considered the implementation of a science-based and consistent with the constitutional and legal principles of the social and legal state of victimological policy (its conceptual, legislative and law enforcement components) in the field of preventing violent crime against victims who are in a helpless state, thanks to which, on the basis of foreign experience, a full-sized and multifaceted model of victimological protection can be created, focused on preventing the victimization of the most vulnerable groups of the population. Despite the structuring of legislation on the prevention of socially dangerous assaults, the victimological component has not been fully worked out in it, and special measures aimed at preventing victimization of persons in a helpless state are not used in Russia. Crime prevention is one of the urgent tasks of combating crime, provided that the complete neutralization of violent crime is objectively impossible, preventive measures to

reduce the risks of victimization of persons in a helpless state, as well as to strengthen the possible identification of impending or potential crimes against them, become essential, since the victimological prevention of crime is closely related to the criminological measurement of its state and dynamics, it is necessary to pay attention to the fact that objective information about the actual indicators characterizing the statistical picture and the main parameters of illegal behavior in relation to victims who are in a helpless state is difficult to access, while the statistical record of information about persons affected by illegal actions also suffers from negative deformations. It was concluded that crime prevention and minimization of the negative consequences generated by it are especially important in relation to persons who are helpless at the time of committing socially dangerous attacks. Due to individual personal characteristics, victims who are in a helpless state are at increased risk of victimization, and crimes committed against them have an exceptional social danger, in many cases exceeding the danger of other crimes, which is why a sufficiently high level of protection from crimes of the most vulnerable members of society, secured and achieved with the help of criminal law means, should be one of the most important indicators of the effectiveness of the state's law enforcement function as a whole.

Предупреждение преступлений является одной из актуальных задач противодействия преступности, при том условии, что полная нейтрализация насильственной преступности объективно невозможна, профилактические мероприятия, позволяющие снизить риски виктимизации лиц, находящихся в беспомощном состоянии, а равно усилить возможное выявление готовящихся или потенциально возможных преступлений в отношении них, приобретают существенное значение.

Поскольку предупреждение преступности имеет тесную связь с криминологическим измерением ее состояния и динамики, необходимо обратить внимание на то, что объективная информация о фактических показателях, характеризующих статистическую картину и основные параметры противоправного поведения в отношении потерпевших, находящихся в беспомощном состоянии, является труднодоступной.

Во-первых, хотя статистические данные такого рода никак не могут составлять государственную или иную охраняемую законом тайну (при условии обезличивания и сохранения персональных данных), они не обнародуются для ознакомления в открытых источниках. Однако в последние годы информация о количестве зарегистрированных преступлений стала намного доступнее и раскрывается, в том числе на официальных сайтах в сети Интернет, данные о количестве потерпевших, находящихся в беспомощном состоянии, не раскрываются, что представляется негативным обстоятельством, поскольку при совершении резонансных преступлений в отношении такого круга лиц интенсивность общественного обсуждения становится крайне высокой. Для характеристики неудовлетворительной работы в области профилактики таких деяний используются отрывочные сведения, которыми располагают независимые исследователи или представители некоммерческих организаций (например, оказывающих помощь детям, пострадавшим от

насилия). В силу их неполноты создается недостоверная картина, которая становится достоянием общественности. Это вредит имиджу правоохранительных органов. Для решения данной проблемы требуется опубликование сведений о качественных характеристиках жертв преступлений: это имело бы превентивный эффект, укрепляло бы доверие к правоохранительной системе, способствовало бы повышению ее информационной открытости.

Во-вторых, негативными деформациями страдает и статистический учет сведений о лицах, пострадавших от противоправных действий. С одной стороны, с 2006 г. информация о потерпевших отражается в двух статистических карточках – формы № 5 и формы № 1. Даже при условии, что они содержат половозрастные характеристики лиц, пострадавших от преступных действий, ее недостаточно для исчисления уровня виктимизации населения.

Соглашаясь с тем, что учет нравственно-психологических, ролевых и иных субъективных качеств потерпевшего вряд ли возможен [1, с. 254], можно предположить, что включение в перечень учитываемых сведений тех признаков потерпевшего, которые отражены в уголовно-правовых нормах (беременность, беспомощность, зависимость), вполне вероятно. Более того, при окончании расследования уголовного дела эту информацию не требуется собирать дополнительно, она доступна из обвинительного заключения, в котором указан пункт, часть статьи и статья Особенной части Уголовного кодекса РФ, в соответствии с которой квалифицированы действия обвиняемого. В современный период вопрос о расширенном учете информации о личности потерпевшего уже был предметом научных исследований [2, с. 88-90].

Максимально широкое обнародование информации о количестве зарегистрированных преступлений в отношении потерпевших, находящихся в беспомощном состоянии, является актуальной насущной

потребностью. Во-первых, это свидетельствует о внимании, проявляемом правоохранительными органами к наиболее уязвимой части населения. Во-вторых, это формирует непримиримое отношение общества к лицам, совершающим такие преступления. В-третьих, это создает базу как для повышения осведомленности беспомощных лиц относительно рисков, возникающих во взаимосвязи с их состоянием, так и для минимизации «синдрома недоверия», возникающего на фоне стереотипа о невозможности или нежелании органов правоохраны помогать им. Кроме того, в распоряжении общественности окажется полная и объективная, а не фрагментарная картина, охватывающая весь спектр противоправных действий, совершаемых в отношении таких потерпевших.

Формирование информационной базы об истинном количестве хотя бы зарегистрированных преступлений в отношении потерпевших, находящихся в беспомощном состоянии, в свою очередь, может стать фундаментом, на котором возможно выстроить систему их предупреждения.

Следует отметить, что в современной зарубежной доктрине предупреждение преступности рассматривается сквозь призму обеспечения безопасности [3, р. 9], что является существенным отличием от российской криминологической теории и законодательской практики, где до настоящего времени предупреждение преступности является частью противодействия ей. Противодействие преступности включает также борьбу с ней, в том числе предотвращение готовящихся преступлений и пресечение уже совершаемых общественно опасных деяний [4, с. 16-29]. Фактически существующее в России понимание противодействия преступности охватывает весь процесс разрушающего воздействия на нее. Однако в таком подходе имеются изъяны, которые сохранились с советского периода и в силу которых искоренение преступности представлялось возможным, поскольку последняя рассматривалась как архаизм, не пришедший социалистическому обществу [5, с. 67].

В контексте повышения защищенности лиц, находящихся в беспомощном состоянии, право на физическую безопасность как комплекс неотъемлемых благ, принадлежащих каждому от рождения, приобретает особое значение, и, чтобы гарантировать физическую безопасность лиц, находящихся в беспомощном состоянии, государство обязано реализовывать превентивную стратегию, минимизирующую возможности совершения преступления в отношении таких потерпевших.

Так, зарубежные ученые отмечают, что предупреждение преступлений способно превратиться в превентивную войну, в ходе которой нарушаются иные основные права человека и которая способствует маргинализации части населения, не давая при этом

положительных результатов [6, р. 29]. Как представляется, в данном случае не определен баланс между ценностями, которые защищаются, и благами, которые могут ограничиваться и при выстраивании их иерархии может быть найдена золотая середина.

На примере практики постпенитенциарного контроля, можно заключить, что регистрация лиц, осужденных за преступления сексуального характера, и осуществление надзора за ними нарушают их право на частную жизнь, создают угрозу для разглашения персональных данных. Однако в контексте предотвращения рецидива, т.е. нейтрализации возможности совершить новое преступление, физически и морально травмирующее малолетнего ребенка, эти ограничения представляются несущественными и проистекающими от установленного судом факта предыдущего совершения такого посягательства. Иными словами, ограничения не появляются произвольно, а возникают имманентно во взаимосвязи с уже реализованным актом противоправного поведения [7, с. 155].

В криминологической науке зарубежных стран получил распространение тезис о необходимости защиты потенциальной жертвы, что в современный период стало целью предупреждения преступности во многих государствах [8, р. 391]. Соответственно, коллективные переживания жертвы преступления стали предметом не только психологических, но и криминологических изысканий. На этом фоне произошло ужесточение правил назначения наказания, особенно за совершение насильственных и корыстно-насильственных преступлений. Однако баланс защищаемых ценностей, на основе которого была бы возможна охрана интересов одних без существенного ущемления прав других (а косвенно превентивные ограничения могут затрагивать интересы и законопослушных граждан, например, членов семьи осужденных), по-прежнему отсутствует, и состоявшаяся в уголовной политике расстановка приоритетов стала объектом научной критики [3, р. 391]. Думается, этот опыт должен быть учтен при совершенствовании российского законодательства о предупреждении преступлений.

На фоне фактически уже законодательно закрепленной дифференциации профилактических мер на общесоциальные и специально-криминологические предлагаем выделить области их применения относительно субъектов воздействия: потерпевших и лиц, совершивших преступления или могущих совершить в будущем. Риск-ориентированный подход, оказавшийся востребованным в англо-американской криминологической доктрине, может представлять интерес и для отечественной практики. Кроме того, комплексная система социального контроля должна объединять деятельность органов социальной защиты, медицинских организаций и правоохранительных органов [9, с. 42-49; 10, с. 64-65]. Иными словами, должна быть

создана информационная база, охватывающая круг лиц, признающихся носителями беспомощного состояния вследствие наличия заболевания или инвалидности, пожилого или малолетнего возраста, а также лиц, проживающих в неблагополучных семьях, как потенциально рискующих подвергнуться преступным действиям в целях формирования массива данных о количестве лиц, максимально подверженных риску виктимизации, об условиях их жизни, о существующих кровнородственных и об иных социальных связях.

В целях предотвращения виктимизации лиц, находящихся в беспомощном состоянии, требуется эффективная пропаганда стандартов безопасной коммуникации. В первую очередь это касается малолетних и престарелых. В этом направлении могут использоваться все возможности, возникшие благодаря научно-техническому прогрессу (социальные сети, интернет-ресурсы, средства дистанционного общения, горячие линии). Участие в этой деятельности благотворительных организаций является уже укоренившимся стереотипом, широко используемым в зарубежной практике [11, р. 59-84], но ключевую роль в этом процессе должны играть государственные, а не общественные институты.

В этих условиях формирование государственной виктимологической политики как самостоятельного направления криминологической политики, представляющей собой целостную систему многоуровневого виктимологического предупредительного воздействия на преступность со стороны государства, его институтов и общества является очевидным. Данное направление в общей системе предупреждения преступлений включает в основном систему мер виктимологической профилактики, где «виктимологическая защита» беспомощных потерпевших должна стать перспективным направлением в общепредупредительной деятельности правоохранительных органов, что позволит в конечном итоге повысить уровень защищенности граждан от преступных деяний и вместе с тем стабилизировать весьма непростую виктимологическую ситуацию в обществе.

Соответственно, при реализации теоретических подходов в законотворческой деятельности должен быть найден баланс интересов, позволяющий обеспечить действие универсального принципа юридического равенства.

На основании вышеизложенного авторами были сделаны определенные выводы:

1. В целях предупреждения преступлений в отношении потерпевших, находящихся в беспомощном состоянии, необходимо повышение информационной открытости сведений о состоянии и динамике этой части преступности, поэтому целесообразно, чтобы данные сведения официально опубликовывались в открытых источниках. Это имело бы воспитательную функцию и позволило бы поддерживать в обществе объективное представление о способности правоохранительной системы обезопасить наиболее уязвимые группы населения.

2. Необходимость реализации в правоохранительной деятельности системы виктимологической защиты как приоритетного направления виктимологической профилактики, представляющей собой комплекс государственных мер, направленных на социальную реабилитацию беспомощных потерпевших, пострадавших от насильственных преступлений (оказание правовой, медицинской, социальной и психологической помощи; возмещение причиненного вреда и т.д.).

3. В дополнение к контрольно-надзорным инструментам, существующим в российском законодательстве и получившим одобрение отечественных криминологов, разумным видится создание особого профилактического учета, охватывающего субъекты, привлекавшиеся к уголовной ответственности за совершение преступлений в отношении потерпевших, находящихся в беспомощном состоянии. Постановка на такой учет лиц, уголовное преследование которых было прекращено в связи с примирением с потерпевшим, позволит преодолеть иллюзию безнаказанности, под влиянием которой они могут совершить более тяжкое преступление.

4. В зарубежных криминологической доктрине и законодательстве основным стандартом защиты лиц, находящихся в беспомощном состоянии, стало превентивное обеспечение безопасности. Однако баланс ценностей и интересов пока не нашел оптимального выражения, что позволяет применять широкий перечень ограничений, не согласующихся с содержанием естественных прав человека, к значительному кругу лиц.

Пристатейный библиографический список

1. Виктимологическая характеристика региональной преступности и ее предупреждение / под ред. А. Л. Репецкой. М. : Academia, 2009.
2. *О'Брайен Р.* Факты преступности: сведения о правонарушителях и их жертвах // Криминология / под ред. Дж. Шели. СПб. : Питер, 2003.
3. *Carvalho H.* The Preventive Turn in Criminal Law. Oxford : Oxford University Press, 2017.

4. Теоретические основы предупреждения преступности на современном этапе развития российского общества / отв. ред. Р. В. Жубрин. М. : Проспект, 2016.
5. Кузнецова Н. Ф. Преступление и преступность. М. : Наука, 1969.
6. *Simon J. Governing Through Crime: How the War on Crime Transformed American Democracy and Created a Culture of Fear.* New York : Oxford University Press, 2007.
7. Шикла И. Р. Уголовно-правовая охрана прав и свобод потерпевшего, находящегося в беспомощном состоянии, от насильственных преступлений : проблемы теории и практики : монография. М. : Юрлитинформ, 2020.
8. *Dubber M. D. Victims in the War of Crime: The Use and Abuse the Victims' Rights.* New York : New York University Press, 2006.
9. Восканян Р. О. Европейская практика проведения государственных закупок // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2020. № 1 (183).
10. Маторина Ю. Н., Фоменко Е. В. Правовые основы противодействия терроризму. Уголовно-правовой и криминологический аспекты : учебное пособие. М. : Юрайт, 2019.
11. *Sebba L. Victim-Driven Criminalization // Regulating Deviance: The Redirection of Criminalization and the Futures of Criminal Law.* Oxford : Hart Publishing, 2009.

References

1. *Repetskaia A. L. (ed.). Victimological Characteristics of Regional Crime and its Prevention.* Moscow: Academia, 2009.
2. *O'Brien R. Facts of Crime: Information About Offenders and Their Victims.* In *Sheley J. (ed.). Criminology.* St. Petersburg: Piter, 2003.
3. *Carvalho H. The Preventive Turn in Criminal Law.* Oxford: Oxford University Press, 2017.
4. *Zhubrin R. V. (ed.). Theoretical Foundations of Crime Prevention at the Present Stage of Development of Russian Society.* Moscow: Prospekt, 2016.
5. *Kuznetsova N. F. Crime and Criminality.* Moscow: Nauka, 1969.
6. *Simon J. Governing Through Crime: How the War on Crime Transformed American Democracy and Created a Culture of Fear.* New York: Oxford University Press, 2007.
7. *Shikula I. R. Criminal Law Protection of the Rights and Freedoms of a Victim in a Helpless State from Violent Crimes: Problems of Theory and Practice: Monograph.* Moscow: Iurlitinform, 2020.
8. *Dubber M. D. Victims in the War of Crime: The Use and Abuse the Victims' Rights.* New York: New York University Press, 2006.
9. *Voskanian R. O. European Practice of Public Procurement. Bulletin of Samara State University of Economics.* 2020. No. 1 (183).
10. *Matorina Iu. N., Fomenko E. V. Legal Foundations of Countering Terrorism. Criminal-Legal and Criminological Aspects: Textbook.* Moscow: Iurait, 2019.
11. *Sebba L. Victim-Driven Criminalization. In Regulating Deviance: The Redirection of Criminalization and the Futures of Criminal Law.* Oxford: Hart Publishing, 2009.

ДЕНЬГИ КАК ОБЪЕКТЫ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2022-0-2-64-70>

В статье исследуются деньги как объекты гражданских прав и их новые формы, которые возникли в условиях цифровизации. Автор констатирует, что в настоящее время в гражданском законодательстве остаются серьезные пробелы, связанные с определением денег как объектов гражданских прав, в доктрине представлено множество зачастую диаметрально противоположных подходов к трактовке правовой сущности денег. Предметом исследования является правовая природа денег как особых объектов гражданских прав, являющихся средоточием частных и публичных интересов. Целью исследования является выявление правовой природы денег с учетом выполняемых ими экономических функций и трансформаций, которые претерпевали формы денег в процессе их эволюции. Методологическую основу исследования образуют комплексный и конкретно-исторический подходы, использованы общенаучные и частнонаучные методы познания, в том числе формально-юридический, историко-логический и другие методы в их различном сочетании. В статье сделан вывод о том, что в деньгах как объектах гражданских прав изначально заложена двойственная правовая природа, им присущи как свойства вещей, так и свойства обязательств, следовательно, для всех форм денег характерен смешанный вещно-обязательственный правовой режим. В условиях цифровизации возникли новые формы денег. Автор приходит к выводу, что к ним относятся электронные денежные средства, а также цифровой рубль, находящийся в процессе становления. Одновременно криптовалюта (цифровая валюта) – это иное имущество, которое не является формой денег.

ЯКОВЛЕВА-ЧЕРНЫШЕВА
Анна Юрьевна

доктор экономических наук, доцент,
профессор кафедры гражданско-
правовых дисциплин Сочинского
филиала Всероссийского
государственного университета
юстиции (РПА Минюста России)
(г. Сочи)

ayach@mail.ru

**Деньги; денежные средства;
валюта;
объекты гражданских прав;
наличные деньги;
безналичные денежные
средства;
электронные денежные
средства;
криптовалюта;
цифровая валюта;
цифровой рубль**

**Anna Yu. YAKOVLEVA-
CHERNYSHEVA**

Doctor of Economic Sciences,
Associate Professor, Professor,
Department of Civil Law Disciplines,
Sochi Branch of All-Russian State
University of Justice (Sochi)
ayach@mail.ru

MONEY AS OBJECTS OF CIVIL RIGHTS IN THE CONDITIONS OF DIGITALIZATION OF THE ECONOMY

The article examines money as objects of civil rights and their new forms that have emerged in the conditions of digitalization. The author states that at present serious gaps remain in civil legislation related to the definition of money as objects of civil rights, the doctrine presents many often diametrically opposed approaches to the interpretation of the legal essence of money. The subject of the study is the legal nature of money as special objects of civil rights, which are the focus of private and public interests. The purpose of the study is to identify the legal nature of money, taking into account the economic functions performed by them and the transformations that the forms of money underwent in the process of their evolution. The methodological basis of the research is formed by complex and concrete historical approaches, general scientific and private scientific methods of cognition are used, including: formal-legal, historical-logical and other methods in their various combinations. The article concludes that money as objects of civil rights initially has a dual legal nature, they have both the properties of things and the properties of obligations, therefore, all forms of money are characterized by a mixed property-obligation legal regime. In the context of digitalization, new forms of money have emerged. The author comes to the conclusion that these include electronic money, as well as the digital ruble, which is in the process of becoming. At the same time, cryptocurrency (digital currency) is another property that is not a form of money.

**Money;
currency;
objects of civil rights;
cash;
non-cash money;
electronic money;
cryptocurrency;
digital currency;
digital ruble**

Важнейшим трендом развития общества на современном этапе является цифровизация всех сфер его жизнедеятельности, причем флагманом революционных трансформаций выступает все более ускоряющийся процесс формирования цифровой экономики. Возникающие и развивающиеся вследствие процессов цифровизации новые экономические отношения требуют закрепления в праве адекватных правовых понятий и институтов, обеспечивающих современный цифровой гражданский оборот. В этих условиях претерпевают изменения доктринальные подходы к определению правовой природы затронутых процессами цифровизации объектов гражданских прав, в том числе денег, постепенно вносятся и соответствующие поправки в законодательство. Современные исследования специалистов в области уголовного права и криминологии только подтверждают необходимость и своевременность разработки понятийно-категориального аппарата в этой сфере [1, с. 51–54; 2, с. 19–24]. Тем не менее вопрос о том, способно ли право ответить на вызовы новой технологической реальности, остается на сегодняшний день открытым. В связи с вышеизложенным дальнейшее исследование проблематики, связанной с определением правовой природы денег, является весьма актуальным.

Согласно ч. 1 ст. 75 Конституции РФ «денежной единицей в Российской Федерации является рубль. Денежная эмиссия осуществляется исключительно Центральным банком Российской Федерации. Введение и эмиссия других денег в Российской Федерации не допускаются» [3]. Данные положения Конституции РФ получили дальнейшее развитие в Гражданском кодексе РФ (далее – ГК РФ) и в ряде федеральных законов.

Статьей 140 ГК РФ установлено, что «рубль является законным платежным средством, обязательным к приему по нарицательной стоимости на всей территории Российской Федерации». Допускается осуществление платежей «путем наличных и безналичных расчетов» [4, с. 103]. В ст. 128 ГК РФ указано, что наличные деньги относятся к вещам, а безналичные денежные средства – к имущественным правам [там же, с. 100].

В указанных статьях ГК РФ используются разные термины: «деньги», «валюта», «наличные деньги», «безналичные денежные средства». Однако не все из указанных понятий раскрыты в законодательстве. Так, в ч. 2 ст. 29 Федерального закона «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» указано, что «банкноты (банковские билеты) и монета Банка России являются единственным законным средством наличного платежа на территории Российской Федерации» [5]. В п. 1 ст. 1 Федерального закона «О валютном регулировании и валютном контроле» следующим образом раскрывается понятие «валюта Российской Федерации»: а) денежные знаки в виде банкнот и монеты Банка России, находящиеся в об-

ращении в качестве законного средства наличного платежа на территории РФ; б) средства на банковских счетах и банковских вкладах [6].

Анализ приведенных выше нормативных правовых актов позволяет сделать вывод, что деньги в юридическом смысле отождествляются с понятием валюты. В таком случае наличные деньги – это банкноты и монеты Банка России, а безналичные денежные средства – это средства на банковских счетах и банковских вкладах. Однако, строго говоря, в российском гражданском законодательстве отсутствует понятие денег как объектов гражданских прав, причем, как было рассмотрено выше, законодатель в ст. 128 ГК РФ использует термины «наличные *деньги*» и «безналичные *денежные средства*». Мы согласны с мнением А. В. Габова, что в данной ситуации было бы логичным введение родового для всех форм денег понятия «денежные средства», тем более что оно достаточно часто используется в законодательстве [7, с. 60]. Однако до сих пор данная проблема остается неурегулированной.

В доктрине, несмотря на то, что деньги как объекты гражданских прав на протяжении довольно длительного периода времени являются предметом исследований цивилистов, единого подхода к трактовке их правовой сущности также не сложилось. Из ст. 128 ГК РФ следует, что наличные деньги и безналичные денежные средства имеют разную правовую природу, но далеко не все ученые разделяют точку зрения законодателя.

Прежде чем рассмотреть существующие подходы к решению данного вопроса, отметим, что деньги являются одной из важнейших экономических категорий. Не случайно в юридической литературе неоднократно высказывалась мысль, что правовые исследования должны осуществляться с учетом функций денег, которые они выполняют в экономике. В частности, Л. А. Лунц, один из классиков российского и советского права, разрабатывавший гражданско-правовую проблематику денег и денежных обязательств, говорил о том, что общее юридическое понятие денег может быть раскрыто лишь на основе анализа функции, выполняемой ими в хозяйственной жизни общества [8, с. 24].

Вместе с тем необходимо учитывать, что экономические и юридические подходы к исследованию понятия «деньги» различны. На это обстоятельство указывал еще Л. С. Эльяссон, который, будучи одновременно экономистом и известным правоведом, сочетал в своих исследованиях глубокое понимание экономической и правовой сущности денег. Так, в монографии «Деньги, банки и банковые операции» он отмечал, что экономисты «обращают исключительно внимание на значение и роль денег в народном хозяйстве, на их функции», а юристы «в своих построениях считаются исключительно с правовыми момен-

тами», определяющими правоотношения, которые непосредственно связаны с деньгами [9, с. 5].

Согласно одной из наиболее распространенных в настоящее время трактовок деньги выполняют в экономике три функции: средства обращения, меры стоимости и средства накопления [10, с. 168–169]. Однако если с точки зрения экономической науки, в качестве денег может быть признано все, что выполняет данные функции, то с точки зрения права – только «то, что в качестве денег прямо указано в законе» [11, с. 133–134]. Данный подход совпадает с трактовкой денег, представленной в учебнике торгового права Г. Ф. Шершеневича, изданном еще в 1919 г. Ученый выделил три экономических свойства денег как «общеупотребительного товара» (мерило ценности всех товаров, орудие их обращения и средство сохранения ценности) и указал на то, что «пользуясь этими экономическими свойствами, государство придает им юридическое свойство – служить законным платежным средством» [12, с. 176].

Следует отметить, что многие авторы, уделяя достаточно большое внимание экономическим, а не только сугубо юридическим аспектам изучения денег, приходят к совершенно разным выводам.

Проведенный анализ показывает, что в юридической литературе представлен целый ряд дискуссионных позиций относительно правовой природы денег. Во-первых, нет единого мнения по вопросу, насколько целесообразно использование термина «денежные средства». Некоторые исследователи полагают, что разделение понятий «деньги» и «денежные средства» целесообразно, другие придерживаются противоположной точки зрения. Во-вторых, ряд ученых считает, что деньги необходимо рассматривать как единый объект гражданских прав, выступающий в разных формах, другие же, в принципе, не высказываются об общем понятии денег, раздельно исследуя формы денег, либо деньги и денежные средства с точки зрения их гражданско-правовой природы.

В результате сложились следующие основные подходы к характеристике правовой сущности денег:

– в первом случае содержащаяся в доктрине трактовка совпадает с законодательством, так как наличные деньги относятся к вещам, а безналичные денежные средства рассматриваются как права требования (денежные обязательства). Такую точку зрения разделяют Е. А. Суханов [13, с. 338], Л. А. Новоселова [14] и ряд других ученых. Любопытно, что в упомянутом выше учебнике торгового права Г. Ф. Шершеневича также проводится различие между формами денег, но с учетом реалий того времени в качестве таких форм выступают металлические и бумажные деньги. Ученый обращает внимание, что первые являются, по сути, слитками драгоценного металла (Россия в тот период перешла к золотой валюте), ценность кото-

рых зависит от его количества, а также на обязательственную природу последних [12, с. 177];

– во втором случае исследователи считают, что все формы денег имеют вещную природу. Эту точку зрения отстаивают К. Т. Трофимов [11, с. 140–141], а также Д. А. Братусь и некоторые другие ученые, предлагающие определять безналичные деньги как «бестелесную вещь» [15, с. 21–23; 16, с. 167–168];

– в третьем случае выдвигается тезис, что деньги во всех своих формах имеют обязательственную природу. Например, по мнению А. В. Турбанова, деньги являются универсальным правом требования [17, с. 71];

– в четвертом случае предлагается компромиссное решение, например, считать, что деньги во всех формах – это имущественные права, разрешая, таким образом, «противоречие между двумя правовыми режимами» [18, с. 383]. Здесь же необходимо упомянуть о позиции Л. Г. Ефимовой, которая рассматривает безналичные деньги как фикцию наличных денег [19, с. 12–19], говоря также о том, что для них характерен «смешанный вещно-обязательственный правовой режим» [20, с. 4].

Таким образом, по итогам проведенного анализа нормативных правовых актов и юридической литературы мы, во-первых, считаем, что на сегодняшний день существует настоятельная необходимость приведения гражданского законодательства в соответствие с объективно существующими общественными отношениями. Понятие «деньги» (либо понятие «денежные средства») должно быть включено в гражданское законодательство как единое родовое понятие для всех форм денег, которые занимают особое место в гражданском обороте и выполняют специфические экономические функции.

Во-вторых, на наш взгляд, необходимо подчеркнуть важную особенность денег. Несмотря на то, что их правовая сущность раскрывается в рамках гражданского (частного) права, для ее определения используются термины финансового (публичного) права. Данная особенность обусловлена тем, что деньги вводятся в гражданский оборот государством и являются средоточием одновременно частных и публичных интересов.

В-третьих, по нашему мнению, в деньгах как объектах гражданских прав изначально заложена двойственная правовая природа, т.е. для них характерны как свойства вещей, так и свойства обязательств (прав требования), что объясняет наличие столь разных подходов к трактовке их правовой сущности. Изначально, когда деньги представляли собой определенные виды товаров (вначале – раковины, шкуры и т.п., затем – металлические деньги, изготавливаемые из благородных металлов), вещная составляющая их правовой природы преобладала, однако с течением времени деньги постепенно трансфор-

мировались. Вначале стоимость металла, из которого изготавливались монеты, перестала соответствовать обозначенному на них номиналу, затем появились банкноты, а еще позже – безналичные, электронные, цифровые деньги, которые нематериальны, что привело, на наш взгляд, к доминированию обязательственной составляющей в правовой природе денег. Данный вывод подтверждает и ч. 1 ст. 30 Федерального закона «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)», согласно которой банкноты и монета Банка России являются его безусловными обязательствами [5]. Следовательно, смешанный вещно-обязательственный правовой режим характерен для всех форм денег.

В условиях сохраняющейся неразрешенности базовых вопросов еще более оживленную дискуссию вызвало появление новых форм денег и иных отождествляемых с деньгами объектов гражданских прав, относительно которых в доктрине нет единого мнения, в том числе: электронных денежных средств, криптовалюты, цифровой валюты. Объединяющим для всех вышеуказанных объектов является то, что их появление и распространение основано на использовании современных информационных технологий. Однако вопрос о том, какова их правовая природа, остается открытым.

Рассмотрим вначале, какие дефиниции даются понятию «электронные денежные средства» в рамках законодательства и в доктрине.

Легальное определение данного понятия содержится в п. 18 ст. 3 Федерального закона «О национальной платежной системе», в котором указано, что это «денежные средства, которые предварительно предоставлены одним лицом (лицом, предоставившим денежные средства) другому лицу, учитывающему информацию о размере предоставленных денежных средств без открытия банковского счета (обязанному лицу), для исполнения денежных обязательств лица, предоставившего денежные средства, перед третьими лицами и в отношении которых лицо, предоставившее денежные средства, имеет право передавать распоряжения исключительно с использованием электронных средств платежа» [21].

В юридической литературе встречаются различные подходы к трактовке правовой природы электронных денежных средств. Например, высказывается мнение, что «электронные деньги являются теми же денежными средствами, которые переводятся в рамках применяемых участниками форм безналичных расчетов» [22, с. 49], т.е. имущественными правами (правами требования). Разница лишь в том, что они могут быть обращены не только к банкам, которые все шире используют технологии электронных денег, но и к другим участникам безналичных расчетов – операторам электронных денежных средств. Более того, граница

между электронными и безналичными денежными средствами на сегодняшний день размыта, так как происходит «соединение данных технологий, можно с банковской карты переводить деньги на электронный кошелек и наоборот» [23, с. 148]. Одновременно другие авторы подчеркивают, что «электронные денежные средства нельзя признать разновидностью безналичных денег, поскольку они не находятся на банковском счете» [24, с. 105], что они не являются объектом гражданских прав, а лишь механизмом «передачи денежных средств от одного лица к другому, минуя использование банковских счетов» [10, с. 170].

На наш взгляд, с точки зрения выполняемых ими экономических функций, т.е., по существу, электронные денежные средства являются одной из форм денег, существующих в виде записей на счетах участников платежного оборота. Кроме того, согласно Федеральному закону «О национальной платежной системе» электронные денежные средства, хотя и учитываются без открытия банковского счета, но исключительно кредитными организациями, уведомившими Банк России в установленном порядке о ведении данной деятельности, имеющими соответствующую лицензию и включенными в перечень операторов электронных денежных средств [21]. Однако в рамках действующего законодательства отнесение электронных денежных средств к безналичным денежным средствам некорректно до тех пор, пока не будут внесены дополнения в легальное определение валюты Российской Федерации, содержащееся в Федеральном законе «О валютном регулировании и валютном контроле» [6]. Следовательно, представляется целесообразным внесение соответствующих изменений в законодательство, что позволит устранить существующее противоречие.

Еще одним относительно новым и увязываемым с деньгами понятием является «криптовалюта». В отличие от электронных денежных средств термин «криптовалюта» на сегодняшний день не упоминается в российском законодательстве. Тем не менее оборот криптовалюты стал объективной реальностью, что обусловило потребность в судебной защите прав ее владельцев и появление соответствующей судебной практики. Мы согласны с высказываемым в литературе мнением, что криптовалюта может рассматриваться как иное имущество, поскольку отсутствие в ст. 128 ГК РФ «какого-либо объекта не означает, что права на этот объект не подлежат судебной защите» [22, с. 50]. Тем не менее вышеуказанное обстоятельство не говорит о том, что криптовалюта является одной из форм денег, хотя бы потому, что согласно ст. 140 ГК РФ деньгами признаются объекты, являющиеся законным платежным средством. Как известно, в РФ законным платежным средством является рубль, а также в особо оговоренных законом случаях допускается использование иностранной валюты.

Однако законодатель еще больше запутал ситуацию, поскольку ввиду объективно существующей потребности правового регулирования криптовалюты, ввел понятие «цифровая валюта». Легальное определение цифровой валюты содержится в ст. 1 Федерального закона «О цифровых финансовых активах...» (далее – Закона о ЦФА) [25]. Исходя из указанного определения цифровая валюта: во-первых, представляет собой совокупность электронных данных (цифрового кода или обозначения), содержащихся в информационной системе; во-вторых, предлагается и (или) может быть принята в качестве средства платежа, не являющегося денежной единицей РФ, иностранного государства и (или) международной денежной или расчетной единицей; в-третьих, предлагается и (или) может быть принята в качестве инвестиций; в-четвертых, в ее отношении отсутствует лицо, обязанное перед каждым обладателем таких электронных данных, за исключением оператора и (или) узлов информационной системы, которые обязаны обеспечивать соответствие порядка выпуска этих электронных данных и внесения (изменения) записей в такую информационную систему ее правилам.

Вызывает вопрос обоснованность использования термина «цифровая валюта» по отношению к объектам, которые в силу данного им определения не являются денежными единицами, а также с учетом особенностей выпуска и оборота не могут полноценно выполнять ни одной из экономических функций денег. Более того, п. 5 ст. 14 Закона о ЦФА установлен запрет для юридических и физических лиц на принятие цифровой валюты в качестве встречного предоставления за передаваемые товары, выполняемые работы, оказываемые услуги или иного способа, позволяющего предполагать оплату цифровой валютой товаров (работ, услуг). Также п. 6 указанной статьи установлено, что судебная защита предоставляется обладателю цифровой валюты только при условии надлежащего информирования налоговых органов о фактах обладания и о совершении гражданско-правовых сделок. Следовательно, цифровая валюта в трактовке Закона о ЦФА однозначно не может рассматриваться как форма денег. Исходя из действующей редакции ГК РФ, ряда статей рассматриваемого Федерального закона¹ и судебной практики она относится к иному имуществу. Однако в целом можно констатировать, что в российском законодательстве и доктрине правовой статус цифровой валюты, рас-

сматриваемой в качестве легального названия криптовалюты, не определен.

Наконец, последней из появляющихся на современном этапе и находящейся пока что на этапе становления форм денег является цифровой рубль. Согласно одноименному докладу, предложенному Банком России для общественных консультаций в октябре 2020 г., цифровой рубль призван стать «дополнительной формой денег», эмитируемой Банком России и объединяющей в себе «свойства и преимущества наличных и безналичных денег» [26, с. 5–6]. Наряду с термином «цифровой рубль» в упомянутом докладе используется синоним «цифровая валюта центрального банка». По нашему мнению, последний термин вряд ли можно считать удачным, так как выше было рассмотрено, что цифровая валюта в том смысле, который в нее вложен Законом о ЦФА, не предназначена для использования в качестве законного платежного средства.

Таким образом, по итогам проведенного исследования можно сделать следующие основные выводы:

1. В российском законодательстве на сегодняшний день отсутствует легальное понятие денег как объектов гражданских прав. На наш взгляд, очевидно, что необходимо внесение в законодательство изменений, которые позволят четко определить деньги (или денежные средства) как родовое понятие всех существующих форм денег, которые занимают особое место в гражданском обороте и выполняют специфические экономические функции.

2. Важной особенностью денег является то, что они вводятся в гражданский оборот государством и являются средоточием одновременно частных и публичных интересов. В связи с этим, хотя правовая сущность денег раскрывается в рамках гражданского (частного) права, для ее определения используются термины финансового (публичного) права.

3. В доктрине не сложилось единой трактовки правовой сущности денег. Все существующие точки зрения можно условно разделить на четыре подхода: 1) наличные деньги имеют вещную природу, а безналичные денежные средства – обязательственную; 2) деньги имеют вещную природу; 3) деньги имеют обязательственную природу; 4) деньги имеют смешанную вещно-обязательственную природу. По нашему мнению, в деньгах как объектах гражданских прав изначально заложена двойственная правовая природа, поскольку для них характерны как свойства вещей, так и свойства обязательств (прав требования), и это объясняет наличие столь разных подходов к ее пониманию. Мы считаем, что с учетом тех трансформаций, которые претерпели формы денег в ходе их эволюции, в современных условиях доминирует обязательственная составляющая. Тем не менее двойственная правовая природа денег сохраняется. В связи с этим

¹ К примеру, Законом о ЦФА установлено, что цифровая валюта признается имуществом для целей Федерального закона «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» (ст. 17); Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» (ст. 19); Федерального закона «Об исполнительном производстве» (ст. 21) и др.

для всех форм денег характерен смешанный вещно-обязательственный правовой режим.

4. На современном этапе развития общественных отношений в условиях цифровизации экономики появляются новые формы денег и иных объектов гражданских прав, которые в силу используемой терминологии нередко отождествляются с деньгами, но таковыми не являются. Их правовая природа также является предметом научных дискуссий. В частности, на основе проведенного анализа мы пришли к выводу, что электронные денежные средства являются одной из форм денег, причем они могут быть прямо отнесены к безналич-

ным денежным средствам в случае внесения дополнений в легальное определение валюты РФ, содержащееся в Федеральном законе «О валютном регулировании и валютном контроле»; криптовалюта может рассматриваться как иное имущество, однако она не является законным платежным средством и соответственно формой денег, то же самое относится к понятию цифровой валюты в том смысле, который вложен в него в Законе о ЦФА; наконец, в процессе становления еще одна форма денег – цифровой рубль, который по замыслу Банка России объединит свойства и преимущества наличных денег и безналичных денежных средств.

Пристатейный библиографический список

1. *Фоменко Е. В.* Цифровые активы как предмет подкупа : отдельные проблемы законодательного закрепления и правоприменительной практики // *Законы России : опыт, анализ, практика.* 2020. № 7.
2. *Фоменко Е. В.* Подкуп в цифре : вопросы правового регулирования // *Цифровизация рыночных отношений : вопросы экономики и права : сборник научных трудов II Всероссийской научно-практической конференции / отв. ред. Б. В. Яценко.* М. : Проспект, 2021.
3. Конституция РФ (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
4. Гражданский кодекс Российской Федерации. Части первая, вторая, третья, четвертая. М. : Проспект, 2021.
5. Федеральный закон от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» // СПС «КонсультантПлюс».
6. Федеральный закон от 10 декабря 2003 г. № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле» // СПС «КонсультантПлюс».
7. *Габов А. В.* Цифровой рубль Центрального банка как объект гражданских прав // *Актуальные проблемы российского права.* 2021. Т. 16. № 4 (125).
8. *Лунц Л. А.* Деньги и денежные обязательства в гражданском праве. М. : Статут, 2004.
9. *Эльясон Л. С.* Деньги, банки и банковые операции. М. : Экономическая жизнь, 1926.
10. *Чурилов А. Ю.* Деньги и денежные обязательства на современном этапе развития экономики // *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского.* 2020. № 4.
11. *Трофимов К. Т.* Правовая природа денег. Очерк сравнительного правоведения // *Ленинградский юридический журнал.* 2007. № 2 (8).
12. *Шершеневич Г. Ф.* Учебник торгового права. М. : Московское научное издательство, 1919.
13. *Гражданское право : учебник : в 4 т. Т. 1 : Общая часть / отв. ред. Е. А. Суханов.* 2-е изд., перераб. и доп. М. : Статут, 2019.
14. *Новоселова Л. А.* О правовой природе средств на банковских счетах // *Хозяйство и право.* 1996. № 7.
15. *Братусь Д. А.* Институт «бестелесных» вещей в гражданском праве // *Юрист.* 2004. № 2.
16. *Сидорова В. Н.* Деньги и денежные обязательства как проблема теории современного гражданского права // *Экономика и бизнес : теория и практика.* 2018. № 9.
17. *Турбанов А. В.* Понятие денег в эпоху цифровизации // *Актуальные проблемы российского права.* 2021. № 6 (127).
18. *Гаврилюк Р. В., Носаненко Г. Ю., Гаврилюк А. Р.* Понятие «деньги» в современной экономике и юриспруденции // *Балтийский гуманитарный журнал.* 2021. № 3 (36).
19. *Ефимова Л. Г.* Некоторые аспекты правовой природы криптовалют // *Юрист.* 2019. № 3.
20. *Ефимова Л. Г.* Банковские сделки (актуальные проблемы) : автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2000.
21. Федеральный закон от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» // СПС «КонсультантПлюс».
22. *Янковский Р. М.* Криптовалюты в российском праве: суррогаты, «иное имущество», и цифровые деньги // *Право. Журнал высшей школы экономики.* 2020. № 4.

23. *Полуосьмак И. А.* Правовая природа электронных денег и особенности законодательства // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. № 6-3 (45).
24. *Казаченок О. П.* Электронные денежные средства как новый объект гражданских прав в российском и международном праве : ограничение оборотоспособности и перспективы правового регулирования // Евразийская адвокатура. 2019. № 1 (38).
25. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «Консультант-Плюс».
26. Доклад «Цифровой рубль» // Банк России : сайт. URL: https://cbr.ru/StaticHtml/File/112957/Consultation_Paper_201013.pdf (дата обращения: 07.03.2022).

References

1. *Fomenko E. V.* Digital Assets as a Subject of Bribery: Some Problems of Legislative Consolidation and Law Enforcement Practice. *Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice*. 2020. No. 7.
2. *Fomenko E. V.* Bribery in Digital: Issues of Legal Regulation. In *Iatselenko B. V. (ed.)*. Digitalization of Market Relations: Issues of Economics and Law: Collection of Scientific Papers of the II All-Russian Scientific and Practical Conference. Moscow: Prospekt, 2021.
3. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12 December 1993 with changes approved during the nationwide vote on 1 July 2020) (SPS "ConsultantPlus").
4. Civil Code of the Russian Federation. Parts One, Two, Three, Four. Moscow: Prospekt, 2021.
5. Federal Law of 10 July 2002 No. 86-FZ "On the Central Bank of the Russian Federation (Bank of Russia)" (SPS "ConsultantPlus").
6. Federal Law of 10 December 2003 No. 173-FZ "On Currency Regulation and Currency Control" (SPS "ConsultantPlus").
7. *Gabov A. V.* Digital Ruble of the Central Bank as an Object of Civil Rights. *Actual Problems of Russian Law*. 2021. Vol. 16. No. 4 (125).
8. *Lunts L. A.* Money and Monetary Obligations in Civil Law. Moscow: Statut, 2004.
9. *Eliasson L. S.* Money, Banks and Banking Operations. Moscow: Ekonomicheskaja zhizn', 1926.
10. *Churilov A. Iu.* Money and Monetary Obligations at the Present Stage of Economic Development. *Bulletin of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod*. 2020. No. 4.
11. *Trofimov K. T.* Legal Nature of Money. Essay on Comparative Law. *Leningrad Legal Journal*. 2007. No. 2 (8).
12. *Shershenevich G. F.* Textbook of Commercial Law. Moscow: Moscow Scientific Publishing House, 1919.
13. *Sukhanov E. A. (ed.)*. Civil Law: Textbook. In 4 vols. Vol. 1: General Part. 2nd ed. Moscow: Statut, 2019.
14. *Novoselova L. A.* On the Legal Nature of Funds in Bank Accounts. *Economy and Law*. 1996. No. 7.
15. *Bratus D. A.* Institute of "Incorporeal" Things in Civil Law. *Lawyer*. 2004. No. 2.
16. *Sidorova V. N.* Money and Monetary Obligations as a Problem of the Theory of Modern Civil Law. *Economics and Business: Theory and Practice*. 2018. No. 9.
17. *Turbanov A. V.* The Concept of Money in the Era of Digitalization. *Actual Problems of Russian Law*. 2021. No. 6 (127).
18. *Gavriliuk R. V., Nosanenko G. Iu., Gavriliuk A. R.* The Concept of "Money" in Modern Economics and Jurisprudence. *Baltic Humanitarian Journal*. 2021. No. 3 (36).
19. *Efimova L. G.* Some Aspects of the Legal Nature of Cryptocurrencies. *Lawyer*. 2019. No. 3.
20. *Efimova L. G.* Banking Transactions (Actual Problems): Synopsis of a Thesis for a Doctor Degree in Law Sciences. Moscow, 2000.
21. Federal Law of 27 June 2011 No. 161-FZ "On the National Payment System" (SPS "ConsultantPlus").
22. *Iankovskii R. M.* Cryptocurrencies in Russian Law: Surrogates, "Other Property", and Digital Money // *Law. Journal of Higher School of Economics*. 2020. No. 4.
23. *Poluosmak I. A.* Legal Nature of Electronic Money and Peculiarities of Legislation. *International Journal of the Humanities and Natural Sciences*. 2020. No. 6-3 (45).
24. *Kazachenok O. P.* Electronic Money as a New Object of Civil Rights in Russian and International Law: Limitation of Turnover and Prospects for Legal Regulation. *Eurasian Advocacy*. 2019. No. 1 (38).
25. Federal Law of 31 July 2020 No. 259-FZ "On Digital Financial Assets, Digital Currency and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" (SPS "ConsultantPlus").
26. Report "Digital Ruble". URL: https://cbr.ru/StaticHtml/File/112957/Consultation_Paper_201013.pdf (date of the application: 07.03.2022).

ИНФРАСТРУКТУРА ПОДДЕРЖКИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА: ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2022-0-2-71-75>

Современная экономическая ситуация в России, обусловленная санкциями зарубежных недружественных государств, влечет за собой трансформацию в сфере предпринимательства, а именно перестройку рынка, логистики, внешнеэкономических связей, банковских расчетов и т.п. Особую роль приобретает у участников экономической деятельности востребованность механизма поддержки предпринимательства. Для этого необходимо уяснение понятия и сущности инфраструктуры поддержки предпринимательства, так как нет ясности по поводу этой категории в доктрине, законодательстве и правоприменительной практике. Целью настоящего исследования является выработка концептуального понятия инфраструктуры и инфраструктуры поддержки предпринимательства. В исследовании проведен общетеоретический анализ с учетом зарубежного и отечественного опыта категории «инфраструктура». Изучены элементы инфраструктуры поддержки предпринимательства и отношения, которые возникают между субъектами инфраструктуры поддержки предпринимательства. Объектом исследования стали общественные отношения, возникающие при поддержке предпринимательства. Предметом исследования выступили нормы нормативных правовых актов, регулирующих развитие предпринимательства в России. Теоретико-методологическую основу работы составили труды зарубежных и отечественных ученых, затрагивающие различные аспекты инфраструктуры, в том числе инфраструктуры поддержки предпринимательства. В ходе исследования использовались как общенаучные, так и частные и специальные методы. В результате проведенного исследования автор пришел к следующим выводам: инфраструктура как объект правового регулирования представляет систему общественных отношений, складывающихся по обслуживанию производственной и непроизводственной сферы субъектами юридических и физических лиц в целях обеспечения жизнедеятельности общества, государства и личности. Инфраструктура поддержки предпринимательства – это система общественных отношений, складывающихся в финансовой, информационной, консультационной, образовательной и инновационной сферах поддержки предпринимательства субъектами юридических и физических лиц, зарегистрированных в установленном порядке и осуществляющих деятельность по закупке товаров, оказанию услуг и выполнению работ путем заключения гражданско-правовых договоров.

ГУЩИН
Василий Васильевич

доктор юридических наук,
профессор, профессор
кафедры гражданского
и предпринимательского права
Российской государственной
академии интеллектуальной
собственности (г. Москва)
gvv100@bk.ru

**Инфраструктура;
инфраструктура поддержки
предпринимательства;
объект правового
регулирования;
меры поддержки
предпринимательства;
субъекты поддержки
предпринимательства;
функции инфраструктуры
поддержки
предпринимательства;
инновационная деятельность;
договор**

Vasily V. GUSHCHIN

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Department of Civil and Business
Law, Russian State Academy
of Intellectual Property
(Moscow)
gvv100@bk.ru

**ENTREPRENEURSHIP SUPPORT INFRASTRUCTURE:
CONCEPT AND ESSENCE**

The current economic situation in Russia, caused by the sanctions of foreign unfriendly states, entails a transformation in the field of entrepreneurship, namely the restructuring of the market, logistics, foreign economic relations, bank settlements, etc. A special role is being played by the participants of economic activity by the demand for a mechanism to support entrepreneurship. To do this,

**Infrastructure;
entrepreneurship support
infrastructure;
object of legal regulation;
entrepreneurship support
measures;
entrepreneurship support
entities;
entrepreneurship support
infrastructure functions;
innovation activity;
contract**

it is necessary to clarify the concept and essence of entrepreneurship support infrastructure, since there is no clarity on this category in doctrine, legislation and law enforcement practice. The purpose of this study is to develop a conceptual concept of infrastructure and entrepreneurship support infrastructure. The study carried out a general theoretical analysis taking into account the foreign and domestic experience of the category "infrastructure". The elements of the entrepreneurship support infrastructure and the relations that arise between the subjects of the support infrastructure are studied entrepreneurship. The object of the study was social relations arising with the support of entrepreneurship. The subject of the study was the norms of regulatory legal acts regulating the development of entrepreneurship in Russia. The theoretical and methodological basis of the work was made up of the works of foreign and domestic scientists dealing with various aspects of infrastructure, including the infrastructure of entrepreneurship support. The research used general scientific, as well as private and special methods. As a result of the conducted research, the author came to the following conclusions. Infrastructure as an object of legal regulation represents a system of public relations that are formed to serve the industrial and non-industrial sphere by subjects of legal entities and individuals, in order to ensure the vital activity of society, the state and the individual. Entrepreneurship support infrastructure is a system of public relations that develops in the financial, information, consulting, educational and innovative spheres of entrepreneurship support by entities of legal entities and individuals registered in accordance with the established procedure and carrying out activities for the purchase of goods, provision of services and performance of works by concluding civil law contracts.

1. Прежде чем анализировать инфраструктуру поддержки бизнеса, необходимо рассмотреть представленные в литературе взгляды на понятие инфраструктуры. Без четкого и общепринятого определения инфраструктуры нельзя серьезно проанализировать инфраструктуру поддержки бизнеса.

Инфраструктура в современных условиях выступает тем экономическим базисом, который влияет на развитие бизнеса в России. В то же время инфраструктура существенно влияет на обороноспособность и экономическую безопасность нашей страны.

2. Теоретические взгляды на понятие «инфраструктура». В экономической теории первоначально термин «инфраструктура» отсутствовал. Существенную роль играло понятие «капитал» [1; 2, с. 256–270; 3].

В научной литературе данный термин главным образом используется экономистами.

В «Словаре иностранных слов» инфраструктура представляет собой составные части общего устройства экономической и политической жизни, носящие подчиненный, вспомогательный характер и обеспечивающие нормальную деятельность экономической или политической системы в целом [4, с. 208].

В 50-х гг. XX в. экономист Пауль Розенштейн-Родан выделяет инфраструктуру в отдельное понятие [5].

В 60-х гг. XX в. понятие «инфраструктура» уже широко используется в экономической литературе [6].

Здесь необходимо отметить, что до настоящего времени единого понимания в зарубежной и отечественной литературе данный институт не получил.

Одни авторы определяют инфраструктуру как материальные, институциональные и личные средства, включая в содержание инфраструктуры и информацию, доступную предпринимателям [7].

Другие рассматривают инфраструктуру как материальные средства, но только государственного сектора экономики [8, р. 1176–1196].

Экономисты Всемирного банка в инфраструктуру включают капитал и услуги, под которыми понимают государственное вмешательство в предпринимательскую деятельность [9].

Третьи авторы под инфраструктурой понимают только активы [10].

Отечественные авторы инфраструктуру рассматривают с аналогичных позиций, т.е. инфраструктура – это комплекс отраслей, комплекс условий или сфера поставок и т.п. [11; 12, с. 5–21; 13; 14; 15, с. 357–361; 16; 17].

В понятии «инфраструктура» выделяют социальную и производственную инфраструктуру.

В производственную инфраструктуру входят отрасли хозяйственной деятельности, сооружения, здания, службы, необходимые для функционирования предпринимательства [18; 19].

Социальная инфраструктура состоит из социальных институтов, таких как здравоохранение, образование и т.д. [20].

Данный анализ понятия «инфраструктура» позволяет инфраструктуру представить в виде ряда элементов, институтов, сооружений, организаций, а также видов деятельности субъектов в целях обеспечения

жизнедеятельности общества, государства и личности. Иными словами, инфраструктура – это фундамент развития социальной и экономической деятельности государства и гражданского общества. Поэтому развитие социальной и экономической деятельности государства влечет за собой и развитие инфраструктуры.

В то же время инфраструктура выступает и объектом правового регулирования, так как нормы права способствуют эффективному функционированию организаций, объединений, в том числе государственных, которые осуществляют поддержку предпринимательства и тем самым обеспечивают жизнедеятельность общества, государства и личности. Поддержку предпринимательства осуществляют и частные лица. Организации, объединения, частные лица в данном случае рассматриваются как субъекты юридических и физических лиц.

В этой связи инфраструктура как объект правового регулирования представляет собой систему общественных отношений, складывающихся по обслуживанию производственной и непроизводственной сферы субъектами юридических и физических лиц в целях обеспечения жизнедеятельности общества, государства и личности.

3. Инфраструктура поддержки предпринимательства – важнейший сегмент развития экономики России в условиях санкционной политики недружественных государств.

В юридической и экономической литературе, а также в законодательстве используется термин «инфраструктура поддержки малого и среднего предпринимательства». Понятие «инфраструктура поддержки малого и среднего предпринимательства» дается в Федеральном законе от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» (далее – Закон).

Инфраструктура поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства является системой коммерческих и некоммерческих организаций, которые создаются, осуществляют свою деятельность или привлекаются в качестве поставщиков (исполнителей, подрядчиков) для осуществления закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд при реализации государственных программ (подпрограмм) РФ, государственных программ (подпрограмм) субъектов РФ, муниципальных программ (подпрограмм), обеспечивающих условия для создания субъектов малого и среднего предпринимательства, и для оказания им поддержки (ч. 1 ст. 15 Закона).

В данном понятии в качестве основном элемента инфраструктуры поддержки предпринимательства рассматриваются коммерческие и некоммерческие организации. В ч. 2 ст. 15 Закона перечислены организации, по поддержке предпринимательства.

В частности, к ним относятся: центры и агентства по развитию предпринимательства, консультационные центры; различные фонды поддержки предпринимательства; технопарки и научные парки; бизнес-инкубаторы и др. Но в этом перечне ничего не говорится о государстве, в лице уполномоченных органов и частных лицах, которые оказывают существенную поддержку бизнесу. Например, организациям, образующих инфраструктуру поддержки предпринимательства, органы государственной власти РФ, органы государственной власти субъектов РФ, органы местного самоуправления, оказывают по всем направлениям существенную поддержку, тем самым реализуя федеральные, региональные и муниципальные программы (подпрограммы) [21], а также используя государственно-частное партнерство.

К этим организациям предъявляются соответствующие требования, которые устанавливаются на федеральном уровне Минэкономразвития России; на региональном уровне требования устанавливаются органами государственной власти субъектов РФ; на муниципальном уровне требования устанавливаются органами местного самоуправления.

Таким образом, под инфраструктурой поддержки предпринимательства можно понимать систему субъектов юридических и физических лиц, деятельность которых направлена на развитие бизнеса.

Деятельность данных субъектов связана с реализацией функций по оказанию финансовых, страховых, информационно-коммуникационных, аудиторских, юридических, консалтинговых, маркетинговых, образовательных и иных услуг, обеспечению научно-технической поддержки предпринимательской деятельности.

В условиях сегодняшних санкций, наложенных на Россию, в сфере предпринимательства происходят существенные изменения. Да и сама Россия меняется. В этой связи необходима трансформация в сфере предпринимательства, а именно перестройка рынка, логистики, внешнеэкономических связей, банковских расчетов и т.п.

Правительство РФ принимает меры поддержки бизнеса: налоговые льготы, льготы по кредиту, приостановка налоговых проверок, мораторий на банкротство и т.д. [22].

Существенная поддержка оказывается отдельным отраслям, например предприятиям в IT-сфере.

В то же время значительные изменения должны произойти в инновационной сфере, где должен использоваться целый комплекс научных, технических, технологических, организационных, финансовых и коммерческих мероприятий, которые и приведут к эффективному развитию предпринимательства в России [23].

Особую роль в этой сфере играют результаты интеллектуальной деятельности, которые приведут

к расширению, обновлению и улучшению качества выпускаемой продукции (товаров, услуг, работ), использованию цифровых технологий их производства. Общественные отношения, возникающие в сфере интеллектуальных прав, опосредованы гражданско-правовыми договорами (например, договоры подряда на выполнение проектных и изыскательских работ, договоры на выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ, договоры об отчуждении исключительных прав, лицензионные договоры, опционные соглашения, договоры коммерческой концессии, договоры доверительного управления имуществом, инвестиционные договоры, договоры о залоге исключительного права на результат интеллектуальной деятельности или на средство индивидуализации, государственный или муниципальный контракт на выполнение работ для государственных и муниципальных нужд (ст. 763–768, 778, 1298, 1373, 1432, 1464, 1471 Гражданского кодекса РФ)).

Подводя итог, важно отметить, что субъекты, образующие инфраструктуру поддержки предпринимательства, осуществляют специфические фактические и юридические действия, направленные на финансовую, информационную, консультационную, образовательную, инновационную поддержки, основанные на нормативных правовых актах и договорах.

Проведенный анализ инфраструктуры поддержки предпринимательства позволяет выделить следующие ее признаки:

– инфраструктура поддержки предпринимательства включает систему субъектов юридических и физических лиц, осуществляющих специфические действия, направленные на финансовую, информационную, консультационную, образовательную и инновационную поддержки предпринимательства;

– субъекты юридических и физических лиц, входящие в инфраструктуру поддержки предпринимательства, должны быть зарегистрированы в установленном государством порядке;

– инфраструктура поддержки предпринимательства характеризуется отношениями взаимодействия, согласования, а также координации, которые носят публично-правовой и частноправовой характер;

– субъекты инфраструктуры поддержки предпринимательства осуществляют деятельность по закупке товаров, оказанию услуг и выполнению работы на основании нормативных правовых актов и договоров.

Вышеуказанные признаки позволяют инфраструктуру поддержки предпринимательства определить как систему общественных отношений, складывающихся в финансовой, информационной, консультационной, образовательной и инновационной сферах поддержки предпринимательства субъектами юридических и физических лиц, зарегистрированных в установленном порядке и осуществляющих деятельность по закупке товаров, оказанию услуг и выполнению работ путем заключения гражданско-правовых договоров.

Пристатейный библиографический список

1. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 46. Ч. 2 : [Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов]. М. : Политиздат, 1968.
2. Маршалл А. Принципы экономической науки. Т. 1. М. : Прогресс, 1993.
3. Hirschman A. O. The Strategy of Economic Development. 2nd ed. New Haven ; London : Yale University Press, 1961.
4. Словарь иностранных слов. 15-е изд., испр. М. : Русский язык, 1988.
5. Pioneers in Development / Ed. by G. Meier, D. Seers. New York : Oxford University Press for the World Bank, 1984.
6. Buhr W. What Is Infrastructure? // EconStor : сайт. URL: <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/83199/1/107-03.pdf> (дата обращения: 21.02.2022).
7. Theorie der Infrastruktur: Grundlagen der marktwirtschaftlichen Entwicklung / Hrsg. von R. Jochimsen. Tübingen : J.C.B. Mohr, 1966.
8. Gramlich E. Infrastructure Investment: A Review Essay // Journal of Economic Literature. 1994. Vol. 32 (3).
9. Prud'homme R. Infrastructure and Development. Washington, D.C. : The World Bank, 2004.
10. Baldwin J. R., Dixon J. Infrastructure Capital: What Is It? Where Is It? How Much of It Is There? // CiteSeerX : сайт. URL: <https://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.607.5934&rep=rep1&type=pdf> (дата обращения: 21.02.2022).
11. Азрилиян А. Н. Большой экономический словарь. 5-е изд. М. : Институт новой экономики, 2002.
12. Гольц Г. А. Инфраструктура и общество : принципы стратегии определяющего развития России // Экономическая наука современной России. 2002. № 2.
13. Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш. Словарь современных экономических терминов. М. : Айрис-Пресс, 2008.
14. Микроэкономика : практический подход : учебник / под ред. А. Г. Грязновой, А. Ю. Юданова. М. : Кнорус, 2004.

15. Сулова Ю. Ю. Методические подходы к исследованию рыночной инфраструктуры как фактора общественного разделения труда // Проблемы современной экономики. 2007. № 3 (23).
16. Алаев Э. Б. Экономико-географическая терминология. М. : Мысль, 1977.
17. Кузнецова А. И. Инфраструктура : вопросы теории, методологии и прикладные аспекты современного инфраструктурного обустройства. Геоэкономический подход. 3-е изд. М. : КомКнига, 2013.
18. Прохоров А. М. Российский энциклопедический словарь. М. : Большая российская энциклопедия, 2001. Кн. 1.
19. Селезнев А. З. Конкурентные позиции и инфраструктура рынка России. М. : Юрист, 1999.
20. Осипов Г. В. Социологический энциклопедический словарь. М. : НОРМА ; ИНФРА-М, 1998.
21. Стратегия развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации на период до 2030 года, утв. распоряжением Правительства РФ от 2 июня 2016 г. № 1083-р // СПС «КонсультантПлюс».
22. Обзор: «Антикризисные меры: обзор последних новостей» // СПС «КонсультантПлюс».
23. Правовое обеспечение реализации национальных проектов социально-экономического развития России до 2030 года. М. : Проспект, 2021.

References

1. Marx K., Engels F. Works. Vol. 46. Part 2: [Marx K. Economic Manuscripts 1857–1859]. Moscow: Politizdat, 1968.
2. Marshall A. Principles of Economic Science. Vol. 1. Moscow: Progress, 1993.
3. Hirschman A. O. The Strategy of Economic Development. 2nd ed. New Haven; London: Yale University Press, 1961.
4. Dictionary of Foreign Words. 15th ed. Moscow: Russkii iazyk, 1988.
5. Meier G., Seers D. (eds.). Pioneers in Development. New York: Oxford University Press for the World Bank, 1984.
6. Buhr W. What Is Infrastructure? URL: <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/83199/1/107-03.pdf> (date of the application: 21.02.2022).
7. Jochimsen R. (ed.). Theorie der Infrastruktur: Grundlagen der marktwirtschaftlichen Entwicklung. Tübingen: J.C.B. Mohr, 1966.
8. Gramlich E. Infrastructure Investment: A Review Essay. *Journal of Economic Literature*. 1994. Vol. 32 (3).
9. Prud'homme R. Infrastructure and Development. Washington, D.C.: The World Bank, 2004.
10. Baldwin J. R., Dixon J. Infrastructure Capital: What Is It? Where Is It? How Much of It Is There? URL: <https://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.607.5934&rep=rep1&type=pdf> (date of the application: 21.02.2022).
11. Azriliian A. N. Big Economic Dictionary. 5th ed. Moscow: Institute of New Economics, 2002.
12. Golts G. A. Infrastructure and Society: The Principles of the Strategy of Determining the Development of Russia. *Economic Science of Modern Russia*. 2002. No. 2.
13. Raizberg B. A., Lozovskii L. Sh. Dictionary of Modern Economic Terms. Moscow: Iris-Press, 2008.
14. Griaznova A. G., Iudanov A. Iu. (eds.). Microeconomics: A Practical Approach: Textbook. Moscow: Knorus, 2004.
15. Suslova Iu. Iu. Methodological Approaches to the Study of Market Infrastructure as a Factor in the Social Division of Labor. *Problems of the Modern Economy*. 2007. No. 3 (23).
16. Alaev E. B. Economic and Geographical Terminology. Moscow: Mysl, 1977.
17. Kuznetsova A. I. Infrastructure: Issues of Theory, Methodology and Applied Aspects of Modern Infrastructure Development. Geoeconomic Approach. 3rd ed. Moscow: Komkniga, 2013.
18. Prokhorov A. M. Russian Encyclopedic Dictionary. Moscow: Great Russian Encyclopedia, 2001. Book 1.
19. Seleznev A. Z. Competitive Positions and Infrastructure of the Russian Market. Moscow: Iurist, 1999.
20. Osipov G. V. Sociological Encyclopedic Dictionary. Moscow: Norma; Infra-M, 1998.
21. Strategy for the Development of Small and Medium-Sized Businesses in the Russian Federation for the Period up to 2030, approved by Decree of the Government of the Russian Federation of 2 June 2016 No. 1083-R (SPS "ConsultantPlus").
22. Review: "Anti-Crisis Measures: A Review of the Latest News" (SPS "ConsultantPlus").
23. Legal Support for the Implementation of National Projects for the Socio-Economic Development of Russia Until 2030. Moscow: Prospekt, 2021.

ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ПРАВОМ В ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ: КОРРЕЛЯЦИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2022-0-2-76-84>

Злоупотребление правом активно исследуется отечественными учеными. Но многообразие работ так и не привело к исчерпывающему нормативно-правовому регулированию данного явления и единообразному решению споров, касающихся злоупотребления правом. Наиболее острой является проблема правового регулирования недопущения злоупотребления правом в трудовых отношениях. Данная проблема недостаточно проработана с научной точки зрения. В трудовом законодательстве вообще нет соответствующих норм, в связи с чем нормы гражданского законодательства применяются по аналогии. Вместе с тем суды сформировали обширную практику признания формально законных действий работников и работодателей недобросовестными и нарушающими принцип недопустимости злоупотребления правом. Таким образом, актуальность настоящей работы заключается в попытке восполнить пробелы трудового законодательства на основе изучения судебной практики. Предметом работы выступают случаи, когда в трудовых и непосредственно связанных с трудовыми отношениями сторонами недобросовестно используют свои права. Цель данной работы заключается в выявлении на основе анализа судебной практики случаев, признаваемых злоупотреблением правом в трудовых отношениях. Научная новизна выражается в сформулированных предложениях по внесению изменений в Трудовой кодекс РФ в части закрепления в нем понятия и содержания термина «злоупотребление правом в трудовых отношениях». Исследование проводилось на основе методов сравнительного анализа и синтеза, структурно-функционального анализа, формально-юридического анализа, а также общенаучных методов познания. В результате проведенного исследования установлено, что суды признают злоупотреблением правом со стороны работника случаи, когда он: скрывает временную нетрудоспособность или членство в профсоюзе с целью оспорить увольнение по инициативе работодателя, скрывает инвалидность с целью потребовать в дальнейшем компенсацию за переработку, требует предоставить отпуск по уходу за ребенком, чтобы избежать увольнения за виновные действия, представляет работодателю подложное заявление об увольнении. К случаям злоупотребления правом со стороны работодателя суды относят: заполнение вакансий перед проведением процедуры сокращения работников, необоснованное применение к работнику нескольких взысканий в течение короткого промежутка времени, а также включение в дополнительное соглашение к трудовому договору слишком высокой компенсации за его расторжение. В завершение работы предлагается дополнить Трудовой кодекс РФ ст. 22.4, в которой было бы закреплено понятие и содержание злоупотребления правом в трудовых отношениях. Представляется, что предлагаемые нововведения способствовали бы устранению правовой неопределенности при юридической квалификации действия (бездействия) работодателя и работника как злоупотребления правом. Материалы настоящей статьи могут быть использованы для дальнейших научных исследований и совершенствования законодательства в указанной сфере.

**ЛЮТАРЕВИЧ-ГЕФТЕР
Юлия Александровна**

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского процесса, публично-правовой деятельности и организации службы судебных приставов Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (г. Москва)

gefter.84@list.ru

**Злоупотребление правом
в трудовом правоотношении;
недобросовестность работника;
недобросовестность
работодателя**

Yulia A. LYUTAREVICH-GEFTER

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor, Department of
Civil Procedure, Public Law Activity
and Organization of the Bailiff
Service, All-Russian State University
of Justice (Moscow)
gefter.84@list.ru

**Abuse of the right in labor
relations;
dishonesty of the employee;
dishonesty of the employer**

**ABUSE OF THE RIGHT IN LABOR RELATIONS:
CORRELATION OF LEGISLATION AND JUDICIAL PRACTICE**

Abuse of the right is actively investigated by domestic scientists. But the variety of works has not led to a comprehensive legal regulation of this phenomenon and a uniform resolution of disputes relating to the abuse of law. The most acute is the problem of legal regulation of preventing the abuse of the right in labor relations. This problem has not been sufficiently studied from a scientific point of view. In labor legislation, there are no relevant norms at all, and therefore the norms of civil law are applied by analogy. At the same time the courts have formed an extensive practice of recognizing the formally legal actions of employees and employers as dishonest and violating the principle of inadmissibility of abuse of the right. Thus, the relevance of this work lies in an attempt to fill the gaps in labor legislation based on the study of judicial practice. The subject of the work is cases when the parties in labor relations use their rights in bad faith. The purpose of this work is to identify, based on the analysis of judicial practice, cases recognized as abuse of the right in labor relations. Scientific novelty is expressed in the formulated proposals for amending the Labor Code of the Russian Federation in terms of fixing in it the concept and content of the term "abuse of the right in labor relations". The study was conducted on the basis of methods of comparative analysis and synthesis, structural and functional analysis, formal legal analysis, as well as general scientific methods of cognition. As a result of the study, it was found that the courts recognize as abuse of the right on the part of the employee cases when he: hides temporary disability or membership in a trade union in order to challenge the dismissal at the initiative of the employer, hides disability in order to demand further compensation for processing, demands to provide leave for care for a child, in order to avoid dismissal for guilty actions, submits a false letter of resignation to the employer. The cases of abuse of the right by the employer include: filling vacancies before the procedure for reducing employees, unreasonable application of several penalties to the employee within a short period of time, as well as the inclusion in the supplementary agreement to the employment contract of too high compensation for its termination. At the end of the work, it is proposed to supplement the Labor Code of the Russian Federation with Article 22.4, in which the concept and content of the abuse of the right in labor relations would be fixed. It seems that the proposed innovations would help eliminate legal uncertainty in the legal qualification of the action (inaction) of the employer and employee as an abuse of the right. The materials of this article can be used for further scientific research and improvement of legislation in this area.

Злоупотребление правом как правовая категория активно исследуется отечественными учеными. Но многообразие созданных работ и изложенных точек зрения пока не привело к созданию единой научной концепции, исчерпывающему нормативно-правовому регулированию данного явления и единообразному решению споров, касающихся злоупотребления правом. Более того, как указывает, например, С. В. Мусарский, с 2003 по 2012 г. было написано более 80 диссертаций, посвященных различным проблемам, связанным со злоупотреблением правом. Однако, по мнению ученого, фактически в работах отсутствует глубокий практический анализ, в связи с чем ни один из авторов не приобрел широкую известность и авторитет [1, с. 86–87]. К выводу об отсутствии единства мнений относительно природы правоотношений, признаков и форм злоупотребления правом приходит и Т. В. Дерюгина [2, с. 119].

Другая проблема заключается в том, что в юридической науке термин «злоупотребление правом» исследуется в первую очередь применительно к гражданско-правовым отношениям. Так, например, С. Д. Радченко подробно рассматривает злоупотребление правом в корпоративных отношениях и в денежных обязательствах [3, с. 130–192]. Такое внимание к злоупотреблению правом со стороны ученых-цивилистов не случайно, ведь рассматриваемое понятие закреплено именно в Гражданском кодексе РФ (далее – ГК РФ).

Так, под злоупотреблением правом понимают осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, действия в обход закона с противоправной целью, а также иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав (п. 1 ст. 10 ГК РФ). Злоупотребление правом недопустимо и влечет правовое последствие в виде

отказа лицу, допустившему злоупотребление, в защите принадлежащего ему права, т.е., по сути, отказ в удовлетворении исковых требований (п. 2 ст. 10 ГК РФ).

Как справедливо указывает О. Н. Бармина, злоупотребление правом маскируется под правомерное поведение, поэтому такое злоупотребление следует квалифицировать как посягательство на принципы права [4, с. 9]. При этом Конституционный Суд РФ и Верховный Суд РФ рассматривают саму недопустимость злоупотребления правом как общеправовой принцип, т.е. принцип, присущий всем отраслям права [5; 6]. Такой подход представляется абсолютно верным, ведь в результате злоупотребления правом могут быть нарушены как частные, так и публичные интересы. А значит, данный принцип касается всей системы права.

Как уже указывалось выше, в исследовании злоупотребления правом можно выделить две основные проблемы: противоречивость позиций авторов и нацеленность большинства работ на изучение данного явления в контексте гражданско-правовых отношений, в то время как недопустимость злоупотребления правом следует рассматривать как общеправовой принцип.

Вопросы реализации принципа недопустимости злоупотребления правом в отношениях между работником и работодателем впервые были исследованы на уровне кандидатской диссертации Е. М. Офман [7]. Также существуют отдельные монографии, затрагивающие злоупотребление правом, в том числе в трудовых отношениях [8, с. 76–109].

Вместе с тем очевидна недостаточная научная проработанность вопросов злоупотребления правом в трудовых отношениях. Эта проблема усугубляется отсутствием соответствующего правового регулирования в Трудовом кодексе РФ (далее – ТК РФ).

Трудовой кодекс РФ использует термин «злоупотребление» исключительно в контексте задачи и полномочия Федеральной инспекции труда по информированию компетентных органов о злоупотреблениях, которые не подпадают под действие трудового законодательства (ст. 355, 356). Термин «злоупотребление правом» не определен в ТК РФ, его возможное содержание также не закреплено. Вместе с тем в последние годы суды при рассмотрении конкретных дел сформировали обширную практику признания формально законных действий сторон трудовых отношений недобросовестными и нарушающими принцип недопустимости злоупотребления правом. Вследствие изложенного представляется целесообразным обратиться к исследованию судебной практики с целью установить случаи, которые суды признают злоупотреблением правом со стороны работника и со стороны работодателя.

Таким образом, актуальность настоящей работы заключается в попытке восполнить пробелы трудо-

вого законодательства на основе анализа судебной практики. Научная новизна выражается в сформулированных предложениях по внесению изменений в ТК РФ в части закрепления в нем понятия и содержания термина «злоупотребление правом в трудовых отношениях».

В первую очередь в статье будут рассмотрены случаи, которые суды признают злоупотреблением правом со стороны работников, затем случаи, признаваемые злоупотреблением со стороны работодателей. В заключение будут сделаны предложения по совершенствованию ТК РФ на основе проведенного анализа.

Злоупотребление правом со стороны работников. Несмотря на отсутствие в ТК РФ соответствующих норм, на уровне Верховного Суда РФ сформирован перечень случаев, признаваемых злоупотреблением правом со стороны работников [6]. В частности, недопустимо сокрытие работником:

- временной нетрудоспособности на день увольнения с работы по инициативе работодателя;
- членства в профессиональном союзе или замещения руководящей должности в нем, если от этого зависит соблюдение процедуры расторжения трудового договора.

Если суд установит факт злоупотребления правом со стороны работника, ему будет отказано в удовлетворении иска о восстановлении на работе, поскольку в указанном случае работодатель не должен отвечать за неблагоприятные последствия, наступившие вследствие недобросовестных действий со стороны работника.

Таким образом, Верховный Суд РФ признал вышеуказанные действия работников недобросовестными и пришел к выводу, что в таких ситуациях следует отказывать работникам в удовлетворении требования о восстановлении на работе со ссылкой на злоупотребление правом.

Ориентируясь на позицию Верховного Суда РФ, нижестоящие судебные инстанции сформировали обширную практику признания формально законных действий работников недобросовестными. В частности, суды приходили к выводу, что работник допустил злоупотребление правом в случаях, когда работник не сообщил работодателю о своей болезни в день увольнения по инициативе работодателя или же оформил листок временной нетрудоспособности после окончания рабочего дня.

Например, в одном деле работник ознакомился с приказом об увольнении за прогул, но затем решил схитрить и вечером того же дня обратился в медицинскую организацию, где ему открыли больничный лист. Впоследствии бывший работник подал иск о признании увольнения незаконным и оплате времени вынужденного прогула в связи с тем, что

увольнение по инициативе работодателя было произведено в период временной нетрудоспособности работника, что прямо запрещено ч. 6 ст. 81 ТК РФ. Суды были единодушны в своем мнении и отказали работнику в удовлетворении исковых требований. При этом Московский городской суд отметил, что в действиях работника усматривается злоупотребление правом [9]. Оно заключалось в том, что с утра работник был здоров и подписал документы, касающиеся его увольнения, а последующее обращение к врачу – это лишь попытка искусственно создать ситуацию, при которой увольнение незаконно.

В другом деле директора увольняли по п. 2 ч. 1 ст. 278 ТК РФ, т.е. в связи с принятием собственником имущества организации или иным уполномоченным лицом решения о расторжении трудового договора с руководителем организации. В день увольнения директор почувствовал себя плохо и обратился в больницу, где ему оформили листок временной нетрудоспособности. В дальнейшем экс-директор просил суд восстановить его в должности, так как на день увольнения по инициативе работодателя он был нетрудоспособен. Суды отказали в удовлетворении заявленного требования, в том числе со ссылкой на злоупотребление правом, отметив, что истец «фактически пробыл на рабочем месте весь день, решая рабочие вопросы, проводя совещания, давая интервью журналистам, получив трудовую книжку и выплаты из бухгалтерии, никаких заявлений о нахождении на больничном листе не делал, работодателя не уведомлял, в обеденное время обратился к врачу, открыл больничный и вновь вернулся на рабочее место, где был до окончания рабочего дня» [10].

Вышеприведенные судебные решения не единичны. Аналогичные правовые позиции изложены и во многих других судебных актах [11].

Необходимо отметить, что, по мнению судов, работник не скрывал факт временной нетрудоспособности на день увольнения по инициативе работодателя, а значит, не злоупотреблял правом в случаях, когда, например:

- работник на акте об отказе давать объяснение по факту отсутствия на работе написал, что ему выдан больничный лист [12];

- в судебном заседании было установлено, что работник по телефону проинформировал своего непосредственного руководителя и сотрудника отдела кадров о том, что ему выдан листок временной нетрудоспособности [13].

Таким образом, важно, чтобы работодатель был уведомлен о нетрудоспособности работника до того, как последний подпишет документы об увольнении и с ним будет произведен окончательный расчет. При этом в качестве доказательств добросовестности действий работника суды принимают практически

любые факты уведомления работодателя о болезни: по телефону, в мессенджерах, посредством фиксации данного обстоятельства во внутренних документах.

Следуя позиции Верховного Суда РФ, изложенной в п. 27 Постановления [6], суды признают злоупотреблением правом сокрытие работником членства в профессиональном союзе или же вступление в фиктивную профсоюзную организацию.

Например, в одном деле работник полагал, что его увольнение незаконно, так как он был членом профсоюзной организации, а работодатель не запросил ее мотивированное мнение при сокращении работника, как того требует ч. 2 ст. 82 ТК РФ. В своих возражениях работодатель указал, что не знал о членстве экс-работника в профсоюзе. В подтверждение своей позиции работодатель представил расчетные листки, из которых следовало, что членские взносы из зарплаты работника не удерживали. Суд отказал бывшему работнику в удовлетворении исковых требований со ссылкой на злоупотребление правом [14].

Тверской областной суд при рассмотрении аналогичного спора пошел в своих рассуждениях еще дальше и указал, что работник не сообщил работодателю адрес местонахождения первичной профсоюзной организации, и таким образом, сокрыл информацию, необходимую для запроса ее мотивированного мнения, а значит, злоупотребил правом. Факт того, что работник сообщил работодателю реквизиты для удержания из зарплаты членских взносов, не имеет правового значения [15].

Еще в одном деле работники, которым грозило сокращение, проявили изобретательность и создали собственную первичную профсоюзную организацию, уведомив о данном факте работодателя. Работодатель не запросил мотивированное мнение этой организации, и один из уволенных по п. 2 ч. 1 ст. 81 ТК РФ работников подал иск о восстановлении на работе. Изучив материалы дела, суд пришел к выводу, что первичная профсоюзная организация не занималась защитой работников, так как не было доказательств ее фактической деятельности. Таким образом, бывший работник создал искусственную ситуацию для оспаривания действий работодателя, т.е. злоупотребил правом [16].

Таким образом, можно сделать вывод, что под сокрытием факта членства в профессиональном союзе суды понимают не только умалчивание о вступлении в данную организацию, но и несообщение адреса ее местонахождения для официальной переписки. Кроме того, к злоупотреблению правом можно отнести и создание фиктивной профсоюзной организации, которая не осуществляет деятельность по защите прав и интересов работников.

Были случаи, когда суды признавали злоупотреблением правом со стороны работников дейс-

твия, не перечисленные в п. 27 Постановления Пленума Верховного Суда РФ [6]. Хотя такие дела нельзя назвать массовыми, на них также следует обратить внимание.

Например, в одном деле работник потребовал предоставить ему отпуск по уходу за ребенком, чтобы избежать увольнения за грубое нарушение правил охраны труда (подп. «д» п. 6 ч. 1 ст. 81 ТК РФ). При этом супруга работника специально прервала свой отпуск по уходу за ребенком, дабы соответствующее право возникло у ее мужа. Работодатель все же применил к работнику дисциплинарное взыскание в виде увольнения. Суд признал увольнение законным, отметив, что экс-работник злоупотребил правом, ведь его действия были нацелены на то, чтобы избежать дисциплинарной ответственности, а уход за ребенком – только предлог [17].

В другом деле работник подал работодателю написанное ранее заявление об увольнении по собственному желанию. Работника уволили, а он пошел в суд с требованием признать расторжение трудового договора незаконным, так как заявление писал не сам работник, а иное лицо. Данный факт подтвердила почерковедческая экспертиза. Суд усмотрел в действиях работника злоупотребление правом. Ведь работник лично принес работодателю подложное заявление и расписался в документах об увольнении [18].

Также суды признают злоупотреблением правом ситуации, когда работники не сообщают о наличии у них инвалидности, а впоследствии требуют компенсаций за неиспользованные дни отпусков и переработки, так как инвалиду по закону положен удлиненный отпуск и сокращенное рабочее время [19].

Еще один случай, рассматриваемый как злоупотребление правом, – ситуация, когда работник долго не получает от бывшего работодателя дубликат трудовой книжки с целью взыскать с экс-работодателя материальный ущерб за как можно более длительный срок в связи с незаконным лишением возможности трудиться в соответствии со ст. 234 ТК РФ [20].

На основании изложенного можно сделать вывод, что суды усматривают в поведении работников злоупотребление правом в ситуациях, когда они используют законное право с неправомерной целью, например, умышленно не сообщают о юридически значимом факте или длительно не забирают важный документ с целью в дальнейшем отсудить у работодателя компенсацию.

Злоупотребление правом со стороны работодателя. Случаи, которые следует расценивать как злоупотребления правом со стороны работодателя, не зафиксированы на уровне постановления Пленума Верховного Суда РФ. Однако Верховный Суд РФ сформировал достаточно обширную практику признания действий работодателей недобросовестными

в случаях, когда они отказывались признать наличие трудовых отношений со ссылкой на то, что никаких кадровых документов не оформлялось. Неоформление письменного трудового договора и иных необходимых документов при фактическом допуске работника к работе уполномоченным лицом является злоупотреблением правом со стороны работодателя как более сильной стороны правоотношения [21]. Указанная позиция была воспринята и нижестоящими судами [22].

Также, по мнению судов, работодатели часто злоупотребляют правом, проводя сокращение работников. В частности, в случае, когда сокращение мнимое, осуществляемое с единственной целью – избавиться от неудобного работника. В этой ситуации работник подлежит восстановлению в должности со ссылкой на злоупотребление правом со стороны работодателя, несмотря на то, что процедура увольнения по п. 2 ч. 1 ст. 81 ТК РФ формально соблюдена [23]. Кроме того, суды признают злоупотреблением правом перевод штатных работников на вакантные ставки непосредственно перед сокращением с целью не исследовать преимущественное право на оставление на работе и не предлагать вакансии тем работникам, которых заранее решено уволить [24; 25].

Также суды усматривают злоупотребление правом со стороны работодателя в ситуации, когда он в течение короткого промежутка времени многократно привлекает работника к дисциплинарной ответственности с целью вынудить работника уволиться самостоятельно или уволить его за виновные действия. Так в одном деле за период с 16 июля по 14 октября работодатель применил к работнику семь дисциплинарных взысканий, в том числе в виде увольнения. Суд указал, что такие действия: «свидетельствуют о намеренном увольнении истца с работы за неоднократное неисполнение должностных обязанностей и злоупотреблении правом со стороны работодателя как более сильной стороны трудовых правоотношений» [26]. В другом аналогичном споре суд признал злоупотреблением правом объявление работнику четырех выговоров и увольнения в течение трех месяцев [27].

Кроме того, есть случаи, когда злоупотреблением правом признают необоснованно высокий размер компенсации при увольнении, указанный в дополнительном соглашении к трудовому договору, при условии, что локальные нормативные акты не предусматривают таких компенсаций. Так, Мосгорсуд указал, что: «Несоразмерно высокое выходное пособие следует расценивать как злоупотребление правом, поскольку оно не создает дополнительной мотивации работника к труду, не отвечает принципу адекватности компенсации» [28]. Данная позиция представляется абсолютно верной. Недобросовест-

ные топ-менеджеры нередко используют свои полномочия во вред собственнику имущества организации. Один из таких способов как раз и заключается в указании необоснованно высокого размера компенсации при увольнении работника по любому основанию. Таким способом фактически осуществляется вывод денег из организации через зарплату.

На основании изложенного можно сделать вывод о том, что суды не только осуществляют формально-юридическую оценку представленных доказательств, но и изучают фактические обстоятельства каждого дела, в результате чего все чаще выявляют злоупотребление правом в действиях работодателя.

В результате проведенного в статье анализа судебной практики предлагается внести в ТК РФ следующие дополнения:

1) ч. 2 ст. 21 ТК РФ дополнить обязанностью работника использовать свои права добросовестно, не допускать злоупотребления правом;

2) ч. 2 ст. 22 ТК РФ дополнить обязанностью работодателя использовать свои права добросовестно, не допускать злоупотребления правом;

3) дополнить ТК РФ ст. 22.4 следующего содержания: «Не допускается злоупотребление правом в трудовых отношениях, то есть умышленные недобросовестные действия (бездействие) стороны трудового правоотношения при реализации трудовых прав.

Злоупотребление правом со стороны работника может включать в себя:

умышленное сокрытие информации, от которой зависит исполнение работодателем предусмотренной законом обязанности (например, сокрытие факта временной нетрудоспособности на день увольнения по инициативе работодателя, сокрытие факта членства в профсоюзной организации или руководства профсоюзной организацией, если от этого зависит соблюдение работодателем процедуры расторжения трудового договора, сокрытие наличия инвалидности I или II группы с целью в дальнейшем потребовать от работодателя компенсацию за переработку, сокрытие документов, подтверждающих наличие преимущественного права на оставление на работе, с целью оспорить в дальнейшем расторжение трудового договора по п. 2 ч. 1 ст. 81 настоящего Кодекса);

иное умышленное недобросовестное использование права с целью уклонения от ответственности или воспрепятствованию работодателю в осуществлении его прав (например, требование предоставить отпуск, когда его предоставление не зависит от усмотрения работодателя, с целью избежать привлечения к дисциплинарной ответственности в виде увольнения, создание фиктивной первичной профсоюзной организации в целях затруднения увольнения по п. 2, 3, 5 ч. 1 ст. 81 настоящего Кодекса, открытие листка временной нетрудоспособности по окончании того рабочего дня, в который работник был уволен по инициативе работодателя).

Злоупотребление правом со стороны работодателя может включать в себя:

умышленные недобросовестные действия с целью обойти установленные настоящим Кодексом требования к процедуре расторжения трудового договора или создать искусственную ситуацию, дающую основание для расторжения трудового договора по инициативе работодателя (например, замещение вакантных должностей перед началом процедуры сокращения численности или штата работников с целью уклонения от обязанности исследовать преимущественное право на оставление на работе или предлагать вакантные должности, необоснованное применение к работнику нескольких дисциплинарных взысканий в течение непродолжительного периода времени с целью вынудить работника расторгнуть трудовой договор по своей инициативе или уволить работника по п. 5 ч. 1 ст. 81 настоящего Кодекса);

иное умышленное недобросовестное использование права с целью причинить ущерб имуществу организации или получить неосновательное обогащение (например, установление руководителем организации самому себе или иным работникам необоснованно высокого размера выходного пособия, нарушающего законные интересы собственника имущества организации).

В случае несоблюдения требований, предусмотренных ч. 1, 2, 3 настоящей статьи, суд с учетом характера и последствий допущенного злоупотребления отказывает лицу в защите принадлежащего ему права полностью или частично».

Пристатейный библиографический список

1. Мусарский С. В. Основные взгляды на сущность злоупотребления правом в зарубежном и отечественном гражданском праве. М. : Зерцало-М, 2021.
2. Дерюгина Т. В. Правовая сущность злоупотребления субъективным гражданским правом : проблемы теории и практики : монография. М. : Книгодел, 2019.
3. Радченко С. Д. Злоупотребление правом в гражданском праве России. М. : Волтерс Клувер, 2010.
4. Бармина О. Н. Злоупотребление правом. Киров : Радуга-ПРЕСС, 2015.

5. Постановление Конституционного Суда РФ от 15 марта 2005 г. № 3-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 2005. № 3.
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17 марта 2004 г. № 2 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2004. № 6.
7. *Офман Е. М.* Злоупотребление правом субъектами трудовых отношений : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2006.
8. Злоупотребление правом : многообразие мнений в междисциплинарном исследовании : монография / под ред. Н. И. Минкиной. Барнаул : Изд-во ААЭП, 2015.
9. Апелляционное определение Мосгорсуда от 12 мая 2017 г. по делу № 33-17641/2017 // Мосгорсуд : сайт. URL: <https://mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/appeal-civil/details/219566b4-9e86-4b10-9c59-1-e861a69ad8c?caseNumber=33-17641/2017> (дата обращения: 16.02.2022).
10. Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 9 декабря 2021 г. по делу № 88-21864/2021 // Восьмой кассационный суд общей юрисдикции : сайт. URL: https://8kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=18289052&delo_id=2800001&new=2800001&text_number=1 (дата обращения: 16.02.2022).
11. Апелляционное определение Мосгорсуда от 24 сентября 2019 г. по делу № 4г/3-10405/2019 // Мосгорсуд : сайт. URL: <https://mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/cassation-civil/details/f4d7250b-91c7-4ec2-a4f1-d15642f7fc63?claimNumber=4г-10405/2019&docsRangeDateFrom=24.09.2019&docsRangeDateTo=24.09.2019&formType=fullForm> (дата обращения: 16.02.2022).
12. Апелляционное определение Ростовского областного суда от 4 августа 2016 г. по делу № 33-13477/2016 // СПС «Гарант».
13. Апелляционное определение Верховного суда Республики Хакасия от 2 августа 2016 г. № 33-2348/2016 // СПС «КонсультантПлюс».
14. Решение Советского районного суда г. Красноярска от 2 февраля 2017 г. по делу № 2-2704/2017 // Советский районный суд г. Красноярска : сайт. URL: https://sovetskrk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=189248336&case_uid=274e2678-8970-44b2-98d7-f39b561155aa&delo_id=1540005 (дата обращения: 16.02.2022).
15. Апелляционное определение Тверского областного суда от 4 марта 2020 г. по делу № 33-747/2020 // Тверской областной суд : сайт. URL: https://oblsudtwr.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=3&name_op=case&case_id=9868345&case_uid=d19f6403-8753-47f4-8a1a-a0cc57fdcf8b&delo_id=5&new=5 (дата обращения: 16.02.2022).
16. Апелляционное определение Ростовского областного суда от 19 марта 2019 г. по делу № 33-4733/2019 // Ростовский областной суд : сайт. URL: https://oblsudros.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=15221691&case_uid=0a0f74a8-34e3-4729-8ea7-c3affbd54ae1&result=1&delo_id=5&new=5 (дата обращения: 16.02.2022).
17. Апелляционное определение Нижегородского областного суда от 18 октября 2016 г. по делу № 33-12828/2016 // ГАС «Правосудие» : сайт. URL: <https://bsr.sudrf.ru/biggs/portal.html> (дата обращения: 16.02.2022).
18. Решение Химкинского городского суда Московской области от 4 апреля 2017 г. по делу № 2-1210/2017 // Химкинский городской суд Московской области : сайт. URL: https://himki-mo.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=313985914&case_uid=04cc482c-00d3-4719-92b7-e094adb1cf77&delo_id=1540005 (дата обращения: 16.02.2022).
19. Решение Ингодинского районного суда г. Читы от 9 апреля 2018 г. по делу № 2-612/2018 // ГАС «Правосудие» : сайт. URL: <https://bsr.sudrf.ru/biggs/portal.html> (дата обращения: 16.02.2022).
20. Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 23 декабря 2021 г. по делу № 88-30056/2021 // СПС «КонсультантПлюс».
21. Определение Верховного Суда РФ от 15 апреля 2019 г. № 81-КГ19-1 // СПС «КонсультантПлюс».
22. Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 19 августа 2021 г. № 88-17231/2021 // СПС «КонсультантПлюс».
23. Апелляционное определение Владимирского областного суда от 26 февраля 2021 г. по делу № 33-449/2021 // Владимирский областной суд : сайт. URL: https://oblsudwld.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=8764912&case_uid=81409b06-2e87-4ffe-8e5a-0942-dc961e7a&delo_id=5&new=5 (дата обращения: 16.02.2022).
24. Определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 10 июня 2021 г. по делу № 8г-6913/2021 // СПС «КонсультантПлюс».
25. Определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 19 ноября 2020 г. № 88-17077/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

25. Определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 28 октября 2021 г. № 88-6464/2021 // СПС «КонсультантПлюс».
27. Решение Подольского городского суда Московской области от 14 мая 2019 г. по делу № 2-2403/2019 // Подольский городской суд : сайт. URL: https://podolsky--mo.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=294256590&case_uid=b15075b7-f326-4cb6-91fc-d6e82960b925&delo_id=1540005 (дата обращения: 16.02.2022).
28. Апелляционное определение Мосгорсуда от 10 марта 2016 г. № 33-4820/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

References

1. *Musarskii S. V.* Basic Views on the Essence of the Abuse of Law in Foreign and Domestic Civil Law. Moscow: Zertsalo-M, 2021.
2. *Deriugina T. V.* Legal Essence of Abuse of Subjective Civil Law: Problems of Theory and Practice: Monograph. Moscow: Knigodel, 2019.
3. *Radchenko S. D.* Abuse of the Right in Civil Law of Russia. Moscow: Wolters Kluwer, 2010.
4. *Barmina O. N.* Abuse of the Right. Kirov: Raduga-Press, 2015.
5. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 15 March 2005 No. 3-P. *Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation*. 2005. No. 3.
6. Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 17 March 2004 No. 2. *Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation*. 2004. No. 6.
7. *Ofman E. M.* Abuse of the Right by the Subjects of Labor Relations: Synopsis of a Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Yekaterinburg, 2006.
8. *Minkin N. I. (ed.)*. Abuse of the Right: Diversity of Opinions in an Interdisciplinary Study: Monograph. Barnaul: AAEP Publishing House, 2015.
9. Appeal Ruling of the Moscow City Court of 12 May 2017 No. 33-17641/2017. URL: <https://mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/appeal-civil/details/219566b4-9e86-4b10-9c59-1e861a69ad8c?caseNumber=33-17641/2017> (date of the application: 16.02.2022).
10. Ruling of the Eighth Court of Cassation of General Jurisdiction of 9 December 2021 No. 88-21864/2021. URL: https://8kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=18289052&delo_id=2800001&new=2800001&text_number=1 (date of the application: 16.02.2022).
11. Appeal Ruling of the Moscow City Court of 24 September 2019 No. 4g/3-10405/2019. URL: <https://mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/cassation-civil/details/f4d7250b-91c7-4ec2-a4f1-d15642f7fc63?claimNumber=4y-10405/2019&docsRangeDateFrom=24.09.2019&docsRangeDateTo=24.09.2019&formType=fullForm> (date of the application: 16.02.2022).
12. Appeal Ruling of the Rostov Regional Court of 4 August 2016 No. 33-13477/2016 (SPS “Garant”).
13. Appeal Ruling of the Supreme Court of the Republic of Khakassia of 2 August 2016 No. 33-2348/2016 (SPS “ConsultantPlus”).
14. Decision of the Sovetsky District Court of Krasnoyarsk of 2 February 2017 No. 2-2704/2017. URL: https://sovet--krk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=189248336&case_uid=274e2678-8970-44b2-98d7-f39b561155aa&delo_id=1540005 (date of the application: 16.02.2022).
15. Appeal Ruling of the Tverskoy Regional Court of 4 March 2020 No. 33-747/2020. URL: https://oblsud--twr.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=3&name_op=case&case_id=9868345&case_uid=d19f6403-8753-47f4-8a1a-a0cc57fd8b&delo_id=5&new=5 (date of the application: 16.02.2022).
16. Appeal Ruling of the Rostov Regional Court of 19 March 2019 No. 33-4733/2019. URL: https://oblsud--twr.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=3&name_op=case&case_id=9868345&case_uid=d19f6403-8753-47f4-8a1a-a0cc57fd8b&delo_id=5&new=5 (date of the application: 16.02.2022).
17. Appeal Ruling of the Nizhny Novgorod Regional Court of 18 November 2016 No. 33-12828/2016. URL: <https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html> (date of the application: 16.02.2022).
18. Decision of the Khimki City Court of the Moscow Region of 4 April 2017 No. 2-1210/2017. URL: https://himki--mo.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=313985914&case_uid=04cc482c-00d3-4719-92b7-e094adb1cf77&delo_id=1540005 (date of the application: 16.02.2022).
19. Decision of the Ingodinsky District Court of Chita of 9 April 2018 in case No. 2-612/2018. URL: <https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html> (date of the application: 16.02.2022).
20. Ruling of the Second Court of Cassation of General Jurisdiction of 23 December 2021 No. 88-30056/2021 (SPS “ConsultantPlus”).

21. Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation of 15 April 2019 No. 81-KG19-1 (SPS "ConsultantPlus").
22. Ruling of the Second Court of Cassation of General Jurisdiction of 19 August 2021 No. 88-17231/2021 (SPS "ConsultantPlus").
23. Appeal Ruling of the Vladimir Regional Court of 26 February 2021 No. 33-449/2021. URL: https://oblsud--wld.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=8764912&case_uid=81409b06-2e87-4ffe-8e5a-0942dc961e7a&delo_id=5&new=5 (date of the application: 16.02.2022).
24. Ruling of the Seventh Court of Cassation of General Jurisdiction of 10 June 2021 No. 8g-6913/2021 (SPS "ConsultantPlus").
25. Ruling of the Seventh Court of Cassation of General Jurisdiction of 19 November 2020 No. 88-17077/2020 (SPS "ConsultantPlus").
26. Ruling of the Ninth Cassation Court of General Jurisdiction of 28 October 2021 No. 88-6464/2021 (SPS "ConsultantPlus").
27. Decision of the Podolsky City Court of the Moscow Region of 14 May 2019 No. 2-2403/2019. URL: https://podolsky--mo.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=294256590&case_uid=b15075b7-f326-4cb6-91fc-d6e82960b925&delo_id=1540005 (date of the application: 16.02.2022).
28. Appeal Ruling of the Moscow City Court of 10 March 2016 No. 33-4820/2016 (SPS "ConsultantPlus").

ВЕБ-КОНФЕРЕНЦИИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В АРБИТРАЖНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2022-0-2-85-89>

В статье анализируется технология проведения онлайн судебных заседаний с помощью веб-конференции для лиц, участвующих в деле, и иных участников арбитражного процесса, а также обращается внимание на развитие электронной среды в системе арбитражных судов РФ. Научная новизна исследования определяется тем, что ст. 152.2 АПК РФ, регламентирующая систему веб-конференции, введена 30 декабря 2021 г. Федеральным законом № 440-ФЗ. Веб-конференция представляет собой технологический инструмент, позволяющий организовать в режиме реального времени встречу ее участников посредством системы «Интернет». Цель работы – проанализировать установленную законом возможность для лиц, участвующих в деле, и других участников процесса принять участие в судебном заседании с помощью системы веб-конференции. Методологическую основу исследования составили общенаучные методы, анализ особенностей нового института арбитражного и гражданского процессов. Статья предназначена как для правоприменителей, поскольку суды общей юрисдикции и арбитражные суды все чаще прибегают к рассмотрению дел с использованием веб-конференций, что требует специальных знаний от субъектов данных отношений, так и для широкого круга исследователей. Автор пришел к выводу, что вопросы формализации процесса, традиции «писаного права» необходимо уважать, но когда имеется экономическая и процессуальная целесообразность, техническая возможность для применения современных форм ведения дела в суде, преимущества исследуемой инициативы законодателя становятся очевидными. Наибольшее опасение вызывают обеспечение безопасности и сохранение персональных данных участников судебного заседания, устойчивость интернет-соединения в разных уголках страны, что не должно приводить к задержке рассмотрения назначенных дел.

ФИЛИППОВ
Сергей Александрович

кандидат юридических наук,
доцент, доцент кафедры
гражданского права Саратовской
государственной юридической
академии (г. Саратов)

philips85@mail.ru

Суд;
лица, участвующие в деле;
веб-конференция;
видеоконференц-связь;
веб-сервис;
цифровые технологии;
электронное правосудие

Sergey A. FILIPPOV

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor, Department
of Civil Law, Saratov State Law
Academy (Saratov)

philips85@mail.ru

WEB CONFERENCES THROUGH THE PRISM OF DIGITAL TECHNOLOGIES IN ARBITRATION PROCEEDINGS

The article analyzes the technology of conducting “online” court hearings using a web conference for persons participating in the case and other participants in arbitration procedure, and also draws attention to the development of the electronic environment in the system of arbitration courts of the Russian Federation. The scientific novelty of the study is determined by the fact that Article 152.2 of the APC of the Russian Federation, which regulates the web conference system, was introduced on 30 December 2021 by Federal Law No. 440-FZ. A web conference is a technological tool that allows organizing a real-time meeting of its participants using the Internet system. The purpose of the work is to analyze the statutory opportunity for persons participating in the case and other participants in the process to take part in the court session using the web conference system. The methodological basis of the study was made up of both general scientific methods and an analysis of the features of the new institution of arbitration and civil procedure.

Court;
persons involved in the case;
web conference;
video conferencing;
web service;
digital technologies;
e-justice

The article is intended both for law enforcers, since courts of general jurisdiction and arbitration courts are increasingly resorting to the consideration of cases using web conferencing, which requires special knowledge from both the subjects of these relations and a wide range of researchers. The author came to the conclusion that the issues of formalization of the process, the traditions of "written law" must be respected, but when there is economic and procedural expediency, the technical possibility for applying modern forms of conducting a case in court, the advantages of the legislator's initiative under study become obvious. The greatest concern is the security and preservation of the personal data of the participants in the court session, the stability of the Internet connection in different parts of the country, which should not lead to a delay in the consideration of assigned cases.

Возможность принять участие в судебном заседании дистанционным способом онлайн, посредством использования ИТ-технологий, появилась сравнительно недавно.

Федеральным законом от 30 декабря 2021 г. № 440-ФЗ в Арбитражный процессуальный кодекс РФ (далее – АПК РФ) введена ст. 152.2, которая определяет, что лица, участвующие в деле, и иные участники арбитражного процесса могут участвовать в судебном заседании путем использования системы веб-конференции при условии заявления ими соответствующего ходатайства и при наличии в арбитражном суде технической возможности осуществления веб-конференции.

В арбитражном процессе (как и в гражданском процессе) существуют две на первый взгляд похожие технологии – это видеоконференц-связь и веб-конференции. Обе электронные системы позволяют передавать аудио- и видеoinформацию на расстоянии, обеспечивая возможность лицам, участвующим в деле, и иным участникам процесса нахождения в судебном заседании.

Видеоконференц-связь является интерактивной системой, позволяющей коммуницировать более чем трем абонентам, которые находятся на удаленном расстоянии, посредством обмена аудио- и видеoinформацией в онлайн-режиме, данные которых находятся под управлением защищенными каналами связи.

Веб-конференция представляет собой технологический инструмент, позволяющий организовать в режиме реального времени встречу ее участников посредством системы Интернет, т.е. по незащищенным каналам связи.

Как определил Верховный Суд РФ, это «основное сильное различие в гарантированности передачи данных, а это и аудио- и видео-данные» [1].

К. Г. Корякина, О. В. Хохрякова также обоснованно заключают, что, несмотря на кажущееся сходство смежных технологий видеоконференц-связи и веб-конференции, различия в них весьма принципиаль-

ны и состоят не только в защищенности передаваемых пакетов аудио- и видеoinформации по каналам связи, но и в скорости и гарантиях их передачи [2, с. 13–14].

Процесс электронного обеспечения правосудия берет свое начало с 2000 г. Ряд поставленных задач удалось реализовать в Федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России» [3].

Хочется упомянуть принятую в 2015 г. Концепцию развития информатизации судов до 2020 года [4], в которой впервые была представлена дефиниция понятия «электронное правосудие»: это способ и форма осуществления предусмотренных действий, основанных на использовании информационных технологий в деятельности судов, включая взаимодействие судов, физических и юридических лиц в электронном виде.

Платформа «Мой арбитр» в системе арбитражных судов зарекомендовала себя крайне успешным проектом на пути строительства «цифрового правосудия». Лица, участвующие в деле, могут получить оперативную информацию о вынесенных постановлениях и ходе рассмотрения дела, ознакомиться с процессуальными документами, что не может положительно не сказаться на функционировании судебной отрасли в целом.

Стремление судов перейти на цифровой путь развития выглядит вполне понятным и обоснованным. Ведь таким образом достигается значительная процессуальная экономия лиц, участвующих в деле, не говоря уже об экономии суда.

Участники процесса, присутствующие в судебном заседании с помощью веб-сервиса, вправе подавать в суд заявления, ходатайства и иные прилагаемые к ним документы в электронном виде.

В Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы [5] обозначаются принципы действия Стратегии и в качестве главных ее принципов называются обеспечение прав граждан на доступ к информации, а также обеспечение свободы выбора средств получения знаний при работе с информацией, чему в полной

мере стремится отвечать отечественное процессуальное законодательство.

Таким образом, цифровая среда арбитражных судов перманентно развивается, чему активно способствует государство и в чем определенно нуждается юридическое сообщество. Кроме того, нельзя не отметить, что арбитражные суды всегда выступали флагманом для системы судов общей юрисдикции в нашей стране.

Какова же причина столь активного внедрения новых институтов в Арбитражный процессуальный и Гражданский процессуальный кодексы РФ?

Российская Федерация занимает первое место в мире по территории, субъекты РФ располагаются на значительном расстоянии друг от друга, поэтому экономия бюджета и времени лиц, участвующих в деле, и иных участников процесса выступает на первый план.

Кроме того, суд выступает в роли гаранта, обеспечивая доступ к правосудию, давая возможность принять участие в судебном заседании посредством веб-сервиса стороне, у которой нет возможности в силу различных обстоятельств (территориальная отдаленность или финансовое состояние) принять участие в заседании суда лично, поскольку все расходы по организации данного мероприятия в таком случае при наличии возможности и оснований ложатся на плечи бюджета РФ.

Существуют и противники использования веб-конференций при рассмотрении арбитражного спора. По мнению некоторых авторов, в качестве недостатка проведения судебного заседания посредством видеоконференц-связи выступает сложность в чтении эмоций и других невербальных качеств участника процесса, поскольку прямой визуальный контакт затруднителен и не позволяет судье при принятии решения оценивать доказательства с опорой в том числе на личное восприятие [6].

Автор обращает внимание на то, что оценить правдивость или ложность пояснений одной из сторон через экран монитора не представляется возможным, тем самым использование подобного института может, напротив, осложнить разрешение дела.

Представляется правой И. Р. Силантьева, которая справедливо считает, что «учитывая, что современные технологии обеспечивают высокое качество изображения и что решение суда должно быть основано на всестороннем и полном рассмотрении доказательств по делу и на правильном применении закона, сам факт дистанционного участия не может серьезным образом повлиять на решение судьи» [7, с. 246].

Безусловно, контрастность, цветопередача, четкость изображения позволяют избежать опасений позиции о невозможности оценить достоверность заявляемых сведений стороной или иным участни-

ком процесса, однако суд оценивает доказательства, имеющиеся в деле, в их совокупности.

Согласно абз. 2 п. 2 ст. 64 АПК РФ в качестве доказательств допускаются объяснения лиц, участвующих в деле, и иных участников арбитражного процесса, полученные путем использования систем видеоконференц-связи, либо системы веб-конференции.

То есть данным образом в арбитражный суд могут быть представлены письменные доказательства, иные документы и материалы при условии наличия технических средств, обеспечивающих возможность ознакомления с такими доказательствами (документ-камера). Арбитражный суд, рассматривающий дело, оценивает письменные доказательства, иные документы и материалы, представленные путем использования систем видеоконференц-связи, в совокупности и взаимосвязи с другими доказательствами по делу (ст. 71 АПК РФ). Копии таких документов незамедлительно направляются в суд, рассматривающий дело, по факсимильной связи или электронной почте либо с использованием иных средств связи [8, п. 23].

Даже исходя из данного пункта Постановления ВАС РФ обращает на себя внимание количество обозначенных терминов цифровой среды, которые легитимизированы процессуальным законодательством, обеспечивающих возможность существенной экономии времени и иных издержек для всех участников процесса.

Федеральным законом от 30 декабря 2021 г. № 440-ФЗ регламентируется важный аспект по идентификации лично не присутствующих в судебном заседании граждан и их представителей или представителей юридических лиц, а принимающих участие в процессе с помощью веб-сервиса, с помощью единой системы идентификации и аутентификации, единой биометрической системы.

В упомянутой выше работе авторы высказывают опасения по поводу возможной полноты реализации прав участников арбитражного процесса, такие как возможное ограничение доступности правосудия (п. 2 ст. 2, ст. 4 АПК РФ), а также института состязательности сторон (ст. 9 АПК РФ), риски, связанные непосредственно с соблюдением процессуальных условий отправления правосудия: а) проверка полномочий сторон; б) ограниченная реализация права на представление доказательств лицами, участвующими в деле, а также исследование их судом (гл. 7 АПК РФ); в) при проведении онлайн-заседаний посредством веб-конференции ставится под вопрос институт получения расписок в ситуациях отложения судебного заседания менее чем на 15 дней, выдачи на руки копий судебных актов, предупреждения об уголовной ответственности свидетеля, переводчика, эксперта, лица, заявившего о фальсификации доказательства; г) в рамках веб-конференции возникает возможность

оказания давления на свидетеля, эксперта, так как они находятся вне зала суда; д) в ситуации онлайн-заседания исключается возможность наложения судебного штрафа за неуважение к суду, так как это может иметь место только для присутствующих в зале судебного заседания лиц (ч. 5 ст. 119 АПК РФ); е) при проведении судебного заседания посредством веб-конференции возникает вопрос, как суду следует обеспечивать порядок судебного разбирательства, осуществлять контроль за действиями участников процесса (ст. 11, 54 АПК РФ); ж) ставится под сомнение соблюдение тайны совещания судом [2, с. 14–17].

Стоит отметить, безусловно, положительно проведенную исследователями работу, однако авторы пришли к выводу, что судебные заседания посредством веб-конференций не должны носить повсеместный характер, а должны использоваться в особых обстоятельствах, например в период пандемии, иначе правосудие явит собой некую упрощенную государственную услугу, негативно влияющую на фундаментальные процессуальные принципы.

Думается, отдельно комментировать каждый обозначенный в работе риск по использованию веб-конференций в арбитражном судопроизводстве не имеет необходимости, оговоримся, что не все опасения разделяются автором данной статьи, кроме того, с момента публикации исследования прошло значительное по меркам ИТ-индустрии время и ряд опасений ученых успешно разрешается новыми и усовершенствованными формами и кодами программ по идентификации личности (участников процесса),

представленных ими документов, их аутентичности, не говоря уже о постоянном развитии систем цифровых подписей.

Представляется, что законодатель выбрал верный путь, направленный на цифровизацию деятельности судебной системы и, если можно так выразиться, «упрощение» форм участия лиц в арбитражном процессе, поскольку того требуют реалии времени: чрезвычайная загруженность судебной системы, мобильность граждан, расширение зон их деятельности и прочее, не говоря о явном удобстве для всех его участников.

Вопросы формализации процесса, традиции «писаного права» (например обращение к суду стоя и некоторые другие) необходимо уважать, но когда имеется экономическая и процессуальная целесообразность, техническая возможность для применения современных форм ведения дела в суде, приоритет должен быть выбран в пользу законодательной инициативы.

На наш взгляд, наибольшее опасение вызывают обеспечение безопасности и сохранение персональных данных участников судебного заседания, устойчивость интернет-соединения в разных регионах, что не должно приводить к задержке графика рассмотрения и разрешения назначенных дел при использовании веб-конференций в судебной системе РФ, поскольку отечественное программное обеспечение только развивается, пусть и весьма активно, а поддержка иностранных аналогов в условиях кризиса и санкционной политики на протяжении длительного времени ограничивается.

Пристатейный библиографический список

1. Информация Верховного Суда РФ от 24 апреля 2020 г. «Веб-конференция в Верховном Суде Российской Федерации» // СПС «Гарант».
2. *Корякина К. Г., Хохрякова О. В.* Правовой анализ рисков использования системы веб-конференции в арбитражном процессе // Вестник арбитражной практики. 2020. № 3 (88).
3. Постановление Правительства РФ от 27 декабря 2012 г. № 1406 «О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России на 2013–2024 годы»» // СПС «Гарант».
4. Концепция развития информатизации судов до 2020 года, утв. постановлением Президиума Совета судей РФ от 19 февраля 2015 г. № 439 // СПС «КонсультантПлюс».
5. Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // СПС «КонсультантПлюс».
6. *Феклюнин С.* Электронное правосудие в арбитраже : технически все готово. М. : РАПСИ, 2010.
7. *Силантьева И. Р.* Проблемы и перспективы использования систем видеоконференцсвязи в процессе правореализации // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2013. № 1 (23).
8. Постановление Пленума ВАС РФ от 17 февраля 2011 г. № 12 «О некоторых вопросах применения Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в редакции Федерального закона от 27.07.2010 № 228-ФЗ «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации»» // СПС «КонсультантПлюс».

References

1. Information of the Supreme Court of the Russian Federation of 24 April 2020 "Web Conference in the Supreme Court of the Russian Federation" (SPS "Garant").
2. Koriakina K. G., Khokhriakova O. V. Legal Analysis of the Risks of Using the Web Conference System in Arbitration Procedure. *Bulletin of Arbitration Practice*. 2020. No. 3 (88).
3. Decree of the Government of the Russian Federation of 27 December 2012 No. 1406 "On the Federal Target Program 'Development of the Judicial System of Russia for 2013–2024'" (SPS "Garant").
4. Concept of the Development of Informatization of Courts Until 2020, approved by the Decree of the Presidium of the Council of Judges of the Russian Federation of 19 February 2015 No. 439 (SPS "ConsultantPlus").
5. Decree of the President of the Russian Federation of 9 May 2017 No. 203 "On the Strategy for the Development of the Information Society in the Russian Federation for 2017–2030" (SPS "ConsultantPlus").
6. Feklyunin S. *Electronic Justice in Arbitration: Technically Everything Is Ready*. Moscow: RAPSI, 2010.
7. Silantieva I. R. Problems and Prospects of Using Videoconferencing Systems in the Process of Law Enforcement. *Vector of Science of Togliatti State University*. 2013. No. 1 (23).
8. Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of 17 February 2011 No. 12 "On Some Issues of Application of the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation as amended by Federal Law of 27 July 2010 No. 228-FZ 'On Amendments to the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation'" (SPS "ConsultantPlus").

ПРОБЛЕМЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ОКАЗАНИЕ УСЛУГ, НЕ ОТВЕЧАЮЩИХ ТРЕБОВАНИЯМ БЕЗОПАСНОСТИ В МЕДИЦИНЕ

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2022-0-2-90-95>

В последние несколько лет прослеживается очевидный рост обращений пациентов в правоохранительные органы с жалобами на некачественное оказание медицинской помощи, рассмотрение которых нередко приводит к возбуждению уголовных дел в отношении медицинских работников за такие деяния, как причинение по неосторожности смерти или тяжкого вреда здоровью, а также оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности. Предметом настоящего исследования являются вопросы правовой оценки оказания врачами акушерами-гинекологами услуг, не отвечающих требованиям безопасности. На основе анализа значительного объема правоприменительной практики за пять лет – конкретных уголовных дел, прошедших через суд и завершившихся вступившим в законную силу приговором, а также отказных материалов – сделан акцент на выявлении основных нарушений, допускаемых в процессе оказания конкретных видов медицинской помощи и факторов, им способствующих. В работе изложены правовые основы применения ст. 238 Уголовного кодекса РФ в отношении представителей врачебного сообщества, отражены направления совершенствования нормативной правовой базы и отдельных позиций в правоприменительной практике при квалификации предоставления медицинских услуг, не отвечающих требованиям безопасности. Проведенный анализ конкретных уголовных дел позволил сделать вывод, что в отношении медицинских работников, в том числе и врачей-акушеров-гинекологов, ст. 238 Уголовного кодекса РФ, предусматривающая ответственность за оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности, применяется лишь в случаях наступления неблагоприятных последствий в виде смерти или причинения тяжкого вреда здоровью пациентов в результате нарушения требований должностных инструкций, клинических рекомендаций, порядков и стандартов оказания медицинской помощи.

ДОЛГУШИНА Наталья Витальевна

доктор медицинских наук,
профессор, заместитель
директора – руководитель
Департамента организации
научной деятельности
Национального медицинского
исследовательского центра
акушерства, гинекологии
и перинатологии им. академика
В. И. Кулакова (г. Москва)
n_dolgushina@oparina4.ru

ЧУПРОВА Антонина Юрьевна

доктор юридических наук,
профессор, профессор кафедры
уголовного права и криминологии
Всероссийского государственного
университета юстиции
(РПА Минюста России) (г. Москва)
3959400@mail.ru

**Врач-акушер-гинеколог;
пациент;
медицинская помощь;
медицинская услуга;
безопасность медицинской
деятельности**

Natalia V. DOLGUSHINA

Doctor of Medical Sciences, Professor,
Deputy Director – Head of the
Department for the Organization
of Scientific Activities, National Medical
Research Center for Obstetrics,
Gynecology and Perinatology named
after Academician V. I. Kulakov (Moscow)
n_dolgushina@oparina4.ru

Antonina Yu. CHUPROVA

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Department of Criminal Law and
Criminology, All-Russian State
University of Justice (Moscow)
3959400@mail.ru

RESPONSIBILITY PROBLEMS FOR THE PROVISION OF SERVICES THAT DO NOT MEET SAFETY REQUIREMENTS IN MEDICINE

In the last few years, there has been an obvious increase in patients' appeals to law enforcement agencies with complaints about poor-quality medical care. Considering these cases often leads to the initiation of criminal cases against medical workers for such acts as causing death or serious harm to health by negligence and the provision of services that do not meet safety requirements. The subject of this study is the issues of legal assessment of the provision of services by obstetricians and gynaecologists that do not meet safety requirements. Based on the analysis of a significant volume of law enforcement practice over five years – specific criminal cases that have passed through the court and ended with a verdict that entered into force and refusal materials – the emphasis has been placed on identifying the major violations committed in the process

**Obstetrician-gynaecologist;
patient;
medical care;
medical service;
safety of medical activity**

of providing specific types of medical care and factors contributing to them. In addition, the paper has outlined the legal basis for the application of Article 238 of the Criminal Code of the Russian Federation to representatives of the medical community, reflects the directions for improving the regulatory legal framework and individual positions in law enforcement practice when qualifying the provision of medical services that do not meet safety requirements. The analysis of specific criminal cases led to the output that about medical workers, including obstetricians and gynaecologists, Article 238 of the Criminal Code of the Russian Federation, which provides for liability for the provision of services that do not meet safety requirements, is applied only in cases of adverse consequences in the form of death or serious harm to the health of patients as a result of a violation of the requirements of job descriptions, clinical recommendations, procedures and standards of medical care.

В последнее время участились обращения граждан в правоохранительные органы, в первую очередь в Следственный комитет РФ, в связи с нарушениями законодательства о здравоохранении в профессиональной деятельности медицинских работников. Во многих случаях упреки со стороны граждан были адресованы врачам-акушерам-гинекологам. Проведенный анализ судебной практики за пять лет показал, что наиболее часто привлекались к уголовной ответственности врачи-хирурги – 39,3%, врачи-акушеры-гинекологи – 17%, врачи-анестезиологи-реаниматологи – 13,4%.

Чаще всего уголовные дела в отношении медицинских работников возбуждались по признакам причинения смерти по неосторожности вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей (ч. 2 ст. 109 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ) – 83,7% изученных уголовных дел). На втором месте по частоте применения ст. 238 УК РФ, предусматривающая ответственность за оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности (7,8% уголовных дел).

Проведенное исследование продемонстрировало очевидный рост обвинений медицинских работника по ст. 238 УК РФ «Производство, хранение, перевозка либо сбыт товаров и продукции, выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности». Применение этой нормы в отношении медиков, совершивших правонарушение профессионального характера, связано в первую очередь с позицией законодателя и Министерства здравоохранения РФ, которые рассматривают медицинскую деятельность как один из вариантов оказания услуг населению. Если обратить внимание на нормативную базу в сфере здравоохранения последних лет, то можно увидеть, что термин «медицинская помощь» встречается значительно реже, чем термин «медицинские услуги». Подобное понимание сути медицинской деятельности нашло отражение и в судебно-следственной практике после принятия

постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 17 «О практике рассмотрения судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей», в п. 9 которого указано, что законодательство о защите прав потребителей регулирует отношения по предоставлению гражданам медицинских услуг, оказываемых медицинскими организациями в рамках добровольного и обязательного медицинского страхования [1].

Решая вопрос о применении ст. 238 УК РФ в отношении медицинских работников, правоприменители особое внимание обращают на качество медицинской помощи (медицинских услуг), наличие или отсутствие опасности для здоровья или жизни пациента. Однако использование данной нормы в ситуациях, когда не наступили последствия в виде смерти пациента или причинения ему тяжкого вреда здоровью, допускается лишь при условии, если опасность оказываемой медицинской услуги для здоровья человека являлась очевидной и реальной. В основном медицинские работники привлекаются к уголовной ответственности за оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности, если в результате допущенных ими нарушений требований к оказанию конкретного вида медицинской помощи наступили такие неблагоприятные последствия, как причинение вреда здоровью или смерть пациента.

Сложности применения ст. 238 УК РФ во многом были связаны с проблемой определения субъекта преступления и формы его вины. На некоторые вопросы ответил Верховный Суд РФ в постановлении Пленума от 25 июня 2019 г. № 18 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьей 238 Уголовного кодекса Российской Федерации» [2]. Верховный Суд РФ разъяснил, что уголовной ответственности за оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности, подлежат как руководитель медицинской организации, осуществляющей такую деятельность, независимо от ее организационно-правовой формы, или индивидуальный пред-

приниматель, оказывающий медицинские услуги, так и иной сотрудник медицинской организации, а также лицо, фактически осуществляющее оказание таких услуг. Таким образом, к уголовной ответственности за оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности, могут быть привлечены врачи, фельдшеры, медицинские сестры, работающие в медицинских организациях как на постоянной основе, так и временно, а также на основе гражданско-правовых соглашений об оказании определенного вида медицинских услуг. К субъектам рассматриваемого преступления можно отнести и медицинских работников, оказывающих частные услуги гражданам.

Обязательным признаком оказания услуг, не отвечающих требованиям безопасности, является наличие у медицинского работника прямого умысла на нарушение своих функциональных обязанностей либо положений, зафиксированных в клинических рекомендациях либо установленных порядками или стандартами оказания медицинской помощи, а также в иных документах. И, хотя в законе указано, что отношение к возможным негативным последствиям своих действий у медицинского работника является неосторожным, в целом, в соответствии со ст. 27 УК РФ, преступление, предусмотренное ст. 238 УК РФ, относится к умышленным деяниям.

Исследование судебной практики позволило определить наиболее часто встречающиеся криминальные нарушения, влияющие на безопасность медицинских услуг. Некоторые из них целесообразно рассмотреть подробнее.

1. Российское законодательство предписывает обязательное лицензирование любого вида медицинской деятельности. Отсутствие разрешения на оказание конкретного вида медицинской услуги является серьезным правонарушением и оценивается правоприменителем как деяние, предусмотренное ст. 238 УК РФ. Рассмотрим конкретную ситуацию. Женщина обратилась к врачу-акушеру-гинекологу для проведения операции по прерыванию беременности. Лицензией, которая была выдана данной медицинской организации, оказание этого вида медицинской услуги не предусматривалось в связи с отсутствием соответствующих помещений, оборудования, санитарно-эпидемиологического заключения, необходимого медицинского персонала. Врач-акушер-гинеколог, являющийся в то же время единственным участником и генеральным директором медицинской организации, достоверно знал, что оперативное вмешательство по прерыванию беременности им проведено быть не может, но не отказал пациентке. Не выяснив аллергический анамнез пациентки, он сам (врача-анестезиолога-реаниматолога в штате не было) ввел ей лекарственный препарат лидокаин, в результате чего от анафилактического шока наступила смерть паци-

ентки. Таким образом, врач сознательно оказывал услугу, игнорируя определенные для конкретного вида медицинской деятельности требования безопасности. Его действия были квалифицированы по п. «в» ч. 2 ст. 238 УК РФ как оказание медицинских услуг, не отвечающих требованиям безопасности, повлекших по неосторожности смерть человека.

2. Применение запрещенных приемов и методик при оказании медицинской помощи также рассматривается правоприменителями как основание для применения ст. 238 УК РФ.

В отношении главного врача московского роддома возбуждено уголовное дело по ч. 2 ст. 238 УК РФ. В этой медицинской организации практиковалась запрещенная в РФ тактика ведения родов в виде давления на дно матки роженицы в период изгнания плода (прием Кристеллера). Результатом применения такой методики, которая была признана не отвечающей требованиям безопасности, явились тяжелые травмы и инвалидность новорожденных и рожениц, а также гибель младенцев.

3. Достаточно много дел касаются привлечения к ответственности по ст. 238 УК РФ врачей, которые в процессе оказания медицинской помощи нарушили стандарты или порядки оказания медицинской помощи, клинические рекомендации, приказы или методические письма Министерства здравоохранения РФ.

Следует отметить, что подобные нарушения относятся к числу наиболее частых в судебно-следственной практике. Исходя из анализа уголовных дел можно сделать вывод, что медицинским работникам вменяется в вину нарушение требований: Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (в 100% дел); стандартов оказания медицинской помощи (в 100% дел); порядков оказания медицинской помощи (в 99% дел); клинических рекомендаций (в 92,2% дел); приказов Минздрава России (в 91,7% дел), методических писем Минздрава России (в 32% дел); методических указаний Минздрава России (в 36,2% дел); национальных руководств по различным медицинским специальностям (в 29,4% дел); общепринятой практики проведения отдельных медицинских вмешательств (в 14,1% дел); должностных инструкций (в 98% дел).

В этом ракурсе показательно следующее уголовное дело:

Врачи-акушеры-гинекологи высшей квалификационной категории А. и П. были осуждены по п. «в» ч. 2 ст. 238 УК РФ за оказание медицинских услуг, не отвечающих требованиям безопасности, повлекших смерть потребителя услуг М.

П. являлась заместителем главного врача по медицинской части перинатального центра, в котором оказывалась специализированная медицинская помощь женщинам в период беременности, родов и в

послеродовом периоде. А., врач высшей категории, руководила наблюдением отделением, осуществляющим плановую и экстренную медицинскую помощь в период беременности, родов и в послеродовом периоде, комплекс мероприятий по своевременной диагностике и лечению инфекционных осложнений у беременных, рожениц и родильниц.

Пациентка М. была доставлена в перинатальный центр каретой скорой помощи из городской больницы № 2 13.01 в 04 ч. с диагнозом «острая респираторно-вирусная инфекция средней степени тяжести; беременность 29-30 недель; угроза преждевременных родов; отслойка плаценты?».

В период с 04 до 08 ч. М. была обследована дежурными врачами-акушерами-гинекологами, выставившими диагноз «Беременность 29-30 недель; рубец на матке после операции кесарево сечение; эрозия шейки матки; гестационный сахарный диабет; анемия легкой степени; острая респираторно-вирусная инфекция средней степени тяжести; тазовое предлежание плода, подозрительная кривая на кардиограмме: патология пуповины; дефицит веса: вегетососудистая дистония по гипотоническому типу». Дежурными врачами с учетом высокого риска преждевременных родов на фоне острой респираторно-вирусной инфекции было рекомендовано: «Провести профилактику дыхательных расстройств плода дексаметазоном; продолжить рекомендованную терапию острой респираторно-вирусной инфекции; провести профилактику кровотечения: допустимая кровопотеря 250,0 мл; риск по перинатальным факторам высокий, по гнойно-септическим заболеваниям и внутриутробному инфицированию – высокий».

А. как заведующая наблюдением отделением осмотрела М. 13.01 в 08 ч., взяв на себя функции по организации и непосредственному лечению пациентки, проигнорировала определенный дежурными врачами перинатального центра обязательный и обоснованный объем диагностики и лечения, не дала оценки клиническим проявлениям, свидетельствующим об угрозе жизни и здоровью М., в виде кровотечения из половых путей при сроке беременности 29-30 недель, появления на коже верхних и нижних конечностей петехий и кровоизлияний, признаков начавшегося ДВС-синдрома, подозрительной кривой на кардиограмме. Не проведя обязательного объема обследования пациентки, в частности развернутого биохимического анализа крови, расширенной коагулограммы для определения состояния свертывающей системы крови, контроля сердцебиения плода по данным кардиографии, А. исключила у М. преждевременную отслойку нормально расположенной плаценты, гипоксию плода, иные акушерские патологии, обосновывающие нахождение пациентки в перинатальном центре, и не

определила показанного М. в период ее нахождения в перинатальном центре 13.01 с 08 ч. вида решения – срочной операции кесарево сечение. П. в 12 ч. 13 января также осмотрела М. Не дав оценки клиническим проявлениям, свидетельствующим об угрозе жизни и здоровью М., А. и П. приняли решение о возвращении пациентки в больницу № 2, отразив решение в медицинской документации. В течение четырех часов, предшествующих отправлению М. в 16 часов на скорой помощи в другую медицинскую организацию, А. и П. не осмотрели пациентку, несмотря на продолжающееся у нее кровотечение, не провели иных необходимых обследований. Во время транспортировки М. и ее повторного нахождения в больнице № 2 у нее усилились проявления акушерской патологии: боли внизу живота, кровотечение. При выставленном в больнице № 2 диагнозе – конец первого периода родов; антенатальная гибель плода? преждевременная отслойка плаценты? – М. на скорой помощи была отправлена в перинатальный центр, где 13.01 в 20 ч. 35 мин. была принята лечащими врачами А. и П. Указанные лица, не принимая во внимание антенатальную гибель плода массой менее 2000 гр., его тазовое предлежание, приняли решение о проведении родоразрешения М. через естественные родовые пути. 13.01 в 20 ч. 40 мин. А. и П. начали принимать естественные роды, в 20 ч. 45 мин. произошел разрыв шейки матки, из влагалища излилось не менее 250 мл крови и началось обильное кровотечение. В 20 ч. 50 мин. была начата экстренная операция по родоразрешению М. путем кесарева сечения, которую проводила П. при ассистировании А. В 20 ч. 55 мин. был извлечен мертвый плод мужского пола, смерть которого наступила от гипоксии 13.01 с 9 ч. 55 мин. до 20 ч. 35 мин. В результате продолжавшегося кровотечения на фоне развившегося ДВС-синдрома пациентке по жизненным показаниям была проведена экстирпация матки с трубами. После операции, потеряв 4100 мл крови, М. впала в кому и 16.01 по жизненным показаниям была переведена в первую областную клиническую больницу, где, не приходя в сознание, скончалась 26.01.

Смерть М. наступила вследствие синдрома диссеминированного внутрисосудистого свертывания, который вызвали отслойка плаценты на фоне острой респираторной вирусной инфекции и разрыв шейки матки во время естественных родов 13.01.17, приведшие к массивной кровопотере. Разрыв шейки матки причинил М. тяжкий вред здоровью по признаку опасности для жизни.

Возникновение указанных патологических состояний явилось следствием совместного оказания А. и П. медицинских услуг по диагностике и лечению, не отвечающих требованиям безопасности, в виде: игнорирования обязательного лечения и диагностики

заболевания, определенного дежурными врачами, принявшими М. в перинатальный центр; непроведения развернутого биохимического анализа крови, расширенной коагулограммы для определения состояния свертывающей системы крови, контроля кардиокограммы; недиагностирования отслойки нормально расположенной плаценты; отсутствия динамического наблюдения пациентки М. во время нахождения в перинатальном центре; непроведения внутреннего акушерского исследования перед переводом в больницу № 2; непроведение срочной операции кесарева сечения в период нахождения М. в перинатальном центре в период с 8 ч. до 16 ч. 09 мин.; необоснованного перевода М. в больницу № 2; не диагностирования синдрома диссеминированного внутрисосудистого свертывания, явившегося непосредственной причиной смерти М., родоразрешения М. через естественные родовые пути. Совместные действия А. и П., отмеченные выше, находятся в причинной связи с наступившими последствиями в виде смерти М.

При оказании М. медицинских услуг, не отвечающих требованиям безопасности, А. и П. были нарушены положения Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», Порядок оказания медицинской помощи по профилю «акушерство и гинекология за исключением использования вспомогательных репродуктивных технологий», утв. приказом Минздрава России от 1 ноября 2012 г. № 572н, приказа Минздрава России от 6 ноября 2012 г. № 583н «Об утверждении стандарта специализированной медицинской помощи при родоразрешении посредством операции кесарева сечения», клинических рекомендаций (протоколов лечения) «Интенсивная терапия и анестезия при кровопотере в акушерстве», Устава Перинатального центра, положения об акушерском наблюдательном отделении, должностных инструкций.

П. и А. были признаны виновными в совершении преступления, предусмотренного п. «в» ч. 2 ст. 238, им было назначено наказание в виде лишения свободы сроком на два года с отбыванием наказания в колонии общего режима и лишением права заниматься лечебной деятельностью сроком на два года.

Следует отметить, что эта трагическая ситуация имела свое продолжение.

По результатам патологоанатомического исследования, проводимого в областном патологоанатомическом бюро, М. был поставлен диагноз «Аутоиммунный гепатит, фульминантное течение». В органы Росстата было подано извещение о случае материнской смертности, который вошел в годовую статистику. Поскольку все случаи материнской смертности делятся на предотвратимые и предотвратимые, поставленный диагноз повлиял отрицательно на оценку работы областного Комитета здравоохране-

ния. Как было установлено при расследовании причин появления данного диагноза, руководитель бюро приказал заменить биологические материалы пациентки М. на материалы другого человека, погибшего от патологии печени. Такие материалы были найдены, что позволило подменить образцы печени М. на образцы печени мужчины, скончавшегося от заболевания печени. Проведенная в процессе расследования эксгумация тела М. подтвердила указанные факты. Руководитель патологоанатомического бюро и врачи, фактически осуществившие подмену, как должностные лица были осуждены по ч. 2 ст. 292 УК РФ за служебный подлог, повлекший существенное нарушение прав и законных интересов граждан.

Большинство медицинских работников соглашались с тем, что необходимо выполнять и порядки, и стандарты медицинской помощи. Основной вопрос возникает относительно клинических рекомендаций. Вместе с тем в приказе Минздрава России от 10 мая 2017 г. № 203н «Об утверждении критериев оценки качества медицинской помощи» к таким критериям отнесено, в частности, установление клинического диагноза на основании данных анамнеза, осмотра, данных лабораторных, инструментальных и иных методов исследования, результатов консультаций врачей-специалистов, предусмотренных стандартами медицинской помощи, а также клиническими рекомендациями (протоколами лечения) по вопросам оказания медицинской помощи.

4. К опасным услугам относят также использование для оказания медицинской помощи медицинских изделий, не прошедших регистрацию, что является строго обязательным, незарегистрированных лекарственных средств, а также лекарств вне инструкции.

Игнорирование этих положений привело к гибели пациента в одной из медицинских организаций. При проведении плановой дистанционной лучевой терапии на гамма-терапевтическом аппарате произошло сдавливание тела пациентки между столом и коллиматором аппарата, в результате чего ей были причинены телесные повреждения, от которых она скончалась на месте. Данный аппарат не был зарегистрирован на территории России и, по мнению сотрудников Росздравнадзора, представлял прямую угрозу жизни и здоровью пациентов.

За оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности, была привлечена к уголовной ответственности фельдшер, которая сделала пациентке инъекцию антибиотика цефтриаксон, разбавив препарат раствором для инъекций лидокаин буфус. Согласно инструкции цефтриаксон не может быть разведен лидокаином. Медик оказала небезопасную услугу, нарушив инструкцию по использованию лекарства.

Оказание медицинских услуг, не отвечающих требованиям безопасности, относится к тяжким преступ-

лениям. Санкция ч. 2 ст. 238 УК РФ предусматривает в том числе и наказание в виде лишения свободы сроком до шести лет. Анализ правоприменительной практики показывает, что за совершение этого преступления медицинским работникам все чаще назначается наказание в виде лишения свободы, отбываемое реально. Соответственно тяжести данного преступления установлены и сроки давности привлечения медицинского работника к уголовной ответственности. Если в результате умышленного нарушения медицинским работником обязательных требований, предъявляемых к оказанию того или иного вида медицинской помощи (медицинских услуг), наступили последствия, указанные в ч. 2 ст. 238 УК РФ (смерть пациента или тяжкий вред его здоровью), сроки давности привлечения к уголовной ответственности составляют 10 лет (т.е. медицинский работник может быть привлечен к уголовной ответственности в течение 10 лет со времени совершения преступления).

В результате проведенного исследования судебно-следственной практики можно сделать вывод, что

число уголовных дел по ст. 238 УК РФ в отношении медицинских работников демонстрирует тенденцию к росту. Такая квалификация неблагоприятных исходов в сфере медицины в значительной степени связана с постоянным использованием терминов «медицинская помощь» и «медицинская услуга» в качестве синонимичных понятий в нормативных документах разного уровня и в обычном деловом обороте. Вместе с тем уголовные дела возбуждаются лишь в ситуациях, когда умышленное игнорирование требований к оказанию конкретных видов медицинской помощи (медицинских услуг) повлекло последствия в виде смерти пациента или (что встречается существенно реже) тяжкого вреда его здоровью. При квалификации оказания врачом акушером-гинекологом медицинской помощи особое значение имеет отношение медицинского работника к исполнению требований основных медицинских документов, таких как порядки и стандарты оказания медицинской помощи, клинические рекомендации, должностные инструкции.

Пристатейный библиографический список

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 17 «О практике рассмотрения судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей» // СПС «КонсультантПлюс».
2. Постановление Пленума от 25 июня 2019 № 18 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьей 238 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

References

1. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 28 June 2012 No. 17 "On the Practice of Consideration by Courts of Civil Cases on Consumer Protection Disputes" (SPS "ConsultantPlus").
2. Resolution of the Plenum of 25 June 2019 No. 18 "On Judicial Practice in Cases of Crimes under Article 238 of the Criminal Code of the Russian Federation" (SPS "ConsultantPlus").

К ВОПРОСУ О РЕГЛАМЕНТАЦИИ И ПРИМЕНЕНИИ СПЕЦИАЛЬНЫХ УСЛОВИЙ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЛИЦ, СОВЕРШИВШИХ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ СВОБОДЫ ЧЕЛОВЕКА

САРАНОВ
Алексей Валерьевич

адвокат, член Адвокатской палаты
г. Москвы (г. Москва)

saranov@mail.ru

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2022-0-2-96-102>

Настоящая статья посвящена рассмотрению особенностей и проблем регламентации и применения на практике специальных условий освобождения от уголовной ответственности, предусмотренных в примечаниях к ст. 126 и 127¹ Уголовного кодекса РФ, распространяющихся на лиц, совершивших похищение человека или торговлю людьми. Особое внимание уделяется преломлению данных особенностей и проблем через призму обеспечения надлежащей уголовно-правовой охраны личной свободы несовершеннолетних, являющихся наиболее уязвимой категорией жертв таких преступлений. Предмет исследования образует круг актуальных проблем, связанных с регламентацией и применением на практике специальных условий освобождения от уголовной ответственности лиц, совершивших преступления против свободы человека. Цель исследования состоит в получении нового знания, способствующего дальнейшему развитию теории уголовного права в части формирования эффективных мер противодействия посягательствам на свободу человека и предупреждения социальных последствий данных преступлений. Методология исследования представлена всеобщим диалектическим методом, а также общенаучными и частнонаучными методами, включая сравнительно-правовой метод и метод правового моделирования. В основном содержании работы отражены результаты научного исследования современных проблем законодательного отражения и практического применения специальных условий освобождения от уголовной ответственности лиц, совершивших преступления против личной свободы человека. Научная новизна исследования выражена в полученном новом знании относительно актуального состояния и направлений дальнейшего совершенствования уголовного законодательства, регламентирующего условия освобождения от ответственности лиц, совершивших различные преступления против свободы человека. Основные результаты исследования заключаются в полученных научно обоснованных выводах и рекомендациях относительно совершенствования уголовного законодательства и практики его применения в части, касающейся освобождения от уголовной ответственности указанных лиц, что может быть принято во внимание в законотворческой деятельности, использоваться в практике органов предварительного расследования, прокуратуры и судов, в дальнейших исследованиях проблем противодействия преступлениям против свободы человека и в учебном процессе образовательных учреждений юридического профиля. Самостоятельные выводы автора заключаются в признании действующей регламентации специальных условий освобождения от уголовной ответственности лиц, совершивших преступления против свободы человека, не в полной мере согласующейся с интересами личности, общества и государства и нуждающейся в совершенствовании, в центре которого должен стоять человек с позиции более эффективной охраны его свободы и приоритета сохранения его здоровья и жизни, подвергаемых опасности в процессе его незаконного удержания.

**Несовершеннолетний;
преступления против свободы
человека;
специальные условия
освобождения от уголовной
ответственности**

Aleksey V. SARANOV

Lawyer, Member of the Moscow Bar
Association (Moscow)
saranov@mail.ru

ON THE REGULATION AND APPLICATION OF SPECIAL CONDITIONS FOR EXEMPTION FROM CRIMINAL RESPONSIBILITY OF PERSONS WHO HAVE COMMITTED CRIMES AGAINST HUMAN FREEDOM

**Juvenile;
crimes against human freedom;
special conditions for exemption
from criminal liability**

This article deals with the peculiarities and problems of the regulation and application in practice of special conditions for exemption from criminal liability provided for in the notes to Articles 126 and 1271 of the Criminal Code of the Russian Federation, which apply to persons who have committed kidnapping or trafficking in persons. Particular attention is paid to addressing these characteristics and problems through the provision of adequate criminal protection for the personal liberty of minors, who are the most vulnerable category of victims of such crimes. The subject of the study forms a circle of topical issues related to the regulation and application in practice of special conditions for the exemption from criminal liability of persons who have committed crimes against human freedom. The purpose of the study is to obtain new knowledge that contributes to the further development of the theory of criminal law in terms of the formation of effective measures to counter attacks on human freedom and prevent the social consequences of these crimes. The research methodology is represented by the universal dialectical method, as well as general scientific and private scientific methods, including the comparative legal method and the method of legal modeling. The main content of the work reflects the results of scientific research of modern problems of legislative reflection and practical application of special conditions for exemption from criminal liability of persons who have committed crimes against personal freedom of a person. The scientific novelty of the study is expressed in the new knowledge obtained regarding the current state and directions for further improvement of criminal legislation regulating the conditions for the release from liability of persons who have committed various crimes against human freedom. The main results of the study are the scientifically based conclusions and recommendations regarding the improvement of criminal legislation and the practice of its application in terms of exemption from criminal liability of these persons, which can be taken into account in law-making activities, used in the practice of preliminary investigation bodies, prosecutors and courts, in further studies of the problems of countering crimes against human freedom and in the educational process of legal educational institutions. The author's independent conclusions consist in recognizing the current regulation of special conditions for the exemption from criminal liability of persons who have committed crimes against human freedom, which is not fully consistent with the interests of the individual, society and the state and needs improvement, in the center of which a person should stand from the position of more effective protection of his freedom and the priority of preserving his health and life, exposed to danger in the process of his illegal detention.

Одним из необходимых условий для полноценной жизни человека и реализации им своих правовых возможностей является фактическое наличие у него личной, физической свободы. Согласно Конституции РФ право на свободу и личную неприкосновенность (ч. 1 ст. 22) входит в структуру правового статуса личности (ст. 64) и наряду с другими основ-

ными правами и свободами человека и гражданина, признаваемыми высшей ценностью (ст. 2), является неотчуждаемым, принадлежащим каждому от рождения (ч. 2 ст. 17) и непосредственно действующим правом, определяющим смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправ-

ления и обеспечиваемым правосудием (ст. 18). Для того чтобы это конституционное право было реально действующим, государство должно обеспечить его надлежащую защиту, в том числе посредством мер, предусмотренных уголовным законом.

В соответствии со ст. 2 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ) охрана прав и свобод человека и гражданина от преступных посягательств входит в число его основных задач, для решения которых устанавливаются основания и принципы уголовной ответственности, определяются виды преступных деяний, а также наказаний и иных мер уголовно-правового характера за их совершение. Отметим, что среди средств, предусмотренных для осуществления задач уголовного закона необоснованно, на наш взгляд, не названо освобождение от уголовной ответственности, несмотря на то, что данный институт регламентирован непосредственно в нормах Общей и Особенной частей УК РФ и активно применяется на практике при расследовании и рассмотрении уголовных дел, в том числе дел о преступлениях против свободы человека. Если в статьях Общей части УК РФ (ст. 75–78) содержатся общие виды и присущие им условия освобождения от уголовной ответственности, то в примечаниях к отдельным статьям Особенной части УК РФ – специальные виды и соответствующие условия для применения данного института к лицам, совершившим определенные виды преступлений. В настоящей работе мы остановимся на специальных условиях освобождения от уголовной ответственности за преступления против свободы человека, предусмотренных в примечаниях к отдельным статьям гл. 17 УК РФ.

Ответственность за преступления против свободы человека установлена в ст. 126–128 УК РФ, тогда как примечания, содержащие указанные специальные условия, предусмотрены только в двух из них – в ст. 126 «Похищение человека» и ст. 127¹ «Торговля людьми». По нашему мнению, это обстоятельство свидетельствует о недостаточной системности и согласованности положений уголовного законодательства, направленных на регулирование и охрану одной и той же области общественных отношений. В частности, представляется необоснованным отсутствие соответствующего примечания в ст. 127 УК РФ об ответственности за незаконное лишение свободы, поскольку данное преступление отличается от похищения человека по сути только тем, что виновное лицо не перемещает потерпевшего в другое место, а удерживает там, где тот первоначально оказался по своей воле [1, с. 490–491]. Также вызывает вопросы отсутствие специальных условий освобождения от уголовной ответственности лиц, использовавших рабский труд (ст. 127² УК РФ), несмотря на то, что эта преступная деятельность нередко представ-

ляет собой продолжение и запланированный результат предшествовавшей ей торговли людьми. На наш взгляд, специальные условия освобождения от уголовной ответственности целесообразно было предусмотреть и применительно к преступлению в виде незаконной госпитализации в психиатрический стационар (ст. 128 УК РФ).

Важно учитывать, что рассматриваемые преступления преимущественно имеют длящийся характер, причем продолжительность незаконного удержания человека может быть как краткосрочной, так и долгосрочной, в том числе исчисляться месяцами и даже годами, в связи с чем большое значение имеют положения уголовного закона, стимулирующие виновных прекратить преступную деятельность и освободить потерпевшего. Именно на скорейшее прекращение нарушения конституционного права человека на свободу и личную неприкосновенность и предотвращение тяжких последствий его незаконного удержания и должны быть направлены специальные условия освобождения от уголовной ответственности, на которых мы остановимся в дальнейшем изложении работы.

Как следует из примечания к ст. 126 УК РФ, лицо, похитившее человека, а затем добровольно освободившее его, подлежит освобождению от уголовной ответственности за данное деяние, но не освобождается от уголовной ответственности за иные преступления, составы которых также могут содержаться в его действиях. Как разъяснил Пленум Верховного Суда РФ в п. 11 постановления от 24 декабря 2018 г. № 58 «О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми» [2], добровольное освобождение похищенного человека не влечет освобождение виновного лица от уголовной ответственности за другие незаконные действия, включая те деяния, которые были совершены в процессе похищения человека, когда таковые образуют самостоятельный состав преступления. В качестве примеров таких противоправных действий, требующих дополнительной квалификации, Пленум Верховного Суда РФ приводит умышленное причинение вреда здоровью человека, а также преступления в сфере нелегального оборота оружия. Иначе говоря, примечание к ст. 126 УК РФ позволяет освободить от уголовной ответственности исключительно в части совершенного виновным лицом похищения человека, тогда как все иные незаконные действия, в том числе входящие в содержание квалифицирующих признаков, предусмотренных ч. 2 и 3 данной статьи, подлежат самостоятельной правовой оценке и уголовному преследованию [3, с. 28–30].

Кроме того, в п. 11 указанного Постановления Пленума Верховного Суда РФ дается разъяснение ключевого условия для применения примечания

к ст. 126 УК РФ, заключающегося в добровольном освобождении похищенного лица, признаваемом таковым, если виновный осознавал наличие у него реальной возможности и далее удерживать потерпевшего, но тем не менее освободил его (например, передал его родственникам или представителю власти, сообщил им сведения о месте нахождения потерпевшего, из которого имеется возможность его забрать). То есть Пленум Верховного Суда РФ истолковал добровольность в обычном, широком смысле, понимая под ней ситуацию освобождения виновным похищенного им лица, при которой отсутствовали обстоятельства, препятствующие дальнейшему незаконному удержанию потерпевшего. Вместе с тем остался без ответа актуальный вопрос о том, можно ли признавать добровольным такое освобождение похищенного человека, которое было обусловлено достижением виновным той цели, для которой было совершено данное похищение. Подобные проблемы существуют и широко обсуждаются специалистами применительно к условиям освобождения и по другим составам преступлений [4, с. 13–14], но до конца разрешить их доктрине уголовного права не удается, поэтому считаем целесообразным в рамках нашей работы обратиться к примерам из правоприменительной практики.

Судебная практика признает последнее обстоятельство исключаящим добровольность соответствующих действий виновных лиц и, как следствие, препятствующим применению примечания к ст. 126 УК РФ. Так, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ отказала в удовлетворении апелляционной жалобы лиц, осужденных, в частности по п. «а» ч. 3 ст. 126 УК РФ, в том числе не нашла оснований для применения примечания к данной уголовно-правовой норме. Суд установил, что осужденные В. и О. освободили потерпевшего К. только после того, как они достигли цели его похищения, а именно – после подписания данным лицом фиктивных договора займа и долговой расписки под воздействием и в результате оказанного на него давления, в связи с чем основания для освобождения осужденных от уголовной ответственности с применением примечания к ст. 126 УК РФ были признаны отсутствующими. Судебная коллегия мотивировала свое решение тем, что по смыслу ст. 126 УК РФ освобождение похищенного лица не признается добровольным в тех случаях, когда оно обусловлено фактическим выполнением требований похитителей либо достижением иной цели виновных лиц [5].

Несмотря на внешнюю логичность данной позиции Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ и содержащегося в нем ответа на обозначенный выше вопрос, тем не менее считаем, что такой подход не в полной мере соответствует той за-

даче, которая, как нам представляется, стоит перед поощрительной нормой, закрепленной в примечании к ст. 126 УК РФ, заключающейся в защите человека от продолжения посягательства на его свободу посредством стимулирования виновного к прекращению незаконного удержания похищенного им лица. В связи с этим полагаем, что интересам защиты свободы, личной неприкосновенности, а подчас здоровья и жизни похищенных лиц в полной мере отвечает официальное судебное толкование примечания к ст. 126 УК РФ Пленума Верховного Суда РФ, которое, кроме того, основано на буквальном содержании уголовного закона. Вместе с тем подчеркнем, что наш вывод вовсе не означает, что законодательная регламентация специальных условий освобождения от уголовной ответственности за похищение человека не нуждается в совершенствовании, в том числе с учетом положительного зарубежного опыта в данной области. Особенный интерес на российском правовом пространстве представляет опыт государств СНГ, поскольку законодательство этих государств ранее входило в единую законодательную систему [6].

Так, в ст. 170 Уголовного кодекса Кыргызской Республики [7] (далее – УК Кыргызстана) об ответственности за похищение человека использован дифференцированный подход к регулированию условий и юридических последствий добровольного освобождения похищенного лица. Во-первых, согласно примечанию к ст. 170 УК Кыргызстана специальные условия освобождения от уголовной ответственности за данное преступление не применяются к лицам, которые совершили похищение человека при таких квалифицирующих обстоятельствах, предусмотренных п. 6 и 7 ч. 2 данной статьи, как причинение по неосторожности тяжкого вреда здоровью потерпевшего либо его похищение с целью изъятия у него при жизни или после смерти органов или тканей для трансплантации. Во-вторых, виновный подлежит освобождению от уголовной ответственности при условии, что он добровольно освободил потерпевшего в течение 72 часов после совершения похищения, тогда как аналогичное позитивное действие по истечении данного срока согласно ч. 3 ст. 170 УК Кыргызстана не освобождает виновного от уголовной ответственности, но существенно смягчает наказание, поскольку ее санкция, в отличие от санкций ч. 1 и 2 данной статьи, включает только такие виды наказания, которые не связаны с лишением свободы, – общественные работы, исправительные работы, штраф. Считаем, что такой подход стимулирует в кратчайшие сроки освободить похищенное лицо, тогда как для применения примечания к ст. 126 УК РФ продолжительность незаконного удержания похищенного лица не имеет значения. Вместе с тем отметим, что в примечании к ст. 127 УК Кыргызстана нет важной

оговорки о том, что в содеянном должен отсутствовать состав иного преступления.

Специальные условия освобождения от уголовной ответственности лиц, совершивших торговлю людьми, содержащиеся в п. 1 примечаний к ст. 127¹ УК РФ, характеризуются следующими особенностями: 1) они распространяются исключительно на лиц, незаконные действия которых образуют состав преступления, предусмотренного ч. 1 или п. «а» ч. 2 данной статьи (торговля, осуществленная в отношении одного, двух или более потерпевших, не включающая какие-либо дополнительные квалифицирующие признаки состава этого преступления, например, несовершеннолетний возраст жертвы); 2) соответствующие преступные действия должны быть совершены лицом впервые, что не исключает его причастности к иным преступлениям; 3) виновный должен не только добровольно освободить потерпевшего, но еще и способствовать раскрытию данного преступления.

Представляется, что специальные условия освобождения от уголовной ответственности в данном случае целесообразно было распространить и на лиц, совершивших рассматриваемое преступление в отношении несовершеннолетнего, что явилось бы предпосылкой для стимулирования виновных к тому, чтобы освободить ребенка, фактически выступающего предметом незаконных сделки, перевозки, получения и т.д., не допустить его дальнейшей эксплуатации, сохранить его здоровье и жизнь [8, с. 132–133].

Для единообразного понимания формулировки «лицо, впервые совершившее преступление» следует учитывать общие разъяснения Пленума Верховного Суда РФ, приводимые в п. 2 его постановления от 27 июня 2013 г. № 19, посвященного вопросам освобождения от уголовной ответственности [9]. Вместе с тем, учитывая важность соответствующего понятия для практики применения статей Общей и Особенной частей УК РФ, регламентирующих виды и условия освобождения от уголовной ответственности, считаем необходимым определить его непосредственно в уголовном законе.

Считаем, что законодательное закрепление такого условия освобождения от уголовной ответственности, как способствование раскрытию преступления, является необоснованным, поскольку термин «раскрытие преступления», наиболее часто используемый в оперативно-розыскной деятельности, криминалистике и в уголовно-процессуальном праве, преимущественно понимается в контексте периода, предшествующего возбуждению уголовного дела и началу его расследования. Вместе с тем в рамках предварительного расследования содействие подозреваемого (обвиняемого) в установлении обстоятельств совершенного преступления является не менее востребованным

и значимым. Кроме того, важно учитывать, что уголовное дело о торговле людьми может быть возбуждено, в частности, по заявлению потерпевшего или иного лица, а равно в связи с рапортом сотрудника, непосредственно обнаружившего это преступление, поэтому важно сохранить стимулирующее значение примечания к ст. 127¹ УК РФ и в случаях, когда виновный объективно может содействовать именно расследованию преступления, а не его раскрытию.

Отметим, что аналогичная ситуация имеет место в примечаниях к ст. 322² и 322³ УК РФ, содержащих специальные условия освобождения от уголовной ответственности лиц, совершивших фиктивные регистрационные действия в сфере миграционного учета. В связи с этим Пленум Верховного Суда РФ в п. 17 постановления от 9 июля 2020 г. № 18 «О судебной практике по делам о незаконном пересечении Государственной границы Российской Федерации и преступлениях, связанных с незаконной миграцией» [10] истолковал понятие «раскрытие преступления» в широком смысле и разъяснил, что таковым следует признавать действия лица, осуществленные не только до возбуждения уголовного дела, но и после его возбуждения как в отношении определенного лица, так и по факту преступления, и имеющие своей целью оказать содействие органам предварительного расследования в установлении времени, места, способа и иных обстоятельств совершения деяния, участия в таковом данного лица, а равно в изобличении лиц, являвшихся соучастниками. В данном случае мотивированное решение об освобождении виновного от уголовной ответственности должно приниматься с учетом характера, содержания и объема фактически осуществленных им постпреступных действий, значения последних для установления обстоятельств преступления и изобличения причастных к нему лиц. Согласимся с тем, что эти разъяснения Пленума Верховного Суда РФ являются обоснованными, позволяющими нивелировать указанный дефект законодательной техники, поскольку в противном случае применение специальных условий освобождения от уголовной ответственности было бы сведено к нулю [11, с. 80].

По нашему мнению, наличие, а также точная и полная регламентация специальных условий освобождения от уголовной ответственности лиц, совершивших преступления против личной свободы человека, являются необходимыми законодательными мерами, требующими своего дальнейшего развития и совершенствования, в том числе распространения на все виды преступлений данной группы.

Особое значение такие условия имеют для обеспечения надлежащей охраны свободы несовершеннолетних, а также иных интересов детей и их семей, поскольку похищение, незаконное лишение свободы,

торговля и эксплуатация при их совершении в отношении этой категории потерпевших способны приводить к наиболее опасным и разветвленным последствиям, в том числе к причинению различного вреда психическому и физическому здоровью ребенка и его близких. Кроме того, дети, как правило, не могут оказать ощутимое сопротивление виновным, подчас полностью зависят от них и не всегда способны осознать характер и значение совершаемых с ними действий, предвидеть их последствия.

В завершение отметим, что консолидируемся с мнением специалистов, что «механизмы гуманизации и либерализации уголовного законодательства стоят в авангарде эффективных средств совершенствования уголовной политики любого государства» [12, с. 106]. В связи с данными обстоятельствами считаем, что на первый план следует поставить именно спасение ребенка, скорейшее прекращение его незаконного удержания и эксплуатации, пусть даже и ценой прекращения уголовного преследования лиц,

совершивших данные противоправные действия, но прервавших их продолжение в обмен на обещанное им освобождение от уголовной ответственности. Одной из важных предпосылок для развития уголовного законодательства в этом направлении, на наш взгляд, является установление уголовной ответственности за посягательства на свободу детей и специальных условий освобождения от нее в самостоятельных статьях гл. 20 УК РФ о преступлениях против семьи и несовершеннолетних.

Таким образом, действующая регламентация специальных условий освобождения от уголовной ответственности лиц, совершивших преступления против свободы человека, не в полной мере согласуется с интересами личности, общества и государства и нуждается в совершенствовании, в центре которого должен стоять человек с позиции более эффективной охраны его свободы и приоритета сохранения его здоровья и жизни, подвергаемых опасности в процессе его незаконного удержания.

Пристатейный библиографический список

1. *Тараненко В. В., Харитонов С. С., Решняк М. Г., Борисов С. В.* Актуальные проблемы совершенствования уголовно-правовых мер противодействия похищению человека, незаконному лишению свободы, торговле людьми и использованию рабского труда // *Всероссийский криминологический журнал*. 2020. Т. 14. № 3.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 декабря 2019 г. № 58 «О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми» // *Российская газета*. 2019. 31 дек.
3. *Зеленин С. Р., Борисов С. В.* Похищение человека, незаконное лишение свободы и торговля людьми : разъяснения Пленума ВС РФ // *Уголовный процесс*. 2020. № 4.
4. *Фоменко Е. В.* Проблемы, возникающие при решении вопроса об освобождении от уголовной ответственности за подкуп должностного лица // *Адвокатская практика*. 2007. № 6.
5. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 15 января 2020 г. № 78-АПУ19-36 // СПС «КонсультантПлюс».
6. *Краснопеева Е. В.* Сравнительный анализ уголовного законодательства государств СНГ : общая часть : лекции. М. : Московский университет МВД России, 2006.
7. Уголовный кодекс Кыргызской Республики от 2 февраля 2017 г. (с изм. и доп. по сост. на 22 июля 2021 г.) // Централизованный банк данных правовой информации Кыргызской Республики : сайт. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/111527> (дата обращения: 01.04.2022).
8. *Саранов А. В.* Актуальные проблемы уголовной ответственности за торговлю несовершеннолетними // *Государственная служба и кадры*. 2021. № 2.
9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» // Верховный Суд РФ : сайт. URL: <http://www.vsrfr.ru/> (дата обращения: 01.04.2022).
10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2020 г. № 18 «О судебной практике по делам о незаконном пересечении Государственной границы Российской Федерации и преступлениях, связанных с незаконной миграцией» // *Российская газета*. 2020. 17 июля.
11. *Борисов С. В.* Нарушение границы и незаконная миграция : позиции Пленума ВС РФ // *Уголовный процесс*. 2020. № 10.
12. Правовое обеспечение реализации национальных проектов социально-экономического развития России до 2030 года : монография / отв. ред. В. Б. Ястребов. М. : Проспект, 2021.

References

1. *Taranenko V. V., Kharitonov S.S., Reshniak M. G., Borisov S. V.* Actual Problems of Improving Criminal Law Measures to Counteract Kidnapping, Illegal Imprisonment, Human Trafficking and the Use of Slave Labor. *All-Russian Journal of Criminology*. 2020. Vol. 14. No. 3.
2. Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 24 December 2019 No. 58 "On Judicial Practice in Cases of Kidnapping, Illegal Imprisonment and Human Trafficking". *Rossiiskaia Gazeta*. 31 December 2019.
3. *Zelenin S. R., Borisov S. V.* Kidnapping, Illegal Imprisonment and Human Trafficking: Clarifications of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation. *Criminal Trial*. 2020. No. 4.
4. *Fomenko E. V.* Problems Arising When Resolving the Issue of Exemption from Criminal Liability for Bribing an Official. *Advocate Practice*. 2007. No. 6.
5. Appeal Ruling of the Judicial Collegium for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation of 15 January 2020 No. 78-APU19-36 (SPS "ConsultantPlus").
6. *Krasnopeeveva E. V.* Comparative Analysis of the Criminal Legislation of the CIS States: General Part: Lectures. Moscow: Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2006.
7. Criminal Code of the Kyrgyz Republic of 2 February 2017 (as amended and supplemented as of 22 July 2021). URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/111527> (date of the application: 01.04.2022).
8. *Saranov A. V.* Actual Problems of Criminal Liability for Trafficking in Minors. *Public Service and Personnel*. 2021. No. 2.
9. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 27 June 2013 No. 19 "On the Application by Courts of Legislation Regulating the Grounds and Procedure for Exemption from Criminal Liability". URL: <http://www.vsrfr.ru/> (date of the application: 01.04.2022).
10. Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 9 July 2020 No. 18 "On Judicial Practice in Cases of Illegal Crossing of the State Border of the Russian Federation and Crimes Related to Illegal Migration". *Rossiiskaia Gazeta*. 17 July 2020.
11. *Borisov S. V.* Violation of the Border and Illegal Migration: Positions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation. *Criminal Trial*. 2020. No. 10.
12. *Iastrebov V. B. (ed.)*. Legal Support for the Implementation of National Projects for the Socio-Economic Development of Russia Until 2030: Monograph. Moscow: Prospekt, 2021.

РОЛЬ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ В МЕХАНИЗМЕ СДЕРЖЕК И ПРОТИВОВЕСОВ: ГОРИЗОНТАЛЬНЫЙ И ВЕРТИКАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2022-0-2-103-111>

В статье рассматривается роль политических партий в горизонтальном и вертикальном аспектах механизма сдержек и противовесов. Политические партии в механизме сдержек и противовесов способствуют повышению эффективности управления, недопущению концентрации власти у одного субъекта или коллектива, в связи с чем автором выражается и обосновывается мнение, что политические партии должны существовать как на федеральном, так и на региональном уровне государственной власти. Актуальность темы научного исследования объясняется тем, что политические партии как институты демократического общества напрямую влияют на процессы, происходящие внутри механизма сдержек и противовесов. В Российской Федерации, с учетом особенностей ее партийной системы, вопросы об участии политических партий в механизме сдержек и противовесов, об их роли в функционировании данного механизма, о возможности создания региональных партий для регулирования указанного механизма стоят особенно остро. Между тем специальных исследований данной проблематики в отечественной конституционно-правовой литературе не проводилось. Предмет исследования – роль и участие политических партий в механизме сдержек и противовесов. Цель работы – исследовать причинно-следственную связь между наличием и деятельностью политических партий разного уровня и нормальным функционированием механизма сдержек и противовесов. При подготовке данной работы использованы сравнительно-правовой и формально-юридический методы. Механизм сдержек и противовесов в горизонтальном и вертикальном аспектах находится в сложной ситуации в связи с острым кризисом института политических партий. Политические партии нуждаются в обновлении посредством введения в законодательство Российской Федерации возможности создания региональных политических партий. Данная мера напрямую повлияет на работу механизма сдержек и противовесов на региональном и федеральном уровнях. Существует прямая причинно-следственная связь между наличием и деятельностью политических партий и нормальным функционированием механизма сдержек и противовесов. В странах с действующими региональными политическими партиями механизм сдержек и противовесов защищен дополнительным контролем со стороны гражданского общества. Результаты исследования могут быть применены в качестве обоснования необходимости введения в Российской Федерации института региональных политических партий посредством внесения изменений в Федеральный закон от 11 июля 2001 г. № 95-ФЗ «О политических партиях». В результате проведенного исследования автором был сделан вывод о том, что запрет региональных политических партий – прямой путь к стагнации территориального устройства публичной власти, разрушению конституционных механизмов сдержек и противовесов как на федеральном, так и на региональном уровне. Российская Федерация остро нуждается во введении региональных политических партий и в становлении института партийного федерализма.

**КУРСКИЙ
Илья Сергеевич**

аспирант кафедры конституционного и международного права Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (г. Москва)

Lawyer-kyrsky@ya.ru

**Федерализм;
партийный федерализм;
политические партии;
разделение властей;
запрет региональных
политических партий**

Ilya S. Kurskiy

Postgraduate Student, Department
of Constitutional and International
Law, All-Russian State University
of Justice (Moscow)

Lawyer-kyrsky@ya.ru

**Federalism;
party federalism;
political parties;
separation of powers;
prohibition of regional political
parties**

THE ROLE OF POLITICAL PARTIES IN THE MECHANISM OF CHECKS AND BALANCES: HORIZONTAL AND VERTICAL ASPECTS

The article examines the role of political parties in the horizontal and vertical aspects of the mechanism of checks and balances. Political parties in the mechanism of checks and balances contribute to improving the efficiency of governance, preventing the concentration of power in one entity or collective, in connection with which the author expresses and justifies the opinion that political parties should exist both at the federal and regional levels of government. Political parties, as institutions of a democratic society, directly affect the processes taking place within the mechanism of checks and balances. In the Russian Federation, taking into account the peculiarities of its party system, questions about the participation of political parties in the mechanism of checks and balances, about their role in the functioning of this mechanism, about the possibility of creating regional parties to regulate this mechanism, are particularly acute. The subject of the study is the role and participation of political parties in the mechanism of checks and balances. The purpose of the study is to investigate the causal relationship between the presence and activity of political parties of different levels and the normal functioning of the mechanism of checks and balances. Comparative legal and formal legal methods were used in the preparation of this work. The mechanism of checks and balances in horizontal and vertical aspects is in a difficult situation due to the acute crisis of the institution of political parties. Political parties need to be updated by introducing into the legislation of the Russian Federation the possibility of creating regional political parties. This measure will directly affect the operation of the checks and balances mechanism at the regional and federal levels. There is a direct causal relationship between the presence and activity of political parties and the normal functioning of the mechanism of checks and balances. In countries with active regional political parties, the mechanism of checks and balances is protected by additional control from civil society. The results of the study can be used as a justification for the need to introduce the institute of regional political parties in the Russian Federation by amending Federal Law of 11 July 2001 No. 95-FZ "On Political Parties". The prohibition of regional political parties is a direct path to the stagnation of federalism, the destruction of constitutional mechanisms of checks and balances, both at the federal and regional levels. The Russian Federation urgently needs the introduction of regional political parties and the establishment of the institution of party federalism.

Теория разделения властей, разработанная Дж. Локком [1] и доведенная до совершенства Ш. Монтескье [2], на протяжении долгого времени является предметом не только острых научных дискуссий, но и базисом построения правового демократического государства [3, с. 41]. В современной науке под разделением властей чаще всего понимают политико-правовую теорию и воплощающие ее политические практики, предполагающие наличие в государстве эффективных механизмов, предотвращающих концентрацию государственной власти [4, с. 48]. При этом классическая теория разделения властей, созданная Ш. Монтескье, предполагает, что среди всех государственных органов наибо-

лее мощными и влиятельными являются олицетворяющие ветви власти законодательные, исполнительные и судебные органы, между которыми соответствующим образом разграничиваются полномочия, эти органы являются независимыми друг от друга, но друг друга контролируют [2, с. 178–187]. Система организации государственного механизма, в рамках которой ветви власти не только автономны в организационном, личностном и компетенционном отношениях, но и контролируют друг друга, получила название системы сдержек и противовесов [5, с. 34–42]. Авторами данной концепции явились отцы-основатели Конституции и самого государства США [6].

Со временем данная классическая версия разделения властей эволюционировала по нескольким направлениям. Главным направлением ее эволюции стало дополнение классической концепции разделения властей, получившей характеристику «горизонтальной» [3, с. 65], «вертикальным» аспектом видения данного принципа и соответствующих практик, т.е. системой разграничения полномочий и взаимного сдерживания различных уровней публичной власти [там же, с. 66]. В унитарном государстве «вертикальный» аспект разделения властей предполагает разграничение полномочий между высшими органами власти государства и органами местного самоуправления [7], а в федеративном – между федеральными государственными органами, государственными органами субъектов федерации и органами местного самоуправления [8]. Вертикальный аспект разделения властей, как и горизонтальный, имеет целью не только повышение эффективности управления, но и недопущение концентрации власти у одного субъекта или коллектива.

Вертикальный аспект разделения властей особенно ярко проявляется в федеративном государстве, поскольку регионы, являющиеся субъектами федерации, обладают в нем частью полномочий государственной важности. Например, в США за штатами сохраняются полномочия по регулированию вопросов собственности, семьи, здравоохранения, трудовых правоотношений, налогообложения [9, с. 116–127]. Конституция Швейцарии вообще содержит формулировку о признании суверенитета субъектов федерации: «Кантоны суверенны, поскольку их суверенитет не ограничен Союзной конституцией; они осуществляют все права, которые не переданы Союзу» [10].

Итак, главная идея федерализма – это идея максимально возможной в рамках единого государства децентрализации, проявляющаяся в признании за регионами статуса государств или государственно подобных образований и наделении их частью полномочий государственной важности [11; 12, с. 45–46]. Именно такое разделение полномочий между общенациональным и региональным уровнями государственной власти позволяет говорить о ярко выраженном разделении властей по вертикали, существующем в федеративных государствах.

Вторым важным направлением эволюции принципа разделения властей явилось колоссальное повышение роли политических партий в функционировании государственного механизма [13, с. 383]. При этом состязательность политических партий, острота их конкуренции в борьбе за власть стали главным фактором, определяющим само существование принципа разделения властей, а также системы сдержек и противовесов и степень воплощения данных принципов в действительность.

Как писал выдающийся французский исследователь политических партий середины XX в. М. Дюверже, «степень разделения властей гораздо больше зависит от партийной системы, чем от положений, записанных в конституциях» и «реальное разделение властей есть, следовательно, результат взаимодействия партийной системы и конституционных норм» [там же, с. 474]. Это объясняется приобретением партийного характера выборами.

Действительно, именно наличие в парламенте не только правящей партии (т.е. партии, к которой принадлежит политический лидер, контролирующей исполнительную власть как самую могущественную из трех ветвей власти), но и организованной оппозиции, стремящейся стать правящей в результате проведения следующих выборов, создает стимулы для критики парламентариями лидера и правительства, осуществления парламентского контроля и парламентской ответственности правительства [14]. В президентской республике оппозиционная партия может составлять парламентское большинство, причем в обеих палатах парламента, что еще больше усиливает позиции последнего. Все это делает парламент сдерживающим правительство от злоупотреблений и неэффективности, придает ему силу и самостоятельность во взаимоотношениях с правительством как самой мощной ветвью государственной власти, а также с политическим лидером, который контролирует правительство. В результате партийная конкуренция порождает и поддерживает конкуренцию ветвей власти, в которой механизм сдержек и противовесов получает реальное воплощение [15].

Показателями существования горизонтальной системы сдержек и противовесов являются автономность, независимость, контроль, посредничество и противостояние между ветвями власти, работающими на одном уровне вертикальной системы [16]. В реализации всех этих проявлений роль политических партий в лице их парламентских фракций огромна. Так, именно партийные фракции инициируют парламентские расследования, именно их представители (чаще всего – оппозиционных фракций) задают членам правительства вопросы, инициируют интерpellляции и вотумы недоверия [17]. Стимулом такой активности структур политической оппозиции является ее стремление проявить себя в течение данной легислатуры наилучшим образом и, наоборот, ухудшить имидж правящей партии – с тем, чтобы увеличить шансы победы оппозиции на предстоящих выборах.

Наоборот, если партийная конкуренция отсутствует, то, несмотря на наличие трех ветвей власти, принцип разделения властей с точки зрения его главной идеи оказывается нереализованным. У законодательного органа нет ресурсов и стимулов контро-

лировывать политическую элиту и бюрократический аппарат. Именно таким образом устроен механизм публичной власти в социалистических государствах, конституции которых признают руководящую роль коммунистических партий, т.е. не допускают ни партийной конкуренции, ни парламентской оппозиции [18, ст. 6].

Аналогично разделение властей по вертикали, прежде всего федерализм как наиболее яркое его выражение, является реальностью только в том случае, если и партийные разнообразие и конкуренция будут иметь вертикальный характер. Вертикальный политический плюрализм, именуемый в западной научной мысли партийным федерализмом, означает такое качество партийной системы страны, при котором в различных субъектах федерации правящие партии являются различными [19]. Партийный федерализм как термин был разработан при исследовании идентификации избирателей каждого штата США с определенной политической партией в условиях их поляризационной позиции по ряду вопросов. Результаты исследования свидетельствуют, что в ситуации совпадения партийных предпочтений избирателя на федеральном и региональном уровнях правящие на федеральном уровне партии чаще проходят в региональные законодательные органы, тем самым влияя на политику региона с помощью партийной дисциплины [ibid., p. 1109].

В качестве вертикального данный аспект политического плюрализма характеризуется потому, что при таком раскладе партия, правящая на федеральном уровне, не совпадает с партиями, являющимися правящими в большем или меньшем количестве субъектов федерации. В результате политические партии, являющиеся правящими в регионах, освобождаются от одного из механизмов подконтрольности региональных властей федеральным властным структурам – подконтрольности, обеспечиваемой через партийную дисциплину [ibid., p. 1113]. Как следствие ввиду различного партийного состава региональных парламентов снижается зависимость региональных властей от федеральных, а ориентация на интересы избирателей, наоборот, усиливается, что, в свою очередь, стимулирует самостоятельность региональных властей, а следовательно – укрепление децентрализации государственной власти как идеи федерализма [20].

В РФ о разнообразном партийном составе федерального и региональных парламентов говорить не приходится: в 79 из 85 региональных парламентов абсолютное большинство депутатских мандатов имеет Всероссийская политическая партия «Единая Россия» [21], которая также обладает большинством (к тому же «конституционным») депутатских мандатов в Государственной Думе – 325 депутатов из 450 [там

же]. Лишь в Хабаровском крае, что является исключением, абсолютное большинство мандатов принадлежит депутатам от ЛДПР – 28 из 36, учитывая депутатов, избранных по одномандатным округам, состоящих в указанной партии [22]. Отсутствие в РФ региональных политических партий порождает вопросы о реальном представительстве интересов населения регионов в парламентах субъектов РФ и о влиянии федеральной власти через инструменты партийной дисциплины на принимаемые на региональном уровне решения.

В странах, где разрешены региональные политические партии, ситуация с представительством, как региональным, так и федеральным, выглядит несколько иначе. Например, в Бельгии практически все партии являются региональными и делятся на фламандские, валлонские и брюссельские, в связи с чем каждая из партий является действующей преимущественно в одной из частей страны и абсолютно неконкурентоспособной в другой ввиду существенных различий в интересах жителей этих регионов [23, с. 21–37; 24, с. 175–193]. Брюссельские партии малочисленны, и их действия, в основном, направлены на защиту интересов групп жителей Брюссельского региона. Брюссельская партия *DéFI* защищает интересы франкоязычного сообщества в Брюсселе, в связи с чем ее представители имеют два франкоязычных места в Палате представителей бельгийского парламента, 10 франкоязычных мест в Брюссельском парламенте и 3 места в Парламенте Французского сообщества [25]. Действующая исключительно во Фламандском сообществе, политическая партия «Христианские демократы и фламандцы» на последних выборах получила 12 мест в нижней и пять мест в верхней палате национального парламента, кроме того, два ее представителя вошли в состав Европейского парламента [26]. «Социалистическая партия», основные сторонники и силы которой сосредоточены в Валлонском регионе, имеет 20 мест в нижней и девять мест в верхней палате парламента Бельгии, а также три места в Европарламенте [27].

Однако Бельгия – это уникальный пример регионального представительства. Если сместить фокус внимания на страны с сильными федеральными партиями, например, ФРГ, можно обнаружить широкие возможности участия в политической жизни самых малых народных групп. Региональная политическая партия «Союз южношлезвигских избирателей», представляющая интересы датского национального меньшинства в земле Шлезвиг-Гольштейн [28], имеет три места в Ландтаге указанной Федеральной Земли [29], а также, по результатам выборов 2021 г., сенсационно, впервые за 70 лет существования, получила одно место в Бундестаге [30]. Таким образом, опыт Бельгии и Германии дает основания утверждать, что сильные

региональные политические партии способны стать проводником интересов избирателей не только на региональном, но и на национальном и наднациональном уровнях.

Следует отметить, что в России как в федеративном государстве формирование партийного федерализма особенно важно, ибо утверждение децентрализации и самостоятельности субъектов РФ сдерживается моделью разграничения полномочий между РФ и субъектами Федерации, предусмотренной Конституцией и федеральным законодательством [31]. Действительно, Конституция определяет компетенцию субъектов РФ по остаточному принципу, устанавливая при этом весьма внушительные перечни полномочий РФ и совместных полномочий Российской Федерации и ее субъектов. Принцип, установленный в ст. 76 Конституции РФ, гарантирует невмешательство Федерации в дела субъектов, однако сегодня сложно выделить исключительные полномочия субъектов Российской Федерации, вне пределов ведения Федерации и совместного ведения [32]. При этом Федеральный закон № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» [33] превращает совместную компетенцию РФ и регионов фактически в продолжение исключительной компетенции РФ, ибо субъекты РФ в ее рамках имеют лишь право на опережающее законодательство, а также на законотворчество по уполномочиванию Российской Федерации. Возможность опережающего регулирования заложена в п. 2 ст. 3 № 184-ФЗ [34] и подразумевает, что региональный парламент может успеть почувствовать ответственность и силу законодательной власти по вопросам совместного ведения до того, как федеральный законодатель обратит свое внимание на регулируемую законом субъекта сферу, поскольку потом законодательство субъекта уступит лидерство федеральному. Уполномочивание РФ вытекает из абз. 2 п. 1 ст. 26.1 № 184-ФЗ, в котором установлена возможность передачи исполнительными органами государственной власти субъекта своих полномочий на уровень федеральных органов исполнительной власти на основе соответствующих соглашений, если это не противоречит законодательству субъекта [33]. Такая практика привела к тому, что в уставах ряда субъектов нет определения предметов их собственного ведения [34]. В связи с этим можно утверждать, что устройство публичной власти в РФ является более централизованным, чем это предполагает его федеративное устройство, провозглашаемое Конституцией РФ. Поэтому воплощение в жизнь конституционного принципа федерализма требует установления дополнительных гарантий самостоятельности субъектов федерации, одной из которых могла бы стать реализация концепции партийного федерализма.

Как видно, если горизонтальное разделение властей, горизонтальная система сдержек и противовесов обеспечивается формулой «правящая партия – оппозиция» [14], то вертикальный аспект разделения властей, имеющий своей предпосылкой укрепление регионального и местного уровней публичной власти, достигается за счет доминирования различных партий (в качестве правящих) на федеральном уровне, в различных субъектах федерации и в муниципальных образованиях [19, р. 1135]. В частности, именно вертикальная партийная конкуренция способна обеспечить реальный федерализм с присущей ему высокой степенью самостоятельности региональных органов государственной власти. Такая самостоятельность, как уже отмечалось, достигается благодаря отсутствию такого механизма контроля федеральных властей над властями региональными как партийная дисциплина. Данный рычаг воздействия федеральных властей на региональные органы власти работает в том случае, если в них представлены одни и те же партии, при этом одна из них является правящей и на федеральном уровне, и в большинстве субъектов федерации [ibid., р. 1138]. Такая подконтрольность является серьезным вызовом федерализму, предполагающему самостоятельность регионов при наличии у них значительных полномочий государственной важности.

Разумеется, стимулы для повышения эффективности правящей в конкретном регионе партии создаются и благодаря существованию на региональном уровне в каждом субъекте федерации классической горизонтальной конкуренции между ней и оппозиционной партией. Однако последняя становится реальностью лишь на фоне реальной вертикальной партийной конкуренции, предполагающей партийное разнообразие в субъектах федерации и на федеральном уровне.

Иными словами, федерализм как принцип децентрализованного территориального устройства государства, предполагающий высокую степень самостоятельности регионов – единиц верхнего уровня территориального деления государства, – невозможен без федерализма партийного как особого проявления конституционного принципа политического многообразия [35, р. 763], выступающего одной из основ конституционного строя (ч. 3 ст. 13 Конституции РФ). При этом главным проявлением партийного федерализма выступает разнообразие политических партий, являющихся правящими на уровне регионов [ibid., р. 771].

Важнейшими же условиями воплощения в реальность принципа партийного федерализма являются, во-первых, функционирование в федеративном государстве не только общенациональных, но и региональных политических партий, во-вторых, децен-

трализация и общая демократизация организации всех политических партий [19]. Как видно, партийный федерализм имеет два аспекта: это децентрализация системы политических партий и децентрализация их структуры. Первая означает существование в стране политических партий, разномасштабных с точки зрения территории, на которую распространяется их деятельность. Децентрализация же структуры политических партий характеризуется таким аспектом демократичности их внутренней организации, как высокая степень самостоятельности региональных отделений, имеющих, в частности, право выступать от собственного имени на региональных и местных выборах, представлять согласованную позицию при обсуждениях и голосованиях в рамках политической партии и т.д.

Функционирование в федеративном государстве политических партий на региональном уровне представляется особенно важным элементом партийного федерализма по ряду причин.

Во-первых, природа представительства заключается в учете органами, действующими в пределах той или иной территории, интересов и мнений жителей именно данной территории [13]. На такой учет в большей степени ориентированы региональные партии, по определению заточенные на проблемы и интересы соответствующего региона. Такой настрой укрепляет самостоятельность имеющих партийный состав региональных органов во взаимоотношениях с федеральными.

Во-вторых, существование региональных политических партий делает более вероятным региональное партийное разнообразие [35], чрезвычайно важное для обеспечения государственного федерализма, ибо снижает возможности правящей на федеральном уровне партии использовать административный ресурс для обеспечения победы на региональных выборах.

В-третьих, деятельность региональных партий способна обогатить и сделать более реальным общенациональное представительство, ибо оно должно осуществляться, в том числе на основе согласования интересов и позиций разных регионов, особенно в федеративном государстве [3, с. 56]. Наиболее же адекватное выявление таких интересов возможно на основе состязательности на региональных выборах региональных же политических партий, а их последу-

ющее выражение – региональными органами, сформированными на основе такой состязательности. В частности, региональные политические элиты могли бы стать реальной опорой Совету Федерации в выражении и согласовании интересов регионов [3].

В-четвертых, особенно значительный вклад региональная многопартийность способна внести в развитие горизонтального механизма сдержек и противовесов на региональном уровне [19], т.е. в каждом конкретном регионе, ибо создание региональных партий, не подчиненных федеральным партийным структурам, оживит межпартийную борьбу на выборах и межфракционную состязательность в период между выборами, что позволит региональным парламентам быть более самостоятельными во взаимоотношениях как с федеральными властями, так и с региональными лидерами и органами исполнительной власти.

В-пятых, помимо укрепления государственного федерализма деятельность региональных политических партий способна внести вклад в развитие политического плюрализма и многопартийности в целом – как основы конституционного строя [36, с. 12–21]. Действительно, создание региональных политических партий, ориентированных на интересы населения субъектов федерации, скорее всего, вызовет большую заинтересованность населения каждого региона в их программах и деятельности, ибо проблемы региона для его населения более близки и понятны, чем проблемы стратегического характера общенациональной значимости [37, с. 27–36]. Это может послужить импульсом развития партийной системы в целом, повысив уровень как состязательности политических партий, так и доверия граждан к институту политических партий (в настоящее время уровень такого доверия низок [38]) как институтов.

Итак, партийный федерализм является важной гарантией федерализма государственного, ибо он способен стать одним из факторов укрепления реальной самостоятельности региональных властей и создания конкурентной среды взаимоотношений, как между уровнями государственной власти, так и между регионами. Такая конкуренция является мощным импульсом не только усиления федеративных начал устройства государства, ибо подлинный федерализм может быть только конкурентным [39], но и стимулом общего ускорения социально-экономического развития страны на основе такой конкуренции.

Пристатейный библиографический список

1. Локк Дж. Сочинения : в 3 т. Т. 3. М. : Мысль, 1988.
2. Монтескье Ш. Л. Избранные произведения. М. : Госполитиздат, 1955.
3. Современные проблемы организации публичной власти : монография / рук. авт. кол. и отв. ред. С. А. Авакьян. М. : Юстицинформ, 2014.

4. *Козлова Е. И., Кутафин О. Е.* Конституционное право России. М. : Юристъ, 2004.
5. *Шаблинский И. Г.* Механизм сдержек и противовесов в российской конституционной практике // *Право. Журнал Высшей школы экономики*. 2010. № 3.
6. *Мишин А. А., Язьков Е. Ф.* Конституция США : история и современность. М. : Юрид. лит., 1988.
7. *Чиркин В. Е.* Основы сравнительного государственоведения. М. : Артикул, 1997.
8. *Комарова В. В., Полянский И. А.* Реализация принципа разделения властей в Российской Федерации // *Государственная власть и местное самоуправление*. 2001. № 1.
9. *Лафитский В. И.* Конституционные основы федерализма в США // *Журнал российского права*. 2007. № 3 (123).
10. Конституции государств Европы : в 3 т. Т. 3 / под общ. ред. Л. А. Окунькова. М. : НОРМА, 2001.
11. *Чиркин В. Е.* Современный федерализм : сравнительный анализ. М. : Изд-во ИНИОН РАН, 1995.
12. *Глигич-Золотарева М. В.* Правовые основы федерализма // *Государственная власть и местное самоуправление*. 2006. № 8.
13. *Дюверже М.* Политические партии / пер. с франц. М. : Академический проект, 2000.
14. *Васильева С. В.* Конституционно-правовой статус политической оппозиции. М. : Ин-т права и публ. политики, 2010.
15. *Похмелкин В. В.* Соотношение политических и правовых начал в законодательном процессе // *Оценка законов и эффективности их принятия*. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Изд. Государственной Думы, 2005.
16. *Чиркин В. Е.* Конституционное право : курс для преподавателей, аспирантов и магистрантов. М. : НОРМА ; ИНФРА-М, 2013.
17. *Страшун Б. А., Рыжов В. А.* Контроль за деятельностью государственных органов учреждений и должностных лиц // *Конституционное (государственное) право зарубежных стран : учебник : в 4 т. Т. 1–2 : Общая часть / отв. ред. Б.А. Страшун*. 3-е изд. М. : БЕК, 1999.
18. Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
19. *Bulman-Pozen J.* Partisan Federalism // *Harvard Law Review*. 2014. Vol. 127 (4).
20. *Кененова И. П., Троицкая А. А., Шустров Д. Г.* Сравнительное конституционное право в доктрине и судебных решениях : учебное пособие. М. : URSS ; Красанд, 2015.
21. Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации : сайт. URL: <http://duma.gov.ru/duma/factions> (дата обращения: 17.01.2022).
22. Законодательная Дума Хабаровского края : сайт. URL: <http://www.duma.khv.ru/?a=270100305> (дата обращения: 17.01.2022).
23. *Бирюков С. В.* Бельгийский федерализм как модель кризиса европейского федерализма // *Вестник Московского университета. Сер. 18 : Социология и политология*. 2009. № 4.
24. *Погорельская С. В.* Бельгия и Европа. Бельгийский федерализм – лаборатория европейского единства // *Актуальные проблемы Европы*. 2009. № 3.
25. DéFI : сайт. URL: <https://defi.eu/> (дата обращения: 17.01.2022).
26. CD&V : сайт. URL: <https://www.cdenv.be/> (дата обращения: 17.01.2022).
27. Parti Socialiste : сайт. URL: <https://www.ps.be/> (дата обращения: 17.01.2022).
28. SSW Landesverband : сайт. URL: <https://www.ssw.de/> (дата обращения: 17.01.2022).
29. Landtag SH : сайт. URL: <https://www.landtag.ltsh.de/abgeordnete/fraktionen/> (дата обращения: 17.01.2022).
30. Der Bundeswahlleiter : сайт. URL: <https://www.bundeswahlleiter.de/bundestagswahlen/2021/ergebnisse/bund-99.html> (дата обращения: 17.01.2022).
31. *Хабриева Т. Я., Чиркин В. Е.* Теория современной конституции. М. : НОРМА, 2005.
32. Конституция РФ (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
33. Федеральный закон от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
34. Степное уложение (Конституция) Республики Калмыкия от 5 апреля 1994 г.; Устав Кировской области от 27 марта 1996 г. № 12-30; Устав Пермского края от 27 апреля 2007 г. № 32-ПК // СПС «КонсультантПлюс».
35. *Schleicher D.* Federalism and State Democracy // *Texas Law Review*. 2016. Vol. 95.
36. *Троицкая А. А.* Воинствующая демократия и запрет политических партий: практика впереди теории? // *Конституционное и муниципальное право*. 2015. № 9.
37. *Алимов Э. В.* Партийное строительство в Российской Федерации: некоторые тенденции конституционно-правового регулирования // *Журнал российского права*. 2017. № 5.

38. Рейтинги доверия политикам, оценки работы президента и правительства, поддержка политических партий // ВЦИОМ : сайт. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rejtingi-doveriya-politikam-ocenki-raboty-prezidenta-i-pravitelstva-podderzhka-politicheskikh-partij-12> (дата обращения: 17.01.2022).
39. Фарушкин М. Х. Современный федерализм : российский и зарубежный опыт. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1998.

References

1. *Locke J. Essays*. In 3 vols. Vol. 3. Moscow: Mysl, 1988.
2. *Montesquieu S. L. Selected Works*. Moscow: Gospolitizdat, 1955.
3. *Avakian S. A. (ed.). Modern Problems of the Organization of Public Power: Monograph*. Moscow: Iustitsinform, 2014.
4. *Kozlova E. I., Kutafin O. E. Constitutional Law of Russia*. Moscow: Iurist, 2004.
5. *Shablinskii I. G. The Mechanism of Checks and Balances in Russian Constitutional Practice. Law. Journal of the Higher School of Economics*. 2010. No. 3.
6. *Mishin A. A., Iazkov E. F. The US Constitution: History and Modernity*. Moscow: Iuridicheskaja literatura, 1988.
7. *Chirkin V. E. Fundamentals of Comparative Statecraft*. Moscow: Artikul, 1997.
8. *Komarova V. V., Polianski I. A. Implementation of the Principle of Separation of Powers in the Russian Federation. State Power and Local Self-Government*. 2001. No. 1.
9. *Lafitskii V. I. Constitutional Foundations of Federalism in the USA. Journal of Russian Law*. 2007. No. 3 (123).
10. *Okunkov L. A. (ed.). The Constitutions of the States of Europe*. In 3 vols. Vol. 3. Moscow: Norma, 2001.
11. *Chirkin V. E. Modern Federalism: Comparative Analysis*. Moscow: Publishing House of INION RAS, 1995.
12. *Gligich-Zolotareva M. V. Legal Foundations of Federalism. State Power and Local Self-Government*. 2006. No. 8.
13. *Duverger M. Political Parties*. Moscow: Academic Project, 2000.
14. *Vasilieva S. V. Constitutional and Legal Status of Political Opposition*. Moscow: Institute of Law and Public Policy, 2010.
15. *Pokhmelkin V. V. Correlation of Political and Legal Principles in the Legislative Process. In Evaluation of Laws and the Effectiveness of Their Adoption*. 2nd ed. Moscow: Edition of the State Duma, 2005.
16. *Chirkin V. E. Constitutional Law: Course for Teachers, Postgraduates and Undergraduates*. Moscow: Norma; Infra-M, 2013.
17. *Strashun B. A., Ryzhov V. A. Control over the Activities of State Bodies of Institutions and Officials. In Strashun B. A. (ed.). Constitutional (State) Law of Foreign Countries: Textbook*. In 4 vols. Vols. 1-2: General Part. 3rd ed. Moscow: BEK, 1999.
18. Constitution (Basic Law) of the Union of Soviet Socialist Republics (adopted at the extraordinary seventh session of the Supreme Soviet of the USSR of the ninth convocation on 7 October 1977) (SPS "ConsultantPlus").
19. *Bulman-Pozen J. Partisan Federalism. Harvard Law Review*. 2014. Vol. 127 (4).
20. *Kenenova I. P., Troitskaya A. A., Shustrov D. G. Comparative Constitutional Law in Doctrine and Judicial Decisions: Textbook*. Moscow: URSS; Krasand, 2015.
21. URL: <http://duma.gov.ru/duma/factions> (date of the application: 17.01.2022).
22. URL: <http://www.duma.khv.ru/?a=270100305> (date of the application: 17.01.2022).
23. *Biriukov S. V. Belgian Federalism as a Model of the Crisis of European Federalism. Bulletin of Moscow University. Series 18: Sociology and Political Science*. 2009. No. 4.
24. *Pogorelskaia S. V. Belgium and Europe. Belgian Federalism – Laboratory of European Unity. Actual Problems of Europe*. 2009. No. 3.
25. URL: <https://defi.eu/> (date of the application: 17.01.2022).
26. URL: <https://www.cdenv.be/> (date of the application: 17.01.2022).
27. URL: <https://www.ps.be/> (date of the application: 17.01.2022).
28. URL: <https://www.ssw.de/> (date of the application: 17.01.2022).
29. URL: <https://www.landtag.ltsh.de/abgeordnete/fraktionen/> (date of the application: 17.01.2022).
30. URL: <https://www.bundeswahlleiter.de/bundestagswahlen/2021/ergebnisse/bund-99.html> (date of the application: 17.01.2022).
31. *Khabrieva T. Ia., Chirkin V. E. Theory of the Modern Constitution*. Moscow: Norma, 2005.
32. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12 December 1993 with changes approved during the nationwide vote on 1 July 2020) (SPS "ConsultantPlus").

33. Federal Law of 6 October 1999 No. 184-FZ "On the General Principles of the Organization of Legislative (Representative) and Executive Bodies of State Power of the Subjects of the Russian Federation" (SPS "ConsultantPlus").
34. Steppe Code (Constitution) of the Republic of Kalmykia of 5 April 1994; Charter of the Kirov Region of 27 March 1996 No. 12-ZO; Charter of the Perm Region of 27 April 2007 No. 32-PK (SPS "ConsultantPlus").
35. *Schleicher D.* Federalism and State Democracy // *Texas Law Review*. 2016. Vol. 95.
36. *Troitskaia A. A.* Militant Democracy and the Prohibition of Political Parties: Practice Ahead of Theory? *Constitutional and Municipal Law*. 2015. No. 9.
37. *Alimov E. V.* Party Building in the Russian Federation: Some Trends in Constitutional and Legal Regulation. *Journal of Russian Law*. 2017. No. 5.
38. Ratings of Trust in Politicians, Assessments of the Work of the President and the Government, Support for Political Parties. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rejtingi-doveriya-politikam-ocenki-raboty-prezidenta-i-pravitelstva-podderzhka-politicheskikh-partij-12> (date of the application: 17.01.2022).
39. *Farukshin M. Kh.* Modern Federalism: Russian and Foreign Experience. Kazan: Publishing House of Kazan University, 1998.

**ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВОЙ МЕХАНИЗМ
СОПРОВОЖДЕНИЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ РЕАЛИЗАЦИИ
ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА
ПОЛНОМОЧНЫМИ ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ
ПРЕЗИДЕНТА РОССИИ В ФЕДЕРАЛЬНЫХ ОКРУГАХ:
СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ**

ГАДЖИЕВ
Абдулхаким Кутбудинович
соискатель, Всероссийский
государственный университет
юстиции (РПА Минюста России)
(г. Москва)
rpaadm@mail.ru

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2022-0-2-112-116>

Обеспечение реализации в федеральных округах определяемых главой государства основных направлений внутренней политики страны возложено на соответствующих полномочных представителей Президента РФ. Однако успешное решение данной задачи невозможно без создания и работы эффективного механизма сопровождения, организационную структуру которого сегодня составляют аппараты полномочных представителей главы государства в федеральных округах и консультативные (совещательные) органы при них. Существующая потребность в институциональной оптимизации этого механизма обуславливает актуальность настоящей статьи. Новизна данного исследования состоит в сравнительно-правовом анализе организационно-правового механизма сопровождения деятельности полномочных представителей Президента РФ в федеральных округах по обеспечению реализации внутренней политики государства. Предметом анализа является нормативная правовая основа и деятельность структур аппарата полномочных представителей Президента РФ в федеральных округах, а также консультативных (совещательных) органов при них. Цель исследования – на основе изучения законодательства и практики реализации внутренней политики государства в федеральных округах определить целесообразность и предложить мероприятия по оптимизации организационно-правового механизма обеспечения деятельности полномочных представителей Президента РФ в федеральных округах в данной сфере. При проведении исследования были использованы такие методы, как сравнительно-правовой, анализа и синтеза, а также формально-юридический. В результате был проанализирован общий для всех федеральных округов организационно-правовой механизм сопровождения обеспечения реализации внутренней политики государства полномочными представителями Президента РФ, а также выявлены его особенности в разных федеральных округах. Сформулировано предложение по совершенствованию консультативных (совещательных) органов при полномочных представителях Президента РФ в федеральных округах в контексте повышения эффективности обеспечения ими реализации внутренней политики государства, определяемой Президентом РФ.

**Внутренняя политика
государства;
федеральные округа;
полномочные представители
Президента РФ;
аппараты полномочных
представителей Президента РФ
в федеральных округах;
консультативные
(совещательные) органы при
полномочных представителях
Президента РФ в федеральных
округах**

Abdulkhakim K. GADZHIEV

Applicant, All-Russian State University
of Justice (Moscow)
rpaadm@mail.ru

**ORGANIZATIONAL AND LEGAL MECHANISM
FOR SUPPORTING THE IMPLEMENTATION OF THE
INTERNAL POLICY OF THE STATE BY PLENIPOTENTIARY
REPRESENTATIVES OF THE PRESIDENT OF RUSSIA IN
FEDERAL DISTRICTS: COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS**

**Domestic policy of the state;
federal districts;
plenipotentiaries of the President
of the Russian Federation;
offices of plenipotentiaries
of the President of the Russian
Federation in federal districts;
advisory (advisory) bodies
under the plenipotentiaries
of the President of the Russian
Federation in federal districts**

Ensuring the implementation in the federal districts of the main directions of the country's domestic policy determined by the head of state is entrusted to the relevant authorized representatives of the President of the Russian Federation. However, the successful solution of this problem is impossible without the creation and operation of an effective support mechanism, the organizational structure of which today consists of the apparatus of the authorized representatives of the head of state in the federal districts and advisory (advisory) bodies attached to them. The existing need for institutional optimization of this mechanism determines the relevance of this article. The novelty of this study lies in the comparative legal analysis of the organizational and legal mechanism for supporting the activities of the plenipotentiaries of the President of the Russian Federation in the federal districts to ensure the implementation of the internal policy of the state. The subject of the analysis is the regulatory legal framework and activities of the structures of the apparatus of the plenipotentiary representatives of the President of the Russian Federation in the federal districts, as well as advisory (advisory) bodies under them. The purpose is to determine the feasibility and propose measures to optimize the organizational and legal mechanism for ensuring the activities of plenipotentiaries of the President of the Russian Federation in the federal districts in this area based on the study of legislation and the practice of implementing the internal policy of the state in the federal districts. When conducting this study, such methods were used as: comparative legal, methods of analysis and synthesis, as well as formal legal. As a result, the organizational and legal mechanism for supporting the implementation of the internal policy of the state by authorized representatives of the President of Russia, common to all federal districts, was analyzed, and its features in different federal districts were identified. A proposal has been formulated to improve the advisory (advisory) bodies under the plenipotentiary representatives of the President of the Russian Federation in the federal districts in the context of increasing the efficiency of their ensuring the implementation of the internal policy of the state, determined by the President of Russia.

Осуществление в федеральных округах работы по реализации органами государственной власти основных направлений внутренней и внешней политики государства, определяемых Президентом РФ, выступает одной из основных задач его полномочных представителей, от эффективности реализации которой напрямую зависит успешное решение иных базовых и дополнительных задач данного государственно-правового института и в конечном счете достижение цели его существования [1]. Рассматриваемая задача является не только постоянной, приоритетной и комплексной, но и поглощающей, хотя бы и отчасти, иные задачи полномочных представителей Президента РФ в федеральных округах, ибо по большому счету все они детализируют и конкретизируют эту первоочередную, фундаментальную задачу.

Безусловно, весомой и, пожалуй, наиболее актуальной составной частью указанной задачи выступают «основные направления внутренней политики государства», на анализе которых остановимся подробнее. Эта категория также представляется сложно-устроенной, ее условно можно разделить по сферам

и уровням воплощения. Фактическое же обеспечение реализации данной задачи в федеральных округах, как и иных, возложено на структурные подразделения аппаратов полномочных представителей Президента РФ в федеральных округах, а также соответствующие совещательные (консультативные) органы при них [2].

Непосредственные полномочия по решению данной задачи обеспечивают созданные в унифицированном порядке в каждом федеральном округе департаменты по вопросам внутренней политики аппаратов полномочных представителей Президента РФ в федеральных округах. В обобщенном виде их деятельность сосредоточена на: участии в работе по реализации основных направлений внутренней политики государства; контроле за исполнением законодательства и документов стратегического планирования в сфере внутренней политики государства; участие в подготовке регулярного доклада главе государства по вопросам внутренней политики государства; координации деятельности органов публичной власти по осуществлению принятых главой государства решений в области обеспечения реализации госу-

дарственной национальной политики; информационно-аналитическом и организационном обеспечении полномочных представителей Президента РФ в федеральных округах по вопросам реализации основных направлений внутренней политики страны.

При этом нельзя не отметить, что отдельные вопросы внутренней политики государства также находят отражение в деятельности иных департаментов аппаратов полномочных представителей Президента РФ в федеральных округах, например в работе департамента по взаимодействию с органами государственной власти субъектов РФ и органами местного самоуправления, департамента по реализации общественных проектов [3; 4].

В процессе реализации своих функций департаменты по вопросам внутренней политики тесно взаимодействуют с Управлением Президента РФ по внутренней политике [5]. При этом курируемые соответствующими заместителями или помощниками полномочных представителей Президента РФ в федеральных округах, департаменты включают начальника, его заместителя и специалистов, назначаемых на должность и освобождаемых от должности полномочными представителями Президента РФ в федеральных округах по согласованию с Управлением Президента РФ по вопросам государственной службы и кадров [6]. В этом восприятии департаменты, по сути, выступают в качестве своего рода территориальных структур (подразделений) Управления Президента РФ по внутренней политике, находясь как бы в двойном подчинении как полномочных представителей Президента РФ в федеральных округах, которые руководят деятельностью своих аппаратов и их структурных подразделений, так и Управления Президента РФ по внутренней политике.

Что касается совещательных и консультативных органов при полномочных представителях Президента РФ в федеральных округах, то в рассматриваемой сфере они отличаются значительным разнообразием. Причина состоит в широте и разносторонности вопросов, составляющих предмет внутренней политики страны, пронизывающих многие сферы жизнедеятельности общества. Отсюда как таковые специализированные единые консультативные органы именно по вопросам внутренней политики отсутствуют в принципе, и ни в одном из федеральных округов они не созданы. Тем не менее значимые полномочия в сфере исследуемой области сегодня реализуют советы при полномочных представителях Президента РФ в федеральных округах, чья компетенция выходит за область только внутренней политики государства [7].

В результате данное обстоятельство обусловило существование нескольких совещательных органов при полномочных представителях Президента РФ в федеральных округах, компетенция которых

затрагивает отдельные аспекты внутренней политики страны. К каким структурам, в частности, относятся: в Северо-Западном федеральном округе – Консультативный совет по вопросам коренных народов, Координационный совет по молодежной политике [8]; в Центральном федеральном округе – Комиссия по делам казачества [9]; в Северо-Кавказском федеральном округе – Координационно-экспертное совещание по вопросам внутренней политики и общественным проектам, Координационно-экспертное совещание по молодежной политике, Комиссия по делам казачества [10]; в Приволжском федеральном округе – Окружной консультативный совет по развитию местного самоуправления [11]; в Сибирском федеральном округе – Совет по вопросам развития местного самоуправления, Экспертно-консультативный совет по молодежной политике, Совет по вопросам эффективного функционирования и развития предприятий оборонно-промышленного комплекса [12]; в Дальневосточном федеральном округе – Окружная комиссия по делам казачества [13].

В контексте рассматриваемого вопроса заслуживает отдельного внимания правовой статус Координационно-экспертного совещания по вопросам внутренней политики и общественным проектам при полномочном представителе Президента РФ в Северо-Кавказском федеральном округе, задача которого применительно к внутренней политике состоит в сборе и обобщении информации, а равно в подготовке предложений по ее формированию и реализации. В целях решения обозначенной задачи данный орган вправе: готовить предложения и рекомендации по совершенствованию методов работы, заслушивать на своих заседаниях должностных лиц публичных органов власти, вносить на рассмотрение председателя доклады и предложения, создавать рабочие группы из числа членов координационного совещания, а также представителей научных и иных организаций. Примечательно, что состав участников координационного совещания не является постоянным и формируется по решению его председателя исходя из повестки дня заседания.

Особую роль и важное значение в эффективном обеспечении реализации органами государственной власти основных направлений внутренней политики страны имеет деятельность приемных Президента РФ в федеральных округах, во многом благодаря работе которых соответствующие властные органы получают необходимую информацию о процессах и тенденциях в области внутренней политики государства для последующей ретрансляции ее уполномоченному субъекту с целью принятия обоснованного и адекватного решения [14].

В заключение отметим следующее: в целях оптимизации механизма осуществления задачи пол-

номочных представителей Президента РФ по обеспечению реализации органами публичной власти основных направлений внутренней политики государства, определяемых Президентом России, представляется целесообразным учредить при них в унифицированном виде и в каждом федеральном округе специализированный единый совет (комиссию) по вопросам внутренней политики государства. При

этом целесообразно дополнительно организационно выделить внутри данного совещательного (консультативного) органа подкомиссии по 3-5 укрупненным сферам (областям) внутренней политики страны с одновременной возможностью формирования в случае необходимости временных рабочих групп по наиболее актуальным и злободневным вопросам и вызовам в исследуемой области.

Пристатейный библиографический список

1. Указ Президента РФ от 13 мая 2000 г. № 849 «О полномочном представителе Президента Российской Федерации в федеральном округе» // СЗ РФ. 2000. № 20. Ст. 2112.
2. Черкасов К. В. Государственное управление на уровне федерального округа : административно-правовое исследование : автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2009.
3. Полномочный представитель Президента РФ в Южном федеральном округе : сайт. URL: <http://www.ufo.gov.ru/polpred/departments/> (дата обращения: 25.03.2022).
4. Полномочный представитель Президента РФ в Уральском федеральном округе : сайт. URL: <http://uralfo.gov.ru/polpred/staff/> (дата обращения: 25.03.2022).
5. Указ Президента РФ от 21 июня 2004 г. № 791 «Об утверждении Положения об Управлении Президента Российской Федерации по внутренней политике» // СЗ РФ. 2004. № 26. Ст. 2650.
6. Указ Президента РФ от 6 апреля 2004 г. № 490 «Об утверждении Положения об Администрации Президента Российской Федерации» // СЗ РФ. 2004. № 15. Ст. 1395.
7. Указ Президента РФ от 24 марта 2005 г. № 337 «О советах при полномочных представителях Президента Российской Федерации в федеральных округах» // СЗ РФ. 2005. № 13. Ст. 1139.
8. Полномочный представитель Президента РФ в Северо-Западном федеральном округе : сайт. URL: <http://szfo.gov.ru/sovnet/> (дата обращения: 25.03.2022).
9. Полномочный представитель Президента РФ в Центральном федеральном округе : сайт. URL: http://cfo.gov.ru/polpred/polpred_sovety/ (дата обращения: 25.03.2022).
10. Полномочный представитель Президента РФ в Северо-Кавказском федеральном округе : сайт. URL: <http://skfo.gov.ru/polpred/orgs/> (дата обращения: 25.03.2022).
11. Полномочный представитель Президента РФ в Приволжском федеральном округе : сайт. URL: <http://pfo.gov.ru/polpred/koor/> (дата обращения: 25.03.2022).
12. Полномочный представитель Президента РФ в Сибирском федеральном округе : сайт. URL: <http://sfo.gov.ru/polpred/orgs/> (дата обращения: 25.03.2022).
13. Полномочный представитель Президента РФ в Дальневосточном федеральном округе : сайт. URL: <http://www.dfo.gov.ru/polpred/orgs/> (дата обращения: 25.03.2022).
14. Распоряжение Администрации Президента РФ от 2 октября 2009 г. № 1441 «О приемной Президента Российской Федерации в федеральном округе» // СПС «Гарант».

References

1. Decree of the President of the Russian Federation of 13 May 2000 No. 849 "On the Plenipotentiary Representative of the President of the Russian Federation in the Federal District". *Collection of the Legislation of the Russian Federation*. 2000. No. 20. Art. 2112.
2. Cherkasov K. V. Public Administration at the Level of the Federal District: Administrative and Legal Research: Synopsis of a Thesis for a Doctor Degree in Law Sciences. M., 2009.
3. URL: <http://www.ufo.gov.ru/polpred/departments/> (date of the application: 25.03.2022).
4. URL: <http://uralfo.gov.ru/polpred/staff/> (date of the application: 25.03.2022).
5. Decree of the President of the Russian Federation of 21 June 2004 No. 791 "On Approval of the Regulations on the Office of the President of the Russian Federation for Domestic Policy". *Collection of the Legislation of the Russian Federation*. 2004. No. 26, Art. 2650.

6. Decree of the President of the Russian Federation of 6 April 2004 No. 490 "On Approval of the Regulations on the Administration of the President of the Russian Federation". *Collection of the Legislation of the Russian Federation*. 2004. No. 15. Art. 1395.
7. Decree of the President of the Russian Federation of 24 March 2005 No. 337 "On Councils with Plenipotentiary Representatives of the President of the Russian Federation in Federal Districts". *Collection of the Legislation of the Russian Federation*. 2005. No. 13. Art. 1139.
8. URL: <http://szfo.gov.ru/sovet/> (date of the application: 25.03.2022).
9. URL: http://cfo.gov.ru/polpred/polpred_sovety/ (date of the application: 25.03.2022).
10. URL: <http://skfo.gov.ru/polpred/orgs/> (date of the application: 25.03.2022).
11. URL: <http://pfo.gov.ru/polpred/koor/> (date of the application: 25.03.2022).
12. URL: <http://sfo.gov.ru/polpred/orgs/> (date of the application: 25.03.2022).
13. URL: <http://www.dfo.gov.ru/polpred/orgs/> (date of the application: 25.03.2022).
14. Order of the Administration of the President of the Russian Federation of 2 October 2009 No. 1441 "On the Reception Office of the President of the Russian Federation in the Federal District" (SPS "Garant").

ОБ ИТОГАХ ПРОВЕДЕНИЯ СТУДЕНЧЕСКОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «ВЕЛИКИЕ ЮРИСТЫ РОССИИ»

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2022-0-2-117-121>

8 апреля 2022 г. Центром научных исследований Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) была организована и проведена студенческая научная конференция «Великие юристы России», приуроченная к празднованию 220-летия образования Министерства юстиции РФ. Конференция проводилась в смешанной форме – очно (в том числе в режиме видеоконференц-связи на платформе Zoom). Работа конференции была организована в рамках шести секций, где обсуждались: основные концепции видных юристов о теории и истории права и государства; проблемы конституционного, международного, административного права и государственного управления в сочинениях известных юристов; проблемы гражданского права в произведениях отечественных юристов; вопросы гражданского, арбитражного процесса и исполнительного производства в воззрениях знаменитых юристов; проблемы развития уголовного права в трудах отечественных юристов; известные юристы об особенностях развития уголовно-процессуального права и криминалистики. Спикеры и модераторы отметили весьма важный момент – возможность в рамках подобных мероприятий прикоснуться к наследию российской юриспруденции, к достижениям юридической доктрины и практики.

**КИРСАНОВА
Екатерина Васильевна**

старший научный сотрудник
Центра научных исследований
Всероссийского государственного
университета юстиции
(РПА Минюста России)
(г. Москва)

caple@mail.ru

**Студенческая научная
конференция;
великие юристы России;
российские правоведы;
отечественная юриспруденция;
юридическая наука;
ВГУЮ (РПА Минюста России)**

Ekaterina V. KIRSANOVA

Senior Researcher, Center
for Scientific Research,
All-Russian State University
of Justice (Moscow)

caple@mail.ru

**Student scientific conference;
great lawyers of Russia;
Russian jurists;
domestic jurisprudence;
legal science;
All-Russian State University
of Justice**

ON THE RESULTS OF THE STUDENT SCIENTIFIC CONFERENCE “GREAT LAWYERS OF RUSSIA”

On 8 April 2022, the Research Center of the All-Russian State University of Justice organized and held a student scientific conference “Great Lawyers of Russia”, timed to coincide with the celebration of the 220th anniversary of the formation of the Ministry of Justice of the Russian Federation. The conference was held in a mixed form – in person (including video conferencing on the Zoom platform). The work of the conference was organized in six sections, where they discussed: the main concepts of prominent lawyers on the theory and history of law and the state; problems of constitutional, international, administrative law and public administration in the works of famous lawyers; problems of civil law in the works of domestic lawyers; issues of civil, arbitration process and enforcement proceedings in the views of famous lawyers; problems of the development of criminal law in the works of domestic lawyers; well-known lawyers about the features of the development of criminal procedure law and forensic science. Speakers and moderators noted a very important point – the opportunity, within the framework of such events, to touch the heritage of Russian jurisprudence, the achievements of legal doctrine and practice.

8 апреля 2022 г. Центром научных исследований Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) была организована и проведена студенческая научная конференция «Великие юристы России», приуроченная к празднованию 220-летия образования Министерства юстиции РФ.

Тематика конференции – «Великие юристы России» выбрана не случайно. Все мы прекрасно понимаем, что на протяжении столетий своей истории Министерство юстиции выступало органом государственной власти, непосредственно отвечающим за подготовку законодательных актов, осуществляло управление деятельностью судов и прокуратуры, выполняло многие другие важные государственные функции в области юстиции. Министерство юстиции было призвано служить «оком Государевым, постоянно ответственным для пресечения всякого рода злоупотреблений» [1, с. 1]. Без всяких сомнений деятельность Министерства юстиции связывалась и связывается с юридической профессией, с наиболее выдающимися ее представителями.

Гавриил Романович Державин, Петр Васильевич Лопухин, Иван Иванович Дмитриев – это лишь некоторые выдающиеся министры юстиции, стоявшие у истоков органов юстиции. Не менее важен вклад в становление юстиции в России и таких известных правоведов, как Михаил Михайлович Сперанский, Анатолий Федорович Кони, Габриэль Феликсович Шершеневич, Николай Михайлович Коркунов и многие другие. Невозможно перечислить всех тех, кто без преувеличения может называться «великим юристом», блистательным и ярким, из многочисленной плеяды известных российских деятелей, посвятивших себя делу развития права, отстаиванию законности, развитию судебной системы и формированию отечественной правовой системы в целом.

Среди тех, кто через взлеты и падения снискал право быть вписанным в скрижали летописи Отечества, были: прокуроры и адвокаты, ученые и судьи, политики и другие сановные особы, чей дар Божий как нельзя лучше проявлялся прежде всего на ниве служения юриспруденции, несмотря на то, что некоторые из них, будучи личностями многоталантливыми, стяжали себе славу и на стезе других проявлений человеческой деятельности [2, с. 3].

Пленарное заседание конференции открыл ректор по научной работе Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), доктор юридических наук, профессор Владимир Александрович Гуреев. В своем вступительном слове он поприветствовал участников и гостей конференции и передал теплые слова приветствия ректора Университета – Ольги Ивановны Александровой.

В. А. Гуреев отметил особенный формат конференции: «Мы отошли от привычных и традиционных тематик конференций с освещением строго обозна-

ченных проблем и вопросов и впервые в Университете посвящаем научную конференцию раскрытию личностей выдающихся соотечественников, великих юристов России дореволюционного, советского и современного периодов».

Конференция проводилась в смешанной форме – очно (в том числе в режиме видеоконференц-связи на платформе Zoom).

Владимир Александрович объявил, что работа студенческой научной конференции «Великие юристы России» организована в рамках шести секций, где будут обсуждаться такие актуальные темы, как: основные концепции видных юристов о теории и истории права и государства; проблемы конституционного, международного, административного права и государственного управления в сочинениях известных юристов; проблемы гражданского права в произведениях отечественных юристов; вопросы гражданского, арбитражного процесса и исполнительного производства в воззрениях знаменитых юристов; проблемы развития уголовного права в трудах отечественных юристов; известные юристы об особенностях развития уголовно-процессуального права и криминалистики.

С приветственными словами к участникам конференции обратились директор Департамента государственной службы и кадров Министерства юстиции РФ Олег Олегович Вавилов и главный научный сотрудник Центра научных исследований Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), доктор исторических наук, профессор Василий Николаевич Бабенко.

С докладами выступили видные ученые и преподаватели Университета и его институтов (филиалов).

Динара Ильдаровна Ахметова, заведующая кафедрой историко-правовых дисциплин Поволжского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России), кандидат юридических наук, доцент, осветила такую выдающуюся личность XIX в., как Анатолий Федорович Кони. Анатолий Кони – общественный деятель и судебный оратор, почетный академик и сенатор Государственного совета, человек, называвший себя «слугой правосудия, а не лакеем правительства» [3]. Анатолий Федорович Кони пережил три революции и был свидетелем четырех войн. Будучи беспристрастным, бескомпромиссным и справедливым, он до конца дней следовал своим принципам. По воспоминаниям людей, близко знавших Анатолия Федоровича, а среди них были величайшие деятели литературы и искусства, включая Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, И. Е. Репина, К. С. Станиславского и др., Кони при своей исключительной добродетели не был «пресным елейным праведником» [4]. Труды Анатолия Кони, включая «Судебные речи» и «Отцы и дети судебной реформы», оказали заметное влияние на развитие юридической науки [5]. В некрологе Президиума Ленинградского губернского исполкома, подписанного

И. Кондратьевым, говорилось: «В лице Анатолия Федоровича в могилу сошел один из наиболее честных, передовых и одаренных общественно-культурных деятелей дореволюционной России...» [6, с. 424].

Татьяна Александровна Батрова, профессор кафедры гражданского и предпринимательского права Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), доктор юридических наук, доцент, поведала присутствующим о великом цивилисте – Габриэле Феликсовиче Шершеневиче. Габриэль Феликсович Шершеневич – выдающийся ученый, чьи труды стали доктринальной основой многих современных отраслей отечественного права, своеобразным «скелетом» для последующих определений элементов конструкции системы права [7]. Г. Ф. Шершеневич внес значительный вклад в законотворческую деятельность Российского государства, активно участвовал в подготовке и обсуждении проекта Гражданского уложения, занимался анализом и обобщением правоприменительной практики [8]. Воззрения Г. Ф. Шершеневича не теряют актуальности и после его смерти. Еще в 1915 г. коллеги и ученики Габриэля Феликсовича издали специальный сборник статей по гражданскому и торговому праву, посвященный его памяти. Жизнь и творчество ученого стали объектом пристального внимания и для современных исследователей. Все это свидетельствует о значительном вкладе Г. Ф. Шершеневича в развитие отечественной правовой науки [9].

Рустам Сулейманович Байниязов, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Поволжского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России), доктор юридических наук, профессор, в своем выступлении охватил в целом российскую юриспруденцию: ее духовный образ и смысл. Сегодня остро стоит проблема духовного обновления российского общества, формирования и функционирования духовного мира личности, ее мышления и мировоззрения. Данная потребность объясняется не только социальной и духовной нестабильностью в нашей стране, но еще и недостаточным пониманием приоритетности духовных компонентов, а также потребностью переустройства системы общественных отношений. Она вызвана также необходимостью укрепления духовно-нравственных основ жизни, создания и утверждения системы ценностей, норм, традиций, идеалов и других духовных основ нашего государства, общества и личности. Объективные условия и специфика развития российского общества ставят перед учеными задачи, связанные с переосмыслением проблемы духовной личности. В настоящее время ситуация с «духовностью» и «личностью» чрезвычайно сложная. Как отмечает один из самых известных современных российских социологов Ж. Т. Тоценко, сформировался новый тип личности, названный им «парадоксальным человеком»: в одно и то же время он искренне преследует

взаимоисключающие цели, часто не замечая парадоксальности своего сознания и поведения [10]. Многообразные проявления духовного упадка, обнаруживающиеся в современной жизни нашего общества [11], сопоставленные с аналогичными процессами в западных странах, наводят на мысль о глобальном духовном кризисе человечества [12; 13, с. 40–45; 14, с. 55–63; 15; 16, с. 36–65; 17; 18, с. 147–149; 19] и диктуют необходимость их теоретического осмысления с непременным исследованием самого феномена духовности [20].

Вадим Михайлович Пашин, профессор кафедры уголовного процесса, криминалистики и судебных экспертиз Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), доктор юридических наук, доцент, осветил роль великого государственного деятеля Гаврила Романовича Державина в развитии государственного института – генерал-прокурора – Министра юстиции Российской империи. Гаврила Державин – русский литератор, живший и работавший в эпоху Просвещения. Поэты пушкинской поры, позднее Ф. И. Тютчев и Н. А. Некрасов, поэты начала XX в. – художники, столь различные по своему мировосприятию и творческой манере, – находили в державинской поэзии близкие себе черты. Последержавинское развитие русской поэзии блестяще подтвердило справедливость слов В. Г. Белинского о том, что Гаврила Романович Державин – «отец русских поэтов» [21]. Г. Р. Державин для современников был личностью неоднозначной, связанной со многими страницами нашей истории. Помимо творчества Гаврила Державин активно занимался общественной и государственной деятельностью, внес вклад в отечественную историю как мудрый государственный деятель, состоявший на личной службе у самой Екатерины II [22]. Он служил Отечеству при четырех императорах, и везде, куда бы ни забрасывала его судьба, честно исполнял свой долг. Он не терпел обмана и боролся с казнокрадством, презирал подхалимов и лгунов. Его стихотворения о любви заложили основу русской лирической поэзии. Автор рассказывает обо всех перипетиях его долгой нелегкой жизни, стремясь таким образом сделать немного понятнее и ближе читателю славный и блестящий XVIII в.

Екатерина Васильевна Кирсанова, старший научный сотрудник Центра научных исследований ВГУЮ (РПА Минюста России), проиллюстрировала основные идеи свободного нотариата в воззрениях первого частного нотариуса современной России – Анатолия Ивановича Тихенко. Определив вектором построение в стране системы небюджетного нотариата латинского типа, Анатолий Иванович со свойственным ему усердием сделал все, чтобы достичь цели. 10 лет спустя он становится нотариусом № 1, первым получив лицензию на ведение частной нотариальной практики, а уже в 1996 г. был избран президентом Федеральной нота-

риальной палаты. Многие его идеи легли в основу концепции развития российского нотариата [23].

Все спикеры отметили важность, своевременность проведения, практическую пользу студенческой научной конференции «Великие юристы России» для подрастающего поколения и выразили надежду на то, что мероприятие пройдет познавательно и результативно.

В конференции приняли участие преподаватели, аспиранты, магистранты, студенты колледжа и юридического факультета ВГУЮ (РПА Минюста России) и его (институтов) филиалов.

На второй части пленарного заседания, участники, гости и организаторы конференции вновь собрались, чтобы подвести итоги.

Со словами благодарности за успешную и плодотворную работу в ходе конференции к участникам обратился проректор по научной работе Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), доктор юридических наук, профессор Владимир Александрович Гуреев.

Спикеры и модераторы отметили весьма важный момент – возможность в рамках подобных мероприятий прикоснуться к наследию российской юри-

суденции, к достижениям юридической доктрины и практики. Воскрешая образы известных российских юристов, реанимируя деяния, вписывая доселе неизвестные страницы жизни в страницы истории, мы не только даем им бессмертие, но и вопреки устоявшимся стереотипам переосмысливаем то, что ранее казалось незыблемым.

Несмотря на дистанционный формат, получилось выстроить дискуссии по наиболее важным проблемам, стоящим перед юридической наукой.

Конференция объединила студентов головного вуза и всех институтов (филиалов) Университета, прозвучало более 70 докладов в формате работы шести секций, в работе которых приняло участие более 100 человек. По итогам работы планируется издать основные тезисы выступлений участников студенческой научной конференции «Великие юристы России».

В завершение Владимир Александрович отметил, что перед руководством Университета планируется поставить вопрос о том, чтобы подобное мероприятие стало доброй традицией и была возможность уделять первостепенное внимание популяризации отечественной юриспруденции, напоминать всем об именах и достижениях великих юристов России.

Пристатейный библиографический список

1. Министерство юстиции России за 200 лет (1802–2002) : историко-правовой очерк. М. : НОРМА, 2002.
2. Звягинцев А. Г. Роковая Фемида. Трагические судьбы известных российских юристов. М. : Астрель ; АСТ, 2010.
3. Мыклина А. Анатолий Кони // 24СМИ : сайт. URL: <https://24smi.org/celebrity/119347-anatolii-koni.html>? (дата обращения: 10.04.2022).
4. Липовая Е. А. Ф. Кони. «Тайна семьи К» и другие подвиги самого честного русского судьи // Anews : сайт. URL: <https://anews.com/razvlechenija/77765679-a-f-koni-tajna-semyi-k-i-drugie-podvigi-samogo-chestnogo-russkogo-sudyi.html>? (дата обращения: 10.04.2022).
5. Анатолий Кони // Интересные факты : сайт. URL: <https://interesnyefakty.org/anatolij-koni/> (дата обращения: 10.04.2022).
6. Высоцкий С. А. Кони. М. : Молодая гвардия, 1988.
7. Научные воззрения профессора Г. Ф. Шершеневича в современных условиях конвергенции частного и публичного права (к 150-летию со дня рождения) : сборник материалов Международной научно-практической конференции (г. Казань, 1–2 марта 2013 г.) / под ред. Д. Х. Валеева, К. Рончки, З. Ф. Сафина, М. Ю. Чельшева. М. : Статут, 2014.
8. Габриэль Шершеневич – великий педагог и цивилист // Адвокатская палата Республики Адыгея : сайт. URL: <https://xn--01-6kca8eg.xn--p1ai/ob-advokature/advokatura-rossii/velikie-advokaty/shershenevich-gabriel-felikovich.html> (дата обращения: 12.04.2022).
9. Духовный мир личности юриста : сущность, содержание и структура // Studref : сайт. URL: https://studref.com/672957/pravo/duhovnyu_lichnosti_yurista_suschnost_soderzhanie_struktura (дата обращения: 12.04.2022).
10. Тощенко Ж. Т. Парадоксальный человек : монография. 2-е изд., перераб. и доп. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2008.
11. Борисенко Ю. С. Трансформация духовного мира молодого человека в современной России : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Ставрополь, 2012.
12. Бурняшева Л. А. Духовное пространство в условиях трансформации современного российского общества : автореф. дис. ... докт. филос. наук. Ставрополь, 2015.
13. Волошина Л. В. Духовность : вопросы, суждения, мнения // Научно-педагогическое обозрение. 2013. № 1.
14. Кутырев В. А. Духовность, экономизм и технология : драма взаимодействия // Вестник Нижегородского университета Н. И. Лобачевского. 2012. № 1–3.

15. *Михалец И. В.* Духовно-нравственные отношения студентов : монография. Пенза : Приволжский Дом знаний, 2011.
16. *Руткевин Е. Д.* «Социология духовности» : проблемы становления // Вестник Института социологии. 2014. № 9.
17. *Плахов В. Д.* Норма и отклонение в обществе : философско-теоретическое введение в социальную этнологию. СПб. : Изд-во Юридического ин-та, 2011.
18. *Шамсутдинова А. З.* О некоторых аспектах кризиса духовности современной молодежи, механизмах ее экологии // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 18.
19. *Фомина З. В.* Человеческая духовность: бытие и ценности : монография. Саратов : Саратовская государственная консерватория им. Л. В. Собинова, 2015.
20. *Ахметшин Ш. К.* Гаврила Романович Державин. СПб. : Славия, 2010.
21. Гавриил Романович Державин // Биограф : сайт. URL: <https://biographe.ru/znamenitosti/gavriil-derzhavin> (дата обращения: 25.04.2022).
22. Избранные. Анатолий Тихенко... // Нотариальная палата Ставропольского края : сайт. URL: <http://not-palata-sk.ru/novosti-notariata/izbrannye-anatolij-tihenko.html> (дата обращения: 25.04.2022).

References

1. The Ministry of Justice of Russia for 200 years (1802–2002): Historical and Legal Essay. Moscow: Norma, 2002.
2. *Zviagintsev A. G.* Fatal Themis. Tragic Fates of Famous Russian Lawyers. Moscow: Astrel; AST, 2010.
3. *Myklina A.* Anatoly Koni. URL: <https://24smi.org/celebrity/119347-anatolii-koni.html>? (date of the application: 10.04.2022).
4. *Lipovaia E. A. F.* Koni. "The Secret of the K Family" and Other Exploits of the Most Honest Russian Judge. URL: <https://anews.com/razvlechenija/77765679-a-f-koni-tajna-semyi-k-i-drugie-podvigi-samogo-chestnogo-russkogo-sudyi.html>? (date of the application: 10.04.2022).
5. Anatoly Koni. URL: <https://interesnyefakty.org/anatolij-koni/> (date of the application: 10.04.2022).
6. *Vysotskii S. A.* Koni. Moscow: Molodaia gvardiia, 1988.
7. *Valeev D. Kh., Ronchki K., Safin Z. F., Chelyshev M. Iu. (eds.)*. Scientific Views of Professor G. F. Shershenevich in Modern Conditions of Convergence of Private and Public Law (to the 150th Anniversary of His Birth): Collection of Materials of the International Scientific and Practical Conference (Kazan, 1–2 March 2013). Moscow: Statut, 2014.
8. Gabriel Shershenevich – A Great Teacher and Civilist. URL: <https://xn--01-6kca8eg.xn--p1ai/ob-advokature/advokatura-rossii/velikie-advokaty/shershenevich-gabriel-feliksovich.html> (date of the application: 12.04.2022).
9. The Spiritual World of the Lawyer's Personality: Essence, Content and Structure. URL: https://studref.com/672957/pravo/duhovnyy_lichnosti_yurista_suschnost_soderzhanie_struktura (date of the application: 12.04.2022).
10. *Toshchenko Zh. T.* Paradoxical Man: Monograph. 2nd ed. Moscow: lunity-Dana, 2008.
11. *Borisenko Iu. S.* Transformation of the Spiritual World of a Young Man in Modern Russia: Synopsis of a Thesis for a Candidate Degree in Philosophical Sciences. Stavropol, 2012.
12. *Burniasheva L. A.* Spiritual Space in the Conditions of Transformation of Modern Russian Society: Synopsis of a Thesis for a Doctor Degree in Philosophical Sciences. Stavropol, 2015.
13. *Voloshina L. V.* Spirituality: Questions, Judgments, Opinions. *Scientific and Pedagogical Review*. 2013. No. 1.
14. *Kutyrev V. A.* Spirituality, Economism and Technology: The Drama of Interaction. *Bulletin of Nizhny Novgorod University of N. I. Lobachevsky*. 2012. No. 1–3.
15. *Mikhalets I. V.* Spiritual and Moral Relations of Students: Monograph. Penza: Privolzhsky House of Knowledge, 2011.
16. *Rutkevin E. D.* "Sociology of Spirituality": Problems of Formation. *Bulletin of the Institute of Sociology*. 2014. No. 9.
17. *Plakhov V. D.* Norm and Deviation in Society: A Philosophical and Theoretical Introduction to Social Ethology. St. Petersburg: Publishing House of the Legal Institute, 2011.
18. *Shamsutdinova A. Z.* On Some Aspects of the Crisis of Spirituality of Modern Youth, the Mechanisms of its Ecology. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2012. No. 18.
19. *Fomina Z. V.* Human Spirituality: Being and Values: Monograph. Saratov: Saratov State Conservatory named after L. V. Sobinov, 2015.
20. *Akhmetshin Sh. K.* Gavrila Romanovich Derzhavin. St. Petersburg: Slavia, 2010.
21. Gavriil Romanovich Derzhavin. URL: <https://biographe.ru/znamenitosti/gavriil-derzhavin> (date of the application: 25.04.2022).
22. The Chosen Ones. Anatoly Tikhenko... URL: <http://not-palata-sk.ru/novosti-notariata/izbrannye-anatolij-tihenko.html> (date of the application: 25.04.2022).

СОКРАЩЕНИЯ, ПРИНЯТЫЕ В ИЗДАНИИ

ВАДА – Всемирное антидопинговое агентство

ВЦИК – Всероссийский центральный исполнительный комитет

ГАИ – Госавтоинспекция

ДТП – дорожно-транспортное происшествие

МВД – Министерство внутренних дел

МИД России – Министерство иностранных дел Российской Федерации

Минфин России – Министерство финансов Российской Федерации

Минюст России – Министерство юстиции Российской Федерации

млн – миллион (-ы)

МЧС России – Министерство Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий

НАТО – Организация Североатлантического договора

НКЮ – Народный комиссариат юстиции

ОВД – органы внутренних дел

ООН – Организация Объединенных Наций

п. – пункт (-ы)

Рособрнадзор – Федеральная служба по надзору в сфере образования и науки

Роспотребнадзор – Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека

Росреестр – Федеральная служба государственной регистрации, кадастра и картографии

РСФСР – Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика

РФ – Российская Федерация

СЗ – Собрание законодательства

СНК – Совет народных комиссаров

ст. – статья (-и)

СУ – Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства

США – Соединенные Штаты Америки

УИС – уголовно-исполнительная система

ч. – часть (-и)

ЮАР – Южно-Африканская Республика

ТРЕБОВАНИЯ, ПРЕДЪЯВЛЯЕМЫЕ К РУКОПИСЯМ, НАПРАВЛЯЕМЫМ В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ АКАДЕМИИ»

Редакция журнала «Вестник Российской правовой академии» (далее — Вестник РПА, журнал) принимает к рассмотрению рукописи статей при условии:

- соблюдения требований, предъявляемых к рукописям, направляемым в редакцию журнала;
- соответствия представленных материалов общей тематике журнала и его рубрикации;
- соблюдения публикационной этики, правил приема и рецензирования рукописей статей.

Рукопись статьи должна содержать обоснование актуальности, научную новизну, оригинальность, апелляцию к оппонентам, наличие дискуссии, выводы, отражающие основные результаты проведенного исследования. Стиль статьи должен соответствовать требованиям, предъявляемым к научным работам, не являться публицистическим. Автору следует избегать использования цитат из популярных журналов и газет, ссылок на высказывания по телевидению. Ссылки на интернет-источники должны соответствовать ГОСТ.

Рукопись статьи не должна содержать выдержки из диссертаций, монографий, учебной литературы, иных научных и учебно-методических работ. Не принимаются материалы, опубликованные ранее в других изданиях, в том числе самим автором рукописи. В случае направления рукописи статьи одновременно в редакции нескольких изданий автор обязан известить об этом ответственного секретаря журнала Вестник РПА.

Тексты статей принимаются исключительно в случае, если они соответствуют следующим техническим требованиям:

- объем – не менее 12 страниц формата А4;
- шрифт – Times New Roman, кегль 14;
- междустрочный интервал – 1,5;
- поля – по 2 см со всех сторон;
- абзацный отступ – 1 см;
- все аббревиатуры и сокращения расшифрованы при первом их употреблении в тексте;
- ссылки затекстовые в виде нумерованного пристатейного списка, в тексте использовать квадратные скобки с указанием номера издания и страницы (например, [1, с. 5]);
- в рукописи допускается размещение рисунков и таблиц. Рисунки и таблицы выполняются на отдельных листах.

Для рисунков необходимо использовать черный краситель, фотографии не глянцевать. Электронные версии рисунков и фотографий подготавливаются в редакторах Photoshop (*.tif, *.jpg, *.psd, разрешение 600 dpi) или InDesign — отдельными файлами на одну иллюстрацию с приложением их распечаток. Электронная версия текста, таблиц и формул дается в формате RTF.

Автор в обязательном порядке должен представить на русском и английском языках следующие сведения:

- фамилию, имя (полностью), отчество (полностью), ученую степень, ученое звание, почетное звание, должность (полностью, без сокращений и аббревиатур), основное место работы (учебы), e-mail, город, корреспондентскую контактную информацию (почтовый адрес для связи с научной общественностью, который может быть размещен в открытом доступе), контактные телефоны;
- название статьи;
- аннотацию статьи;
- ключевые слова статьи;
- пристатейный библиографический список, составленный согласно действующим национальным и международным стандартам.

Объем аннотации от 1000 печатных знаков. Аннотация должна содержать актуальность, предмет, цель работы, методологию проведенного исследования; отражать основное содержание и новизну статьи, основные результаты; область их применения, выводы. Аннотация и ключевые слова должны соответствовать теме статьи и ее содержанию.

Редакционная коллегия журнала осуществляет проверку текста статьи с помощью системы «Антиплагиат». Оригинальность текста должна составлять не менее 60 %. Остальные 40 % текста могут составлять надлежащим образом оформленные цитаты из литературных и иных источников, выдержки из законодательства, а также научные клише, стандартно используемые в публикациях подобного рода.

Материалы, не соответствующие указанным требованиям, не рассматриваются. Рукописи и направленные с ними иные материалы авторам не возвращаются.

Более подробная информация представлена на сайте журнала: <http://journal.rpa-mu.ru>.

**ВЕСТНИК
РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ АКАДЕМИИ**

Научно-практический журнал
Всероссийского государственного университета юстиции
(РПА Минюста России)

№ 2 / 2022

Редактор: *О.В. Виноградова*
Дизайн обложки: *Ю.С. Соколова, А.А. Нехай*

Подписано к печати 02.08.2022. Формат 60x90 1/8. Печ. л. 15,5.
Бумага офсетная, шрифт Muirad Pro.
Заказ №

Адрес редакции:
121096, г. Москва, ул. Олеко Дундича, д. 11
Тел.: +7 (499) 963-01-01 доб. 6025.
E-mail: journal@rpa-mjust.ru
www.journal.rpa-mu.ru

Издатель:
ООО «Издательство «Деловой стиль»
119330, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Раменки,
Мичуринский пр., дом 6, корп. 1, кв. 39
Тел.: +7 (495) 649-18-06
E-mail: o.leporskiy@ds-publishing.ru

Типография:
АО «Т 8 Издательские Технологии»
109316, г. Москва, Волгоградский проспект, д. 42, кор. 5.
Тел.: +7 (499) 322-38-30, +7 (499) 322-38-32.
E-mail: info@T8print.ru
www.t8print.ru

ISSN 2072-9936

9 772072 993603